
Стивен
Келман
Пиджин-
инглиш
Номинация на премию The Man Booker 2011
Очень необычный роман, сочетающий жесткость
и мощь «Заводного апельсина», философичность
и глубину «Над пропастью во ржи» и теплую мягкость
«Невероятного ночного убийства собаки».
The Independent

Пиджин-инглиш

Стивен Келман

Аннотация
Стивен Келман. Пиджин-инглиш
Март
Апрель
Май
Июнь
Июль

Аннотация

Гарри — абсолютный новичок: в школе, в городе, в стране, в жизни. Он приехал в Лондон из Ганы, где все иное, от неба над головой до отношений в семье. Гарри живет на девятом этаже, и самый верный друг у него — серый голубь, прилетающий подкормиться на балкон. Гарри — лучший бегун в школе, и он бежит через жизнь, с восторгом вбирая все хорошее и дурное, что попадается на пути, и только мелькают его белые кроссовки с нарисованными фломастером адидасовскими полосками. Он любит всех: и уставшую маму, и вредную сестру, и хулиганистых приятелей, и своего серого голубя, и даже местную банду. Ведь жизнь так прекрасна и так необычна, и все здесь, в Англии, странно и забавно. И пусть Гарри приехал в Лондон совсем недавно, но скоро он станет самым крутым в школе, ведь он не только лучший бегун, но и вот-вот раскроет убийство, что произошло по соседству с его домом. Из него выйдет отменный сыщик, он умеет проникать в самую суть вещей и разговаривать с голубем.

Обаятельная и непредсказуемая история невинного мальчика, балансирующего между наивным миром детства и брутальной реальностью, — история, которая может закончиться по-всякому.

Стивен Келман
Пиджин-инглиш

Посвящается страннику

Мне легче петь научиться как
одинокая птица,
Чем десять тысяч звезд от-
учить танцевать.

Э. Э. Каммингс

Март

Ты видишь вдруг кровь. Она темнее, чем ты думал. Повсюду перед забегаловкой «Цыплята Джо». Чума просто.

Джордан:

— Спорим на миллион, что не дотронешься?

Я:

— У тебя нет миллиона.

Джордан:

— Ну, на фунт тогда.

Да если бы я даже захотел тронуть эту лужу, подойти поближе все равно нельзя. Вокруг натянута лента с надписью:

ПРОХОД ЗАКРЫТ.
ПОЛИЦЕЙСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

И если заступить за ленту, тут такой кипеж поднимется.

А отвлекать полицейского разговорами нельзя, он должен быть начеку, вдруг убийца вернется. Наручники вот они, на поясе у него висят, а пушки не видать что-то.

Мама мертвого пацана охраняет кровь. Вроде

дождик собирался, смыл бы кровь, но мама пацана не позволила дождю пролиться. Она даже не плачет, стоит деревянная и свирепая, словно работа у нее такая — дождь обратно на небо загонять. А голубь себе поклевывает Прямо по крови шлепает. Правда, вид у него печальный и глаза розовые и мертвые.

На земле уже цветы кто-то положил. И фотки мертвого пацана, он на них в школьной форме. В джемпере зеленом.

У меня джемпер голубой. Моя форма лучше. Только галстук дурацкий, колючий очень. Ненавижу, когда одежда колется.

Вместо свечек стоят пивные бутылки, а друзья мертвого пацана написали всякие слова. Типа, клевый друг он был. Написано с ошибками, но это ведь не главное. Бутсы пацана висят на оградке, за шнурки зацепленные. Почти новые «найки» с металлическими шипами и всеми прибамбасами.

Джордан:

— Стырить, а? Ему они уже не нужны.

Я притворяюсь, будто не слышу На хрена Джордану их тырить, на миллион размеров больше. Висят себе на ограде такие пустые-пустые. Я бы и сам их надел, да не по ноге они мне.

Мертвый пацан был мне почти что другом, наполовину Мы с ним редко пересекались, потому что он старше и из другой школы. Он умел кататься на велосипеде без рук, и я никогда не хотел, чтобы он грохнулся. Я помолился за него про себя. Просто сказал «прости». Это все, что я помню из молитвы. И еще я свирепо посмотрел на кровь, воображая, как под взглядом кровь снова превращается в пацана. Я хотел оживить его. Я знаю, это возможно, там, где я жил раньше, один вождь сумел оживить своего сына. Но давным-давно, я еще не родился. Чесслово, это чудо было. А чудо не всегда срабатывает.

Я отдал мертвому пацану свой мячик-липучку. Мне он все равно не нужен. У меня под кроватью еще пять. А Джордан отдал только красивый камешек, который нашел на тротуаре.

Я:

— Это не считается. Вещь должна быть твоя.

Джордан:

— У меня с собой ничего нет. Я ведь не знал, что нужно подарок приносить.

Я протянул ему клубничную жвачку, чтобы он отдал мертвому пацану, а потом показал, как креститься. Мы оба перекрестились. Мы себя тихо вели. Чувствовалось, что так надо. А потом

понеслись домой. Я легко обогнал Джордана. Я могу любого обогнать. Я самый быстрый в седьмом классе. А сейчас мне еще хотелось поскорее смыться, пока смерть не догнала нас.

Дома тут огромные. Моя башня высокая, как маяк в Джеймстауне. Три башни в ряд: Люксембург-хаус, Стокгольм-хаус и Копенгаген-хаус. Я живу в Копенгаген-хаусе. Моя квартира на девятом этаже, а всего четырнадцать. И ни фига не страшно. Когда я гляжу из окна вниз, в животе уже совсем не крутит. А на лифте я люблю ездить, это круто, особенно если один еду. Можно побыть призраком или шпионом. И скорость такая, что даже про запах ссак забываешь.

Внизу дует сильный ветер, прямо ураган. Встанешь у подножия башни, раскинешь руки и представляешь себя птицей. Кажется, еще чуть-чуть — и ветер поднимет тебя в воздух и ты полетишь.

Я:

— Держи руки пошире!

Джордан:

— И так широко! Так только гомики растопыриваются!

Я:

— Какие гомики! Это же классно!

Чесслово, прямо чувствуешь, что ты живой. Вот только ветру совсем уж поддаваться нельзя, не то поднимет в воздух, а где уронит, неизвестно. Может, в буш сплюнет или в море.

В Англии до фига разных слов обозначают одно и то же. Если какое-нибудь слово забыл, всегда другое найдется. Голубец, петушок и гомик означают одно и то же. Отлить, сбрызнуть и сурлять (а еще поприветствовать вождя) — про то же самое. На шишку тоже найдется миллион разных слов.

Когда я впервые пришел в новую школу знаешь, что меня спросил Коннор Грин?

Коннор Грин:

— У тебя карандаш есть?

Я:

— Да.

Коннор Грин:

— Что, точно есть?

Я:

— Да.

Коннор Грин:

— Уверен?

Я:

— Ну да.

А он все не отстает со своим карандашом. Остановиться не может. Задрал уже. И я начинаю

сомневаться. Коннор Грин ржет, а я все никак не пойму ничего. И тогда Маник объяснил мне, в чем дело.

Маник:

— Он спрашивает, есть у тебя пиписька или нет. Ко всем пристает с этим. Это прикол такой.

Коннор Грин:

— Вот лох! Мудила тупорылый.

Коннору Грину только бы поприкалываться. Но со мной у него не вышло. Я ведь правду сказал, у меня есть карандаш. В смысле, пиписька. В чем же тут прикол?

У некоторых на балконе белье сохнет или цветы растут. А я с балкона на вертолеты смотрю. Даже голова чуть кружится. Больше минуты стоять нельзя, а то превратишься в сосульку У меня на глазах З-Омби написал свое имя на стене Стокгольм-хауса. Он не знал, что я за ним наблюдаю, работал просто зашибись, слова так ловко выходили. Я бы тоже хотел написать свое имя большими буквами, только баллончик с краской — штука опасная. Брызнешь на себя — и будешь всю жизнь ходить с пятном, фиг смоешь.

Маленькие деревья стоят в клетках. Клетки нужны, чтобы деревья не украли. Чесслово, дурь та еще. Да кому нужно деревья воровать? Это все

равно что сожрать пацана, когда можно просто отобрать жрачку, которую он купил в «Цыплятах Джо».

* * *

Когда мама включает у телефона громкую связь, ясно становится, как они далеко. Папин голос как эхо, словно он из подводной лодки со дна моря говорит. Я представляю, что воздуха у папы осталось на один час и если он не всплывет, то все, конец ему Пока папы нет с нами, я — мужчина в доме. Он всегда так говорит. И мой долг — за всем присматривать. Я рассказал папе про моего голубя.

Я:

— Голубь прилетел к нашему окну Лидия как перепугается.

Лидия:

— Эй! Не пугалась я!

Я:

— Пугалась. Сказала, что от его трепыханья ей жутко делается. Я его поймал.

Я набрал в пригоршню чуть-чуть муки, и голубь сам сел мне на руку Голодный он был. Вот и повелся на муку Только надо двигаться медленно, а то голубь испугается и улетит.

Лидия:

— Быстрее! Как цапнет сейчас кого-нибудь!

Я:

— Мозги включи! Он только и думает, как удрать. Заткнись и не пугай его.

Коготки у голубя царапучие, как у цыпленка. Так классно. Он будет только моим голубем. Я внимательно оглядел его, чтобы хорошенько запомнить цвет перьев, выпустил на балкон, и он тут же улетел. Не всегда ведь надо убивать.

Папа:

— Молодчина!

Папин голос улыбался. Я люблю, когда его голос улыбается, значит, все хорошо. После голубя не надо мыть руки, уж у моей птицы точно нет никакой заразы. А то вечно все требуют, чтобы помыл руки. Чесслово, тут повсюду зараза, ты даже не поверишь сколько ее! Все вечно трясутся, как бы не заразиться. А самая опасная зараза — африканская, поэтому Вилис шарахается в сторону, как только я рот открываю, чтобы «привет» ему сказать, думает, будто от микробов в моем дыхании тут же скопытится.

Я раньше и не знал, что во мне живут микробы. Их ведь не видно, не слышно. Затаились, микробы такие хитрые! И мне плевать, что Вилис

ненавидит меня, грязный жаденыш, сроду пас не отдаст.

Агнес любит выдувать пузыри. Ей можно, она ведь еще совсем младенец. По мне, так пусть пузырится себе. Сколько хочет, столько и пузырится.

Я:

— Привет, Агнес!

Агнес:

— Вет!

Чесслово, это ее «Вет!» так и звенит стеклянным колокольчиком в ушах! Сразу в нее влюбляешься. Когда Агнес кричит «Вет!», мама тут же плакать и смеяться начинает, — никого больше не знаю, кто бы плакал и смеялся разом. Агнес не смогла поехать, мама ведь на работе все время. За ней бабушка Ама смотрит. Когда папа продаст все товары из лавки, тогда денег хватит на билеты и мы снова будем все вместе. Пока только два месяца прошло, как мы уехали, а забывать начинаешь через год, не меньше. Я не хочу, чтобы так долго было.

Я:

— Скажи «Гарри».

Папа:

— Ну нет. Дай ей время.

Я:

— А что она делает?

Папа:

— Пускает пузыри. Ну все, пора закругляться.

Я:

— О'кей. Приезжай скорее. Привези мне *ахомки*[1], здесь их нигде нет. Я люблю тебя.

Папа:

— Я лю…

И тут телефонная карта резко сдыхает. Ненавижу когда такое происходит. Для меня это всегда шок. Типа когда в небе вечером бесшумно летит вертолет, мне всегда кажется, что он сломался и сейчас свалится прямо на меня! Уловить рокот мотора — это такое облегчение!

Я видал настоящего мертвеца. На рынке в Канеши, где я когда-то жил. Одну леди с апельсинами сбил фургон, никто и не заметил, как он подъехал. Я представил, что раскатившиеся апельсины — это ее счастливые воспоминания, которые теперь ищут нового хозяина. Чистильщик ботинок попробовал стырить апельсины, что не укатились далеко, но папа и еще один человек заставили его сложить все в корзину Это долг праведника

---

[1] Примечания: 1

Имбирные конфеты. — *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

— наставить безбожника на истинный путь, даже если сам грешник не хочет наставляться. Это ведь ему только кажется, что не хочет, а на самом деле хочет. А настоящий праведник споет любой церковный гимн, не подглядывая в слова. Только пастор Тейлор да мистер Фримпонг знают все гимны наизусть, а они уже старые. Мистер Фримпонг такой старый, что у него в ушах живут пауки. Я сам видел.

В церкви мы вознесли особую молитву по мертвому пацану Мы попросили Господа принять его душу с миром и смягчить сердца его убийц, чтобы они пошли и признались. Пастор Тейлор обратился ко всем детям: мол, если увидим у кого нож, сказать ему.

Лидия чистила ямс для *фуфу*[2].

Я:

— У тебя нож! Пойду скажу про тебя!

Лидия:

— Отвали! Чем мне чистить, ложкой?

Я:

— А ты просто дыхни, все само почистится. У

---

[2] Примечания: 2

Вездесущий элемент ганской кухни «фуфу» — своеобразное пюре из ямса, банана или маниоки, которое иногда скатывается в шарики и употребляется с супами или другими блюдами, а иногда сдабривается мясом или рыбой, превращаясь в некое подобие гуляша. Ашанти говорят: «Съел без фуфу — совсем не ел».

тебя дыхание, как у дракона.

Лидия:

— А у тебя, как у собаки. Опять вылизывал собачью дырку?

Это у нас любимая игра — кто кого круче обзовет. Обычно я выигрываю. Я набрал уже тысячу очков, а Лидия всего двести. Мы играем, только когда мама нас не слышит. Я ткнул себя в руку вилкой, хотел узнать, как больно будет и надолго ли останутся отметины. Решил: если ямки не исчезнут, можно всем говорить, что это волшебная печать, с которой я родился, — знак того, что я умею читать чужие мысли. Только отметины уже через минуту исчезли. Болело зато дико.

Я:

— Интересно, что будет, если тебя пырнут понастоящему? Звезды увидишь?

Лидия:

— Хочешь проверить?

Я:

— Или пламя. Спорим, пламя увидишь. Мой «мустанг» в огне. У меня четыре машины: «мустанг», «жук», «лексус» и «сузуки-джип». Самый клевый — «мустанг». Он весь синий, а на капоте — огненные крылья. А царапин нет совсем, он у меня ни разу в аварию не попадал, я только лю-

буюсь им. Даже если закрою глаза, вижу пламя. Наверное, смерть на огонь похожа, любая красота в огне сгорает.

* * *

Папа Маника показал мне, как завязывать галстук. В мой первый день в новой школе. Сначала я спрятал галстук в портфель, хотел сказать, что у меня его украли. Только все были в галстуках — я прямо испугался. А вместе с Маником пришел его папа. Он и научил меня завязывать галстук.

Папа провожает Маника в школу каждый день. Защищает сына от грабителей. А то у Маника однажды отобрали кроссовки. Один чел из Сонной Лощины, это банда такая. И закинул на дерево — видно, не подошли. А Маник не мог их снять, потому что толстый и на дерево залезть не может.

Папа Маника:

— Пусть только попробуют еще. В следующий раз будет другая история, ублюдки мелкие.

Папа у Маника крутой. Глаза вечно красные. Он умеет драться на мечах. В общем, хорошо, что мы с Маником не враждуем! Папа Маника надел на меня галстук и узел завязал. Потом показал, как снимать галстук, не развязывая. Надо ослабить

узел, чтобы голова пролезла, и готово дело. И не надо каждый день завязывать узел. Можно сказать, узел на всю жизнь. Да, я победил этот проклятый галстук!

В новой школе гимнов не поют. А в старой самая ржака была, когда Кофи Аллоти слова перевирал:

Перед престолом небесным
Мы молитву к Тебе вознесем,
Чтоб не ставил подножки нам, грешным,
И не вздумал палить нас фигней.

Чесслово, все перлись от него. Так и звали: Кофи Приколист.

Поначалу мы с Лидией на переменах держались вместе, а теперь у каждого завелись свои друзья. И если мы с ней случайно пересечемся, то притворяемся, что не знакомы. Кто первый скажет «привет», тот полный лох. На переменах я играю в бомбового смертника или в зомби. Бомбовый смертник — это когда с разбегу врезаешься в кого-то со всей дури. И если он падает, то тебе сто очков. А если просто зашатается — десять. Кто-нибудь один всегда стоит на стреме, потому что играть в бомбового смертника запрещено.

Если учитель застукает, то оставит после уроков.

Зомби — это просто зомби. Чем лучше изобразишь, тем больше тебе очков.

А если играть неохота, можно разными штуками меняться. Чаще всего меняются футбольными наклейками и конфетами, но вообще-то махнуться можно кто чем захочет. Чевон Браун и Салим Хан раз поменялись часами. У Салима Хана тикалки показывают время на Луне, но у Чевона Брауна даже круче — из настоящего титана. Но у обоих хитовые часы. Все были довольны сделкой, но потом Салим Хан захотел поменяться обратно.

Салим Хан:

— Я передумал, вот и все.

Чевон Браун:

— Чел, мы ударили по рукам.

Салим Хан:

— Я скрестил пальцы, не счетово!

Чевон Браун:

— Отсоси! Две плюхи.

Салим Хан:

— Щас. Одну.

Чевон Браун:

— Тогда в лобешник.

Салим Хан:

— В плечо.

Чевон Браун:

— Ну и жопа ты!

Ну Чевон Браун и вломил Салиму Хану, как дал в плечо, чуть руку ему не оторвал. А сам виноват, нечего идти на попятный. Но он просто испугался, что его мама взбесится.

У меня часов пока нет, да и не нужны они мне. В школе есть звонок, а в классе — стенные часы. А после школы я и так знаю, сколько времени, живот у меня получше всяких часов. Как есть захочется, значит, пора домой, не запутаешься.

Я был мертвым пацаном. З-Омби показывал на мне, как втыкать нож. Только вместо чикалки использовал пальцы. Ну и острые они у него. З-Омби говорит, когда решил кого порезать, надо делать все быстро, потому что нож — вроде как часть тебя самого.

З-Омби:

— Когда режешь, надо чувствовать, куда бьешь. Если попал в кость, то самому внапряг будет. Лучше в мягкое втыкать, проще всего в брюхо, тогда все ништяк и сам ты ничего не почувствуешь. Когда я в первый раз пластал, козел мне подлянку кинул. Все кишки вывалились. Я чуть харч не метнул. Потом узнал, что надо с лаской резать. Тихонько и к болту поближе. Больше так

не попадаю.

Шиззи:

— А у меня, когда в первый раз чувака пырнул, перо застряло. Ну, за ребро зацепилось. Я дерг, дерг. Отдай ножик, тварь!

Резак:

— По-быстрому надо. Воткнул — и ноги. Не хер сопли жевать.

Убейца молчит. Как немой. Наверное, никого еще не резал. А, может, стольких прирезал, что ему уже и неинтересно. Поэтому его и прозвали Убейца.

Попался З-Омби на глаза — теперь стой и не шевелись, изображай мертвеца. З-Омби не любит, когда трепыхаются. Схватил меня и держит. Хочешь не хочешь, а слушай. Хотя мне было даже любопытно. Как в детстве, когда я в первый раз попробовал пюре из бобов. Гадость, а бросить нельзя. Едой не швыряются. Грех.

Ребра у меня еще долго ныли, хотя З-Омби давно уже от меня отстал и пошел своей дорогой. Просто жуть. У З-Омби изо рта пахло табаком и шоколадным молоком. Совсем не страшно.

По субботам мы ходим на рынок. Он весь под открытым небом, так что, пока мама покупает, здорово намерзнешься. Приходится покрепче

сжимать зубы, чтобы не стучали. Да я бы сколько угодно терпел, если бы мама покупала все эти классные вещи вроде авто с дистанционным управлением или самурайского меча. Меч, правда, из деревяшки, но выглядит супер. Если бы у меня были финансы, я бы точно такой меч купил, чтобы отгонять непрошеных гостей.

Мой любимый лоток — со сладостями. Тут продают конфеты «Харибо» всех видов. У меня есть цель — перепробовать их все. Пока я и половины не попробовал. А их, наверное, миллион. Мармеладки «Харибо» выпускают в форме всего чего угодно, чес-слово. Тут тебе и кока-кольные бутылки, и гусеницы, и молочные коктейли, и плюшевые мишки, и крокодилы, и яичница, и куколки, и клыки, и вишенки, и лягушки, и целая куча всего. Кока-кольные бутылочки — самые крутые.

Не люблю только желейных младенцев. Жохан. Самые настоящие покойники. Мама каждый день видит мертвых детей на работе. Поэтому я никогда не покупаю мармеладных младенцев, не хочу напоминать ей.

Мама все глаза просмотрела — искала голубиное гнездо. Я помолился про себя, чтобы не нашла.

Я:

— Это несправедливо. Все потому, что Лидия их боится.

Лидия:

— Не ври! Стану я бояться!

Мама:

— Нельзя, чтобы голуби летали у нас по дому, грязь одну разводят, пакостят везде.

Я:

— Голубь залетел всего раз. Голодный был, вот и все.

Мама:

— Не изображай невинность, Харрисон. Я с тобой даже спорить не хочу.

Некоторые затягивают свои балконы сеткой от голубей. А я против — птицы не делают ничего плохого. Хочу, чтобы мой голубь вернулся. Я даже спрятал в свой ящик стола немного муки для фуфу — специально для него. Хорошо бы его приручить, чтобы сидел на плече. А мою молитву Господь услышал, голубиных сеток на рынке не продают. Классно!

Я:

— Не расстраивайся. Если он опять прилетит, я скажу ему, чтобы поискал другой дом.

Мама:

— Лучше не рассыпай больше корм. Весь балкон в муке, не думай, будто я не заметила. Я тебе не дурочка!

Я:

— Не рассыпал я ничего!

Терпеть не могу, когда мама читает мои мысли! Теперь придется быть поосторожнее, дожидаться, когда она заснет.

Я притворяюсь, будто не вижу, как Джордан стащил у одной тетки телефон. Пусть мама не думает, что я с ним заодно, она и так Джордана терпеть не может, потому что он плюет на лестнице. Я стою у лотка с одеждой, за которым торгует Нодди, и все вижу, пока мама расплачивается за мою футболку «Челси». Телефон пойдет З-Омби и Шиззи. Они все обставили хитро: подождали, пока тетка закончит говорить, и как бы ненароком толкнули. Телефон летит на землю, откуда ни возьмись выныривает Джордан, цапает телефон и исчезает в толпе. Точно призрак. Тетка озирается, а телефона и след простыл. Чисто сработано. А Джордану и пенни не перепадет. Ну сунут пару сигарет или пообещают неделю не трогать. Нечестно. На месте Джордана я бы с них хоть десятку содрал.

Новая футболка «Челси» жесткая, прямо колом

стоит. Пришлось наклеить на соски пластырь, чтобы не терло. Правда, она все равно крутая. Мертвый пацан тоже болел за «Челси». Футболка у него была как настоящая, с надписью «Самсунг». Надеюсь, на небесах сетка на воротах натянута как положено и не приходится бегать за мячом за несколько миль всякий раз, когда забьешь гол.

* * *

Тут миллион собак. Чесслово. Не меньше, чем людей. Полно питбулей, они самые крутые, только скажи, запросто загрызут до смерти, если у тебя в пистолете вдруг пули закончились. У самого страшного пса, Харви его звать, хозяин — З-Омби. Этот Харви как вцепится в качели на детской площадке — З-Омби специально научил его, чтобы страшнее всем было, — как повиснет и давай болтыхаться в воздухе, будто чиканутый вертолет. Если Харви неподалеку, я стараюсь не дышать, чтобы пес не унюхал мой страх.

Моя любимая собака — Эшафотка, смешная и ласковая. Мы с ней в первый раз увидели друг друга, когда я играл в футбол с Дином Гриффином. Эшафотка цапнула мячик и деру Мы за ней погнались, только попробуй поймай ее. А ей просто поиграть хотелось, и мяч она порвала нечаян-

но. Теперь у нас только пластиковый мячик, он слишком легкий и вечно улетает ошизеть куда. Облом просто. Ну ничего, скоро у меня будет реально кожаный мяч, уж он-то полетит куда надо.

А ты знаешь, что собаки чихают? Чесслово. Сам видел. Эшафотка расчихалась однажды. Раз сто чихнула, прямо как пулемет, никак не могла остановиться. Все в шоке были. Да и сама Эшафотка удивилась. Ну что это такое, чихает и чихает, и конца-края не видно.

Терри Шушера:

— У нее аллергия на пиво.

Этот Терри Шушера хотел напоить ее пивом из банки, но Эшафотка пить не захотела, все отворачивалась, и вид у нее был печальный-печальный. Тут-то на нее чих и напал. Даже пузыри из носа пошли.

Терри прозвали Шушерой, потому что он вечно шушерит, то есть тянет все, что плохо лежит. Вечно он при легкой добыче — дивидишник там, или мобильник, или еще какая ерунда, — и всем предлагает купить, даже малышне, у которых в кармане точно ни шиша.

Терри Шушера:

— Бери, да? Чистая медь, крутая вещь.

Дин:

— На что нам медные трубки?

Терри Шушера:

— А я знаю? Толкнешь кому-нибудь.

Дин:

— Сам и толкай.

Терри Шушера:

— Вот я и толкаю.

Дин:

— Найди настоящего покупателя, кому это взаправду нужно.

Терри Шушера:

— Все о'кей, сынуля, не монстри. Я только спросил.

Никто и не монстрил. Разве что сам Терри Шушера. Пристанет, не отвяжешься. Завтракает пивом, вот почему он такой.

Мне нравится, когда мама поливает унитаз чистящим средством, оно так прикольно пенится. Будто на облако пописал. Я нарочно терплю подольше, чтоб побольше пузырьков вышло. Пока я не схожу в туалет, никому нельзя смывать химию. Я воображаю, будто я сам Господь Бог и передо мной любимое облако. Я видел облака сверху, когда мы летели в самолете. Мы поднялись выше них. И знаешь, что там? Небо, одно бесконечное небо, и ничего больше. Чесслово. А

рай где-то дальше.

Мама:

— Ты не увидишь рай, пока не пришел твой срок. Бог прячет его за небом до поры.

Я:

— Но он все равно где-то здесь, да?

Мама:

— Ну конечно!

А классно было бы увидеть рай, посмотреть, что поделывает дедушка Соломон.

Я:

— Спорим, он играет в камень и ножницы с самим Иисусом.

Лидия:

— Ага. И мухлюет.

Я:

— Еще чего! На что ему мухлевать?

Лидия:

— Мозг включи!

Дедушка Соломон уверял, что ножницы всегда возьмут верх над камнем, только надо запастись терпением, кромсать и кромсать. В один прекрасный миг камень не выдержит и развалится. А у тех, кто говорит, что камень сильнее, просто терпения не хватает. Вот и все, что я помню из его слов, дедушка умер, когда я еще был маленький.

И в этих словах правда. Мухлюет он! А Лидия — дура.

Когда мы в Каире пересели на рейс в Англию, Лидия всю дорогу боялась, что наш самолет вот-вот упадет. Места у нас были прямо у крыла. Чуть привстанешь — и видно, как крыло все трясется. И совсем не страшно. Если самолет разобьется, возле крыла безопаснее всего, здесь он самый прочный. Так папа сказал. А тряска — явление нормальное.

Я:

— Гляди, гляди, как дрожит! Сейчас отвалится!

Лидия:

— Хватит!

Мама:

— Харрисон! Немедля перестань молоть языком и пристегнись!

Крушения так и не случилось. Даже ерундовского. А здорово было бы.

Возвращаюсь из школы, а у дома полно полицейских. На двух машинах приехали, рыщут по кустам, перетряхивают урны, будто потеряли что. И тетка среди них. Только одета, как дядька. Трехнуться можно. В форме полицейской, штанах, все как полагается. Детей расспрашивает и, пока не ответишь, домой не пропустит. Круто. А

вообще женщина-полицейский — это клево. Хоть поговорит с тобой вежливо, а не сразу по башке.

Гопник:

— А можно наручники посмотреть? Я себя плохо вел, наденьте мне колечки…

Женщина-полицейский:

— Гляди!

Она все приставала к нам насчет мертвого пацана. Где он был в тот день, и не цеплялся ли кто к нему, и не бросилось ли нам в глаза что-нибудь странное. Нет, говорим. Ничего не видели, ничего не знаем. И рады бы помочь, да нечем.

Дин:

— А зацепки у вас есть?

Я:

— На свитере, что ли?

Дин:

— На преступников, чучело.

Женщина-полицейский:

— Мы над этим работаем.

Дин:

— Узнаем что-нибудь, сразу эсэмэску кинем. Давайте номер.

Женщина-полицейский:

— Ну ты, парень, нахал.

Полицейские потолклись-потолклись и сва-

лили. Харви кидался на боковое зеркало на полицейской машине, откусить хотел. З-Омби его нарочно науськал. А Убейца с Шиззи помогали, дразнили пса. Пока кто-то из копов не брызнул ядом из баллончика в морду собаке. Людей-то он только ослепляет, зато собак убивает в пять секунд.

Я:

— А я знаю, где убили пацана, там все в крови.

Дин:

— Вот бы посмотреть.

Лидия:

— Да ни за что!

Я:

— Не придуривайся. Тебе тоже хочется. Представляешь, целая река крови, хоть ныряй.

Лидия:

— Вот только не гони. Мозг включи.

А я бы нырнул. Достал бы до дна, а потом вынырнул. Я умею долго не дышать, не захлебнусь. А если я жив, значит, и мертвый пацан как бы с нами. Открою глаза, вдохну глубоко-глубоко, а в воздухе — он. Нарочно стараюсь не дышать, чтобы почувствовать, как кровь бежит, — но ничего не чувствую. Если бы я знал, что через пять минут истеку кровью, точно придумал бы, чем

заняться. Наелся бы до отвала китайского риса, пописал на облако, рассмешил Агнес. Состроил бы ей рожу: глаза в кучку и языком кончика носа касаюсь. Когда знаешь, сколько осталось, можно подготовиться. А так несправедливо получается.

* * *

Барабанная дробь — мои любимые два слова на сегодняшний день. На уроке музыки мы играли на барабане. Чтобы получилась дробь, надо быстро и громко колотить двумя палочками. Звук получается похожий на эти самые слова: «барабанная дробь». Прикольно.

У большого барабана, его еще зовут бас-барабан, есть педаль, на которую ногой надо давить. Просто чума. Обычно все стучат в барабан слишком сильно, будто хотят расфигачить. А я стараюсь бить потише, так, чтобы он сам звучал. Я показал Поппи Морган, как двигать ногой, чтобы не выбиваться из ритма. Это легко, надо просто считать про себя до четырех и на счет «раз» жать на педаль. Вот так:

1 2 3 4
1 2 3 4

Повторяй, пока не выйдет как надо. А если

хочешь ускорить ритм, дави на педаль на счет «раз» и «три».

1 2 **3** 4
1 2 **3** 4

Правда, тогда получается очень уж быстро, словно из штанов выпрыгиваешь. Когда я показывал Поппи Морган, как играть на большом барабане, то нечаянно понюхал ее волосы. Они медом пахли. Волосы у Поппи Морган желтые, как солнце. А когда она улыбнулась мне, внутри все так и скрутило, непонятно почему.

С моего балкона видно только парковку и мусорные баки. Реку не видать, деревья заслоняют. И дома, дома… Длинные, точно змеи. А в домиках поменьше живут старики и малахольные. Так мама Джордана называет тех, у кого с головой не в порядке. Кое-кто таким и родился, а кое-кто слишком много пива пил. Некоторые с виду вроде и нормальные, только не могут сложить два и два и говорить нормально не могут.

Мама и Лидия храпели, как две свинюшки. Я накинул куртку и зачерпнул в горсть муки. Ночь, поздно совсем. В небе вертолеты, гоняются за грабителями, слышно, как ревут их вертушки. Деревья за многоэтажками колыхались от ветра,

но реки не слышно, спит. Папа, Агнес и бабушка Ама, наверное, видят меня сейчас во сне, как будто телевизор смотрят. Голубь чувствовал, что я жду его, вот-вот должен был прилететь, я точно знал.

Я подождал, пока стихнет ветер, и насыпал муку на перила. Длинной полоской, чтобы голубь издалека заметил. Но тут ветер как снова наскочит. И всю муку сдул. Только бы птичка поняла, что я надумал, и спустилась ко мне. Мне нравятся у голубей оранжевые лапки, и как головами вертят, нравится, словно слушают невидимых музыкантов.

Все-таки прикольно жить на девятом этаже, ты видишь всех, кто внизу, а тебя — никто. Я уже хотел плюнуть вниз, но у баков мелькнула чья-то тень, и я сглотнул слюни. Там, у бака для бутылок, кто-то на четвереньках стоял и шарил рукой под днищем, словно туда чего закатилось. Лица под капюшоном не разглядеть.

Я:

— Тут грабитель! Вертолет, давай сюда, тут твой клиент! Врубай прожектор!

Ну я, конечно, не вслух сказал это.

А человек достал какую-то штуку из-под бака, головой по сторонам покрутил и развернул.

Сверкнуло что-то. Вроде как ножик. Длинное, блестит. Хотя я видел всего секунду, но сразу про ножик подумал. Чел опять завернул его, сунул в штаны и быстро двинул к реке. Прикольно. Вертолеты ничего не заметили, не погнались за ним. Очень уж высоко. А бежал этот чел как-то по-девчоночьи, локти нарастопырку. Уж я точно бегаю быстрее.

Я бы и еще постоял и посмотрел, но уж очень сильно захотелось поприветствовать вождя. Совсем невтерпеж. Не знаю, почему голубь не прилетел. Мы его не собираемся убивать, ничего подобного. Просто очень хочется кормить птичку и учить разным штукам.

* * *

Я видел, как встает солнце и как мальчик идет в школу, каждый мой день начинается с того, что ко мне приходит вкус его мечтаний. Вкус всех твоих мечтаний. Сверху ты кажешься таким невинным, таким увлеченным, таким занятым. Когда ты со стайкой других детей разглядываешь что-то любопытное или когда вы бросаетесь врассыпную от чужака, я нахожу между вами и нами больше сходства, чем принято считать. Однако и различия велики.

Вот он я, на подоконнике квартиры на девятом этаже, поклевываю остатки проса. Мне вас жалко, ведь ваша жизнь так коротка и тяжела. Я не знал мальчика, который умер, он был не мой. Но я знаю, что такое материнское горе, — оно впивается в тело не хуже кустов ежевики, растущей на обочинах. Мои соболезнования, и все такое. А теперь прикройте головы. Настала такая минута. Не стреляйте в посланца.

Когда кто-нибудь со всего маху хлопает дверью внизу моя квартира трясется. По-настоящему Один хлопнет, а всех качает. Даже круто. Будто все вокруг живут в одной большой квартире. Я представляю, что это землетрясение. Мистер Томлин сказал, что землетрясения бывают только в тех частях мира, где горы еще молодые и нежные. Все засмеялись. Мистер Томлин смешной. У него шутки прикольнее, чем у Коннора Грина.

Я только не люблю, если шумят очень уж громко. Прямо зверею. Будто ворвались налетчики и вот-вот всех нас поубивают. Когда шум приближается, я делаю звук у телевизора погромче. Если ворвутся чужаки, я должен прогнать их. Я же мужчина в доме. У нас всегда дверь на цепочке и засов задвинут, так что чужим не пробиться. А если все-таки просочатся, я их вилкой, вил-

кой покромсаю, ведь ножом нельзя, получится убийство, а вилка — это самооборона. Заслоню собой Лидию и спасу ее. И маму тоже, если она дома будет. А пока я разбираюсь с налетчиками, Лидия или мама позвонят в полицию. Целить вилку буду в глаз, в него легче всего ткнуть, самое незащищенное место. Ослеплю, вытолкаю вон, запихаю в лифт. И готово дело.

Если, конечно, только чужаки явятся. Это еще бабушка надвое сказала.

Я посмотрел в глазок. Всего-то навсего Микита и Шанель. Я отодвинул засов.

Микита:

— Охрана бдит?

Лидия:

— Впусти их, Харрисон.

Я:

— Прекрати называть меня «Харрисон». Ты не мама.

Лидия вечно корчит из себя командиршу, когда ее подружки приходят. Сразу вся надувается и начинает: «Харрисон, иди к себе в комнату и делай уроки». А я не хочу к себе в комнату. Это они желают меня услать, чтобы не мешал смотреть

«Холлиоукс»[3]. Крутейшее мыло, нечего сказать. Все только и делают, что слюнявятся. Иногда даже парень с парнем. Чесслово! Просто тошнотина какая-то.

Я:

— Вот скажу маме, что вы смотрите всякую шнягу. Сплошные поцелуи.

Тут Лидия захлопывает дверь у меня перед носом. Подождет, пока я подойду поближе, и захлопнет. Низость какая. Раньше она себе такого не позволяла. На все готова, лишь бы ее тупые подружки посмеялись надо мной.

Я:

— Открой дверь!

Лидия:

— Микита против. Ты ее за попу щипаешь.

Я:

— Не гони. Нужна мне ее попа.

И это правда. Сдалась мне Микитина попа. Уж лучше сунуть руку в муравейник с муравьями-убийцами. Микита и Шанель дико озабоченные — как начнут заливать про мальчишек, с кем

---

[3] Примечания: 3

Холлиоукс — вымышленный пригород Честера. Герои — ученики местного колледжа, которые живут самой обыкновенной жизнью, сталкиваясь на каждом шагу с истязаниями, взрывами, автокатастрофами, самоубийствами, обманом, предательством и несправедливостью.

якобы сосались (это означает очень крепкий поцелуй), хоть беги. У Микиты губная помада — вишневая. И со вкусом вишни. Говорит, это чтобы наши с ней поцелуи были сладкие и свежие.

Я:

— Поцеловать меня? Отвали!

Микита:

— И куда ты денешься? Вот ведь втрескался, даже подойти боится.

Я:

— Ничего я не втрескался. Да чтоб ты в крокодилью яму свалилась.

Микита была бы ничего себе, если бы только рот не разевала. Села как-то мне случайно на руку, так мне аж жарко стало. А щипать ее за попу я и не собирался. Она еще та динамистка, вечно материт наш телик, какой он древний, даже корпус из дерева. Телик нам достался из раковой лавки, когда-то он мертвецу принадлежал. Картинка появляется не сразу, надо подождать, пока телик нагреется. И еще куча времени пройдет, пока цвет появится. Успеешь сходить поприветствовать вождя и вернуться. Я проверял.

Микита не пойдет на похороны мертвого пацана. Она его не знала.

Микита:

— Да на хрена мне эти заморочки? Все похороны одинаковые.

Я:

— Выкажешь уважение.

Микита:

— Какое еще уважение? Сам виноват, что дал себя убить, не надо было подставляться. Не фиг играть с огнем.

Я:

— Сама не знаешь, что несешь, тебя там даже не было. Ничего он не подставлялся, убийца просто захотел отобрать у него деньги на жрачку из «Цыплят Джо».

Микита:

— Да ради бога. Сам не знаешь ни хрена. И вообще ты еще младенчик. Сопляк, а туда же.

Я:

— Сама ты ничего не знаешь. Чесслово, ты настоящая дура.

Микита:

— Чесслово, чесслово! Чесслово, моська ты! Вот растявкался. Сгинь с глаз моих, не З-Омбижай.

Я:

— Ага, твои глаза и З-Омбижают. И губы у тебя как у рыбы!

И сбежал, пока у меня глаза кровью не нали-

лись от злости. Если Микита накинется на меня с засосами, я точно ее убью. Уж больно противная, и ладони у нее вечно липкие.

Двери торгового центра открываются как по волшебству. Сами. На дверях вывешены правила:

ЗАПРЕЩЕНЫ СПИРТНЫЕ НАПИТКИ
ЗАПРЕЩЕНЫ ВЕЛОСИПЕДЫ
ЗАПРЕЩЕНЫ СОБАКИ
ЗАПРЕЩЕНЫ СКЕЙТБОРДЫ
ЗАПРЕЩЕНО КУРЕНИЕ
ЗАПРЕЩЕНЫ ИГРЫ С МЯЧОМ

А чуть пониже настоящих правил кто-то приписал ручкой:

ЗАПРЕЩЕНЫ СТРАШИЛЫ

Страшила — это девчонка, которая хочет от тебя ребенка. Дин Гриффин мне все про них рассказал.

Дин:

— Если поцелуешь страшилу, все, считай, залетел. Даже смотреть на нее долго нельзя, сразу по самое не могу вляпаешься. Зуб даю! Настоящие тошнотины, потом не ототрешься.

Даже издали заметно, что лицо у страшилы в

струпьях, а куревом от нее за сто шагов несет. И от их младенцев тоже. Мы представляем, что страшилы — это зомби и они охотятся на нас. Спасайся кто может. Догонят, засосут своими губищами, и сам станешь зомби. А что, прикольно получилось. Но мы деру как раз вовремя дали, успели спастись.

Дин — мой второй лучший друг. Он в школе мой лучший друг, а на улице — Джордан. Это Дин посоветовал мне прятать деньги на завтраки в носок, чтобы бандюганы не отняли. Он сам так всегда делает, и бандюганы с него ничего не имеют.

Я тоже сунул деньги в носок, но сразу вырос бугор. Даже ходить с таким шита ком неудобно. Так что я держу свои завтраковые деньги в кармане, и почему-то никто ко мне не пристает.

Я:

— Думаешь, мертвый пацан сам виноват, что его убили? Подружка сестры так сказала. Но я ей не верю. Она, по-моему, точно страшила. Думаешь, убийцу поймают?

Дин:

— Полиция, что ли? Эти дуболомы? Вряд ли. Спецов по компьютерным методам надо из «Си-

эс-ай» подключать[4]. Для них раскрыть такое дело — как два пальца об асфальт.

Я:

— Кто это такие?

Дин:

— Самые крутые детективы в Америке, с самыми крутыми современными методами. Улики найдут, где никто и не подумает, реально. Это не только кино, я сам видел по телику передачу про перцев с битами и монтировками, которые людей ими фигачат. Уложат на асфальт, да еще в лоб пнут или там в лицо.

Я:

— Зачем?

Дин:

— Не знаю, просто так, для прикола. И свидетелей никого. Но у этих из компьютерщиков такая была спецпрограмма, которая по следу определяет, какие на тебе кроссовки. Вот они и сравнили отпечатки подошв на лице мертвяка с остальными следами и повязали убийцу. Просто классно.

Я:

— Ага. Классно. Хорошо бы и тут так. Может, мы сможем найти отпечатки подошв.

---

[4] Примечания: 4

Имеется в виду популярный детективный сериал «CSI. Место преступления».

Дин:

— Может, и так. Только технология у нас — говно. Даже нужного оборудования нет. Эй, смотри, куда прешь!

В нас чуть не врезался Терри Шушера. Несся как псих, нас даже не заметил. Под мышкой у него была коробка с цыплятами, весит целую тонну, наверное. Ясное дело, пара штук шлепнулась на землю. Но Терри Шушера лишь газу поддал. Глаза у него от напряжения едва не лопались, так смешно. Мы шарахнулись в сторону.

Мясник:

— А ну вернись, долбоеб сопливый!

Да куда ему угнаться за вором, жирняю. Махнул рукой и остановился. Остальные ухлопки ждали на ступеньках библиотеки. Схватили по цыпленку и смылись. Даже Эшафотка бросилась наутек. Собачка подумала, что это игра такая, гавкала как чокнутая. Мы за них даже поболели. Прикольно было. Дин сказал, надо приходить сюда каждый день. Мы взяли себе это за правило.

А я так даже и не знаю, где живут настоящие цыплята. Продаются-то они уже дохлые и ощипанные. Чокнуться можно. Я скучаю по живым птичкам. Их мертвые глаза такие милые, в них мечта о блаженных временах, когда они бегали

на солнышке по лужайке и понарошку клевались.

Цыпленок:

— Тюк! Тюк! Тюк!

Другой цыпленок:

— Тюкай отсюда!

Мертвые дети, попав на небеса, продолжают расти. Точно говорю. Это хорошо. Было бы ужасно, если бы дети оставались маленькими и никогда не научились читать или даже говорить. Проку бы не было никакого. Я вот даже не помню, каково это — быть маленьким. Я ведь почти все время дрых без задних ног. И кемарить вот так целую вечность — нет, это с ума можно съехать.

Если младенчик умирает, ему непременно надо дать имя, а то он не попадет на небеса. А когда у людей такое горе, они могут и забыть про имя. Вот моя мама и нарекает покойного за них, берет имя из Библии. Или из газеты — если мама умершего не верит в Библию. Сегодня одна крошка умерла. Это была… как это… внематочная беременность.

Мама:

— Это когда плод развивается вне утробы. Тут уж ничего не поделаешь. Помер и помер.

Маме пришлось дать мертвой девочке имя — и она назвала ее Кэти, в честь одной леди, про

которую написали в газете. Маме девочки очень понравилось имя.

Я:

— В следующий раз, когда умрет мальчик, назови его Харрисон. Родительнице понравится.

Мама:

— Ни за что. Так и несчастье накликать недолго.

Я:

— С чего бы?

Мама:

— Дурной знак потому что. Харрисон — твое имя, и негоже, чтобы кто-то еще его носил.

Иисус находит человека по имени. Иначе откуда ему знать, кого искать, и ты целую вечность проболтаешься в космосе. Вот прикольно-то будет. Особенно если врежешься в солнце и сгоришь как тост.

У мусорных контейнеров должны остаться отпечатки подошв, ну типа как от мокрых кроссовок, в которых по луже прошел. Я перед школой посмотрел, но ничего не нашел. Может быть, у убийцы какие-то особенные кроссовки, с гладкой подошвой, без рисунка, а может, у него походка невесомая. Я-то всегда топаю со всей силы, мне нравится смотреть на свои четкие следы. На пе-

ременке можно всласть напрыгаться по лужам, особенно если дождь, преподы ведь отслеживают камикадзе, и им плевать, что ты по лужам носишься. Одна лужа оказалась глубоченной, просто класс! А как только я в нее прыгнул, надо мной пролетел голубь и чуть-чуть на меня не нагадил. Не знаю, мой это голубь был или нет, издалека не разглядел. В Англии считается добрым знаком, если на тебя наделала птица. Тут все так думают.

Я:

— Даже если прямо на голову?

Коннор Грин:

— По барабану Главное, чтобы на тебя попало, все равно куда.

Я:

— А если в глаз? Или в рот? И ты проглотишь это дело?

Коннор Грин:

— Все равно к счастью. Говно — это к счастью. Все знают.

Вилис:

— У Гарри, наверное, счастья до усрачки, ужасно счастливый, то-то от него вечно говном воняет.

От его слов у меня глаза налились кровью, как у маньяка. Я бы этого Вилиса размозжил в лепеш-

ку, да куча учителей толклась рядом. Пришлось сдержаться.

Дин:

— Не с тобой говорят, ты, лоб в два шнурка. Вали к мамуле копать картошку.

Коннор Грин:

— Ага, топай к своим коровам.

Вилис буркнул что-то на своем языке и кинулся прочь. Прямо по луже промчался, всю игру испоганил. Еще раз меня оскорбит, двину ему по яйцам.

* * *

Хорошо бы меня в самолете похоронили. А у мертвого пацана гроб был вполне обычный, вот разве что с эмблемой «Челси». Но все равно круто. Вся его семья ужас как убивалась. В глазах было черно из-за дождя и траурной одежды. Но никто почему-то не пел.

Мама:

— Упокой, Господи, душу его.

Мама прямо вцепилась в меня и в Лидию, не вырваться. Танцевать тоже не танцевали, да тут еще дождь, скользко. В церковь нас не пустили, только родных. А мы все ждали снаружи. Толпа народу, и не видно ни шита. Я заметил опера-

тора с телекамерой. Леди из теленовостей все поправляла волосы. Никак не могла остановиться, возится и возится. Нашла место. А сейчас как начнет трещать, фиг ораторов услышишь. Попросить, чтоб не открывала рот?

Я:

— Интересно, какие песни будут играть?

Парень постарше:

— Диззи Раскала[5], придурок! «Отсоси у жизни».

Другой парень постарше:

— Знакомая песенка, а?

Леди из теленовостей:

— Без грубостей попрошу, мы здесь снимаем, спасибо.

Парень постарше:

— А это видала, сучка!

И притворился, будто достает свою сосиску и показывает ее леди из новостей. А она даже не заметила, уже спиной повернулась. Выделывался, вот и все. Даже нарочно говорил потише, чтобы она не услышала.

Еще один парень постарше:

— Мокрощелка!

---

[5] Примечания: 5

Британский музыкант, рэпер, музыкальный продюсер с нигерийскими и ганскими корнями.

В стране, где я раньше жил, некоторым заказывали гроб в форме какого-нибудь реального предмета, любимой вещи покойного. Если леди при жизни только и делала, что шила, гробу полагалось быть в форме швейной машинки. Если мужчина жить не мог без пива, у него был гроб-бутылка. Чесслово! Сам видел гроб-машину, в нем похоронили Джозефа, таксиста. Я как раз отнес бутылки в «Хижину Самсона», возвращаюсь, а одна леди из похоронной процессии как выскочит, как подхватит меня и ну танцевать. Круто было. Все вокруг обрадовались и тоже принялись плясать. Я даже забыл, что это похороны.

Я:

— Ему подошел бы гроб в виде футбольной бутсы. В самый раз.

Мама:

— Тише, Харрисон. Проявляй уважение.

Я:

— Прошу прощения.

Нет, у меня точно будет гроб-самолет, никогда такого гроба раньше не видел. Мой гроб-самолет будет самый первый.

Кровь мертвого пацана уже всю смыло дождем, даже пятнышка не осталось. Тут ничего не поделаешь. Мне хотелось увидеть тело, особенно

глаза, как у цыпленка они были или нет, и какая мысль в них застыла. Но когда я продрался сквозь толпу, гроб уже заколотили.

Я потихоньку ускользнул от мамы с Лидией, они даже не заметили. Дин ждал меня на парковке. Мы с ним были разведчики — высматривали, нет ли в толпе чего подозрительного, не вертится ли кто, не переминается ли с ноги на ногу, словно стараясь что-то скрыть. Дин научился этому из сериалов про детективов.

Дин:

— Бывает, убийца приходит на похороны, чтобы поиздеваться над копами. Типа хрен вы меня поймаете, придурки. Встанет себе незаметненько и стоит, ничем не выделяется. Только натянет капюшон на голову, чтобы не отсвечивать. Присмотрись-ка.

Я:

— Капюшоны-то у всех подняты, льет как из ведра.

Правда, капюшонов вокруг, что лодок на море. Особенно в задних рядах. Те, кто был поближе к гробу, кто по-настоящему любил мертвого пацана, под зонтиками стояли, им капюшоны были ни к чему. По-моему, это вдвойне дурной знак — прятаться под зонтом на похоронах. А вдруг

угодишь прямиком на тот свет? Одно хорошо: погребение тебе устроят прямо на месте, мухи слететься не успеют.

Дин:

— А может, тут все дело в цвете капюшона? Хотя нет, херня. Думай, думай.

Я:

— Есть! Надо подойти к каждому и пожать руку, а если кто откажется, значит, что-то скрывает. Как это — на похоронах, и отказаться пожать руку в знак поздравления? Точно, тут дело нечисто.

Дин:

— В знак соболезнования, а не поздравления.

Я:

— Ну, соболезнования. Подойти и сказать… как там полагается… скорбим вместе с вами, вот! Пошли!

Мы протиснулись в задние ряды, где все курили, подняв капюшоны — прятались от телекамер, — и притворились, что приносим официальные соболезнования. Повторяя «Скорбим», принялись пожимать всем руки. Большинство жало нам руки в ответ и на словах разделяло нашу скорбь, люди понимали, что на похоронах не до шуток и что надо проявлять уважение. Все шло тихо и гладко.

Мы с Дином:

— Скорбим.

Капюшон:

— Скорбим.

Мы с Дином:

— Скорбим.

Следующий капюшон:

— Скорбим.

Среди собравшихся были черные и белые. Некоторые даже побросали на землю окурки, будто так полагалось. Но были и те, что не прониклись.

Мы с Дином:

— Скорбим.

Не то десятый, не то одиннадцатый капюшон:

— Чего? Отлить приспичило?

Я:

— Приносим соболезнования.

Дин:

— Вы не принимаете соболезнований?

Не то десятый, не то одиннадцатый капюшон:

— Пошли на хер отсюда, уебки.

Вот и подозреваемый, подумали мы. Только это оказался мясник. А такие жиртресты не могут быть толковыми преступниками. И ругается он так всегда, обычное дело. Когда гроб стали выносить обратно, мы плюнули на нашу затею. Один

из носильщиков был здорово под мухой и чуть не грохнулся, а вслед за ним и гроб. Все так и ахнули, но ничего, обошлось. А тут еще Убейца прикатил на велосипеде и устроил концерт. Машины на парковке стояли бок к боку, точно прилипшие, он хотел между ними протиснуться и шлепнулся со своим великом прямо под колеса катафалка. Шофер успел затормозить в последнюю секунду.

Гробовой менеджер:

— Гляди, куда прешь!

Я подумал, сейчас Убейца кипеж поднимет или хоть грязный палец выставит похоронщику, да ничего подобного. Подобрал свой велик и рванул с парковки прочь, словно и не произошло ничего. А когда катафалк обгонял его, Убейца снова чуть не грохнулся. На венках были надписи: «Сыну» и «Вечная память». Только при чем тут вечность. Для пацана уже не будет никакой вечности, ее украл убийца. Несправедливо это, дети не должны умирать, это для стариков нормально. Мне даже стало вдруг страшно, а если вдруг я следующий на очереди, пришлось побыстрее выплюнуть яблочную «Хубба Буббу». А то еще проглочу и кишки слипнутся.

Ступенька кафе принадлежат Сонной Лощине. Сидеть там можно только им. Это самое удобное

место возле школы. Над головой навес, дождик не мочит, и вся школа перед тобой как на ладони, враг не подберется незаметно. Только одиннадцатиклассники могут у ступенек маячить, и то если З-Омби позволит.

А если уселся на ступеньках без разрешения, то быстро получишь в бубен. Даже когда там никто не отсвечивает. С Сонной Лощиной особо не повыпендриваешься. Тут как-то целая война была, и Лощина победила. Теперь ступеньки навечно за ними.

Наш микрорайон называется «Лощина», отсюда и название у банды. За главного у них З-Омби, он круче всех играет в баскетбол и дерется. Все так тут думают. Он со всеми разобрался. У меня рюкзак отобрал. А я просто шел мимо ступенек. Я же не знал, что нельзя.

Шиззи:

— Зафигачь на крышу.

З-Омби:

— Хочешь получить обратно?

Я:

— Да.

З-Омби:

— А что взамен?

Все на нас смотрят. Я уже и руки к рюкзаку

перестал тянуть, З-Омби его высоко поднял, все равно не достать. Придется сказать учителям, что с неба спустился орел и выхватил у меня школьный рюкзак.

З-Омби:

— Откуда понаехал, чмо?

Я:

— Из Ганы.

Шиззи:

— Гана-погана.

Резак:

— У них дома из коровьего говна. Сам видел.

З-Омби:

— Не залупайся, чел. Нормальный парень. Знаешь чего? Сделаешь кое-какую работу, получишь свою суму взад.

Я:

— Мне не нужна работа. Я только запираю двери и перетаскиваю тяжелые вещи.

Убейца:

— Это он о чем, ясный хобот? Смешной перец.

Шиззи:

— Держись за нас, и все будет зашибись. Мы за тобой следим.

З-Омби как двинет по баскетбольному мячу — улетит за милю. Он всегда набирает очки. А я

нет — для меня мячик слишком тяжелый. Камень туда засунули, что ли, для смеху? Я стукну мячом о землю пару раз и отдам Чевону или Брейдену Но в одиннадцатом классе мускулы у меня будут, как у З-Омби. Я уже самый быстрый. А потом стану и самым сильным.

З-Омби в конце концов отдал мне рюкзак. Я обрадовался. Такое облегчение.

З-Омби:

— Врубился, Гана? Какое говно попадется, сразу ко мне.

Какое еще говно? Мне бы успеть поесть, пока Маник не сожрал и мою порцию. Руками тут есть нельзя, только вилкой, а то столовские леди тут же прогонят. Но я пальцами накладываю на вилку горку побольше — и в рот. И никто не вправе мне помешать, я живу в свободной стране.

Одна леди из психанутых домов ездит на коляске-самоходке. Это такое кресло на колесиках, садишься и едешь, как в машине, только вместо руля перед тобой рычаги. Классно было бы покататься. Я бы с удовольствием как-нибудь проехался. Только очень медленно ездит, зараза.

Леди по магазин направлялась. А я домой шел. И вдруг два хмыря откуда-то выскочили, совсем сопливые, младше меня. Мне и в голову не при-

шло ничего плохого. А они вылетели из-за угла и запрыгнули на коляску сзади. Чесслово. Собственными глазами видел. Я даже засмеялся. Так и ехали до торгового центра.

С этой леди они точно были незнакомы. Уж та на них так орала, а им по барабану.

Леди в коляске:

— Что это вы затеяли? А ну прочь!

А им пофиг. Доехали до магазина, соскочили и убежали. Даже спасибо не сказали! Ничего смешнее в жизни не видел.

Леди сама виновата. Не такая уж она и инвалидка, раз так орать может, а в кресле ездит, потому что слишком толстая.

Леди в коляске:

— А ты что уставился? Почему их не остановил?

Я ничего в ответ не сказал. Даже покататься расхотелось. Лучше уж бегом — и быстрее, и по кумполу не схлопочешь. Капли с неба — это так классно, обожаю их все до одной. Если идет дождь, я обязательно запрокидываю голову. Нереально круто. Особенно когда дождь крупный и частый и ты боишься, что капля попадет тебе прямо в глаз. А глаза-то надо держать открытыми, а то весь кайф обломается. Смотришь, как капля

отрывается от облака и летит до самой земли. Хотя, по правде, фиг ты чего увидишь. Дождь, он и есть дождь. За одной каплей не уследишь, их же тьма.

Прикольнее всего под дождем бегать. Запрокинешь голову, и кажется, что летишь. Захочешь, закроешь глаза, а не захочешь, держи открытыми. Мне по-всякому нравится. А то еще можно открыть рот. У воды из-под крана почти такой же вкус, только дождь теплее. Правда, дождевая вода иногда железом отдает.

Прежде чем сорваться с места, найди себе кусок пустого пространства, убедись, что дорогу ничего не загораживает. Ни деревья, ни дома, ни другие люди — в общем, не во что врезаться. Старайся бежать по прямой и быстро-быстро. Поначалу боишься во что-нибудь воткнуться, но лучше об этом не думать. Просто беги. Это легко. Если дождь, а еще лучше ветер, то кажется, что ты быстрее всех на свете. Нереально круто. Я посвятил свой забег мертвому пацану — это будет более ценный дар, чем мячик-липучка. Глаза я зажмурил и даже ни разу не упал.

* * *

Однажды мы с Лидией ехали в лифте и он поломался. Мы застряли между этажами на целый час. Лидия визжала как маньячка. Пришлось сыграть с ней в камень-ножницы-бумагу, чтобы совсем не рехнулась. А то бы так и визжала.

Лидия:

— Мозг включи! Не визжала я!

Я:

— Еще как визжала! Типа: сделай так, чтобы он поехал! Сделай что-нибудь!

Лидия:

— Заткнись, Харрисон. Он врет.

Мы показывали тете Соне, какой у нас лифт. Тетя Соня говорит, в ее доме нет лифта, только лестница. Как-то даже несправедливо получается.

Я:

— Кишки крутит только поначалу. Потом привыкаешь, и ничего.

Лидия:

— Мозг включи, она уже видела лифт раньше. В Америке. Они там раз во сто круче.

— Да ну!

Тетя Соня:

— Правда, правда. Скоростные лифты называются. Даже уши в них закладывает, как в самолете.

Я:

— Круто!

Тетя Соня где только не была, каких только знаменитостей не видела. Ей даже довелось стелить постель самому Уиллу Смиту (это из «Я — легенда»). Конечно, знаменитости не смотрят, как она постель убирает, им других дел хватает. Иногда они дают на чай, тетя Соня как-то получила целых 20 долларов. Однажды менеджер из гостиницы предложил ей 100 долларов — за то, что она потрахается с ним. Но она сказала нет, потому что он был уродец. Мама услышала про это и сразу разъярилась, глаза так кровью и налились, уж очень она ненавидит, когда начинают обсуждать все эти траханья.

Мама:

— Только не при детях!

Мы с Лидией:

— Ну почему!

В следующий раз тетя Соня привезет нам из Америки «Фрут Лупе» — самые сладкие в мире хлопья. Я бы ими завтракал хоть всю оставшуюся жизнь.

Мама:

— Так ты планируешь еще одну поездку? Ты ведь только вернулась.

Тетя Соня:

— Полгода прошло.

Мама:

— И тебе уже не сидится?

Тетя Соня:

— При чем тут это? У меня другое на уме.

Мама посмотрела на тети Сонины пальцы — черные и такие блестящие на кончиках. Пришлось притвориться, что ничего не понимаешь. Но все равно стало не по себе.

Мое любимое слово на сегодня — «фаззи-ваззи». Мама и тетя Соня болтали про эту фаззи-ваззи и давили помидоры на соус. Наперегонки, словно состязались, кто больше передушит. Как все-таки здорово, что я не помидор!

Мама:

— Она, значит, спрашивает у Жанетт: а другую акушерку можно позвать? А Жанетт у нее: зачем? А она: это мой первый ребенок, и я хочу, чтобы все прошло как надо. Не хочу, мол, чтобы мной занималась какая-то фаззи-ваззи, только что с

дерева спрыгнувшая[6].

Тетя Соня:

— Фаззи-ваззи? Это что-то новенькое.

Мама:

— Ей-богу. Я ей говорю: я не с дерева, а с самолета спрыгнула. Там, откуда я прибыла, есть самолеты. Но вообще-то я ничего не сказала. Только извинилась.

Тетя Соня:

— Извинилась? За что? Ох, я бы ей выдала. Пообещала бы наложить проклятие «джу-джу», и у нее родится двухголовый ребеночек. Вот напугалась бы!

Мама:

— Так нельзя. Это непрофессионально.

Тетя Соня:

— Фаззи-ваззи. Надо запомнить.

Я:

— А что такое фаззи-ваззи?

Мама резко перестала давить помидоры. Этим дурачкам воспользоваться бы моментом и сбежать. Спасти свои жизни.

Мама:

---

[6] Примечания: 6

«Фаззи-ваззи» *(англ.* fuzzi-wuzzi) — нарицательное название туземцев, данное британскими колонизаторами за вьющиеся волосы (fuzzi — кучерявый).

— Так в больнице называют новичков. Бывает, пациент видит, что ты новичок, и не очень доверяет тебе.

Я:

— А почему тогда фаззи-ваззи? Не понимаю.

Мама:

— Понятия не имею. Не приставай.

Тетя Соня:

— А потому что туфли, которые выдают медсестрам, поскрипывают и посвистывают, примерно так: «ффф-а-а-ззи, ввв-аа-ззи». Вот тебе и вся причина.

Я:

— А почему твои туфли дома так не скрипят?

Мама:

— Они скрипят только на натертом до блеска полу.

Просто чокнуться. Наверное, правда. Вот когда у меня будут новые ботинки, проверю. В школьных коридорах полы натертые. Вот фаззи-ваззи там наведу!

В следующий раз мы пойдем в гости к тете Соне. Она живет в Тоттенхеме, надо ехать на метро. Коннор Грин говорит, что у полицейских в подземке автоматы и, если резко сорваться с места, точно пристрелят. Придется мне сдержаться и не

бегать, пока не выйду на поверхность.

Джордан не ходит в школу Его исключили за то, что пнул учителя. Исключили — значит вышвырнули. Я сперва поверить не мог, пока его мама не подтвердила. Она считает, это круто. Мама Джордана курит черные сигареты. Они пахнут лакрицей. У Джордана кожа светлее, чем у меня, ведь его мама — «обруни»[7]. Точно говорю, здесь все перепуталось!

Джордан:

— Мама пристраивает меня в другую школу, только меня нигде не хотят. А мне плевать, школа — такое говно.

Я:

— А чего тогда делать будешь?

Джордан:

— В «Экс-Бокс» резаться[8]. Смотреть дивидишник.

Я:

— А мама просит тебя что-нибудь делать по хозяйству?

Джордан:

---

[7] Примечания: 7

На языке племени ашанти — «белая».

[8] Примечания: 8

Игровая приставка «Xbox» конкурирует с аналогичными приставками «Сони плейстейшн» и «Нинтендо».

— Еще чего! А твоя?

Я:

— Ну… иногда.

Джордан:

— Как гомика, что ли?

Я:

— Нет. Я выполняю чисто мужскую работу. Запереть дверь, прогнать грабителей, все такое.

Джордан:

— Пусть гомики по хозяйству шуршат.

Мы отдали честь мусоропроводу (это такая толстая труба, куда кидают помои, вся из металла, воняет дерьмом и спускается прямо в ад). Мы отдаем честь мусоропроводу всякий раз, когда проходим мимо, это у нас такая традиция, на счастье. Сунешь голову в дырку и кричишь.

Я и Джордан:

— Херь!

А тебе в ответ — классное эхо. Только не надо запихивать голову слишком далеко, а то засосет. Джордан прыгнул на меня со спины, хотел затолкать поглубже в трубу, но я извернулся, и у него не вышло. Потом я придержал лифт, а Джордан обхаркал все кнопки. Когда мы выходили из кабинки, как раз вошла Куряга Лил. Мы потусили у лифта, пока двери закроются и Куряга Лил, ни о

чем не подозревая, нажмет оплеванную кнопку.

Куряга Лил:

— Мать-твою-блядь!

Во дает! Так прикольно. И немножко страшно. Ведь Куряга Лил убила своего мужа, запекла в пироге и съела. Все тут так думают. Поэтому у нее глаза такие психанутые и вечно слезятся: она ела человечину!

Джордан:

— Мать-твою-блядь, блядь-твою-мать! Кочерыга штопаная!

Я:

— Выблядок!

Выблядок — это тот, у кого нет папы. У Куряги Лил, кстати, папа помер лет сто назад. Значит, у нее его нет. А херь — то же самое, что фигня.

На урок рисования Таня Старридж не пришла, и на ее место плюхнулась Поппи. Целый урок просидела рядом со мной. Мне даже жарко стало. Смотрел, чем занята Поппи, и никак не мог сосредоточиться. А она красила ногти. Красками, которые нам выдали для рисования. Я глаз с нее не сводил. Ничего с собой не мог поделать.

Один ноготь она покрасила розовым, другой зеленым, а третий — опять розовым, чтобы получилась гамма. Кучу времени заняло. Поппи очень

старалась. Я все смотрел и смотрел, и на душе сделалось так спокойно, что я чуть не заснул. Мой желтый цвет — это волосы Поппи. Миссис Фрейзер говорит, что источником вдохновения может быть что угодно, будь то внешний мир или ты сам. Источник моего вдохновения — волосы Поппи Морган. Только ей я про это не сказал, чтобы ничего не испортить.

Теория красок учит, как использовать разные цвета для создания разного настроения или чтобы истории рассказывать. Цвета показывают всем, что ты чувствуешь. И не нужно рисовать что-то конкретное, главное — цвет. А так рисунок вообще может быть непонятным. Мои чувства — это зеленый, желтый и красный. Желтый — это солнце и волосы Поппи Морган. Зеленый — это когда Агнес ползала по травке в детском парке, увидела кузнечика и захотела поймать. Было очень прикольно. Видели бы вы ее изумленное личико, когда кузнечик прыгнул. Кузнечик приземлился, и она опять попыталась его схватить. А потом еще и еще. Настойчивая какая. В конце концов я поймал ей кузнечика. Агнес поначалу как вцепится ему в лапку, чуть не оторвала, но я показал ей, что нужно держать осторожно. Пальчики у нее крошечные и вместе с тем пухлые. Я

их обожаю больше всего. Только у младенчиков тела маленькие и одновременно пухлые.

Красный цвет — это кровь мертвого пацана. У меня красный вышел очень светлым, и я добавил чуток черной краски. И все равно того, что я видел у себя в голове, не вышло. Жалко.

Миссис Фрейзер:

— Будешь так усердствовать, дыру в бумаге протрешь!

В конце концов я плюнул. Перед глазами у меня все плыло, и Поппи на меня косилась как на придурочного.

Здесь повсюду предупреждения. Понятно, что их цель — помочь, но некоторые уж очень смешные. Вокруг нашей школы высокая ограда, а поверху из нее торчат острые пики. На ограде написано:

Правда, смешно? А в школе куча объявлений

про мобильные телефоны:

Коннор Грин:

— Это потому, что все преподы — роботы, у них от сигнала с мобильников микросхемы клинит.

Натан Бойд:

— Тебе тоже нужно табличку повесить. «Не говорите с этим парнем. Риск лапши на уши».

Коннор Грин:

— Отвали!

У реки мы обнаружили еще одну психанутую надпись:

Нам эта объява дико понравилась. Сейчас она у нас на первом месте.

Я:

— Надо подсунуть Натану Бойду кресс водяной, пусть покушает.

Дин:

— Клевая мысль. Только он не станет. За деревьями — река. Такая темная-темная. И узкая, особо не поплаваешь. Да еще в воде полно кислоты, сразу кожу сожжешь. Над трубой, по которой стекает всякая дрянь, настил, можно усесться вдвоем. Мы сели и принялись смотреть на проплывающий мусор. Ничего особенного — палки, консервные банки и бумажки. Кто первый заметит человеческую голову, тому миллион очков.

Мы высматривали нож, которым убили мальчика. Называется «орудие убийства». Если обнаружим, выловим из воды и передадим полиции.

Я:

— Гляди в оба, ведь он может быть где угодно.

Дин:

— Задача ясна, детектив-инспектор.

Мы теперь настоящие детективы. Это наша миссия. Ведь мертвый пацан как-то даже сказал придуркам, чтобы отвяли от меня, когда те орали, что я себе колени отморожу, потому что штаны

короткие. Я его даже не просил, он сам ввязался. После этого я хотел с ним подружиться, но его убили раньше. Все равно он был мне друг, хоть этого не знал, и теперь моя очередь ему помочь. Это мой первый убитый друг, такое нельзя забыть. На орудии убийства должны остаться отпечатки пальцев и кровь. Дин сказал, по ним можно определить убийцу Он это тоже видел в сериале.

Дин:

— Поможем поймать убийцу, получим награду, круто, да?

Я:

— А сколько?

Дин:

— Не знаю. Штуку. Может, больше.

«Штука» значит «тысяча». Очень много.

Если бы у меня была штука фунтов, я бы купил билет и папе, и Агнес, и бабушке Аме, а на оставшиеся деньги — нормальный кожаный футбольный мяч, который не улетает куда попало, когда по нему бьешь.

Я:

— Ты смотри внимательно. Он точно сюда побежал.

Дин:

— А насчет ножа ты уверен?

Я:

— Спрашиваешь! Вот такой здоровый!

И я расставил руки.

Дин:

— Слушаюсь, шеф. (Так детективы разговаривают между собой. По правде.)

Если убийца бросил нож в реку, его, наверное, давным-давно унесло в море. А вдруг нет? Честно слово, нервное это дело. Не хочу, чтобы убийца выкрутился. Так что мы смотрели во все глаза.

В этой речке даже рыбы нет. Грустно как. Хоть бы несъедобная попадалась. И уток нет, мелюзга перекололa утят отвертками. Птенчику ведь много не надо.

А орудия убийства мы так и не обнаружили, только колесо от велосипеда, все ржавое и покореженное. В следующий раз захватим фонарики и перчатки и покопаемся в густых водорослях.

Апрель

Прачечная — это комната, где куча стиралок стоит. Она в подвале Люксембург-хауса. Стиралки ничьи, ими может пользоваться каждый, кто живет в доме. Заплати денежку — и пользуйся. Машины огромные, человека можно целиком запихать. Я как-нибудь попробую, возьму да и засну в барабане. Есть у меня такая давняя мечта.

Стирать можно в любой машине, необязательно в одной и той же. Моя любимая стоит у окна, на ней кто-то написал стихи:

Вертится-крутится маек штук сто,
Когда остановка, не знает никто.
За ними по кругу летят труселя,
Милые яйца мои потом зачехлят.

Мы притворяемся, будто стиха не замечаем, а то мама живо погонит к другой машине.

Постирушка длится дольше ишачьей свадьбы. Мы с Лидией придумали игру — смотрим на соседское белье, что вертится в других машинах. Первому, кто увидел трусы, — сто очков, лифчик — тысячу. Мы ведем себя тихо-тихо, чтобы толь-

ко мама ничего не заметила, даже кричим и то шепотом.

Я:

— Трусы!

Лидия:

— Где?

Я:

— Вон же, вон! Белые.

Лидия:

— Так это те же самые!

Я:

— Нет, те были в мелкий цветочек. А эти без рисунка. Сто очков!

Лидия:

— Жухало!

А однажды я увидел в стиралке пару ковбойских сапог. Розовых. Леди мыла их в стиральной машине! Здорово! Миллион очков. Лидии теперь меня ни за что не догнать. Чтобы еще раз попались розовые ковбойские сапоги? Да никогда в жизни.

Алтаф такой спокойный, молчит вечно. Никто про него толком ничего не знает. С сомалийцами вообще никто не разговаривает, они ведь пираты. Все тут так думают. Заговоришь, подашь зацепку, где прячешь свои сокровища, а там глядишь,

а твою жену задушили, а тебя самого бросили акулам. На уроки религиозного воспитания мы с Алтафом не ходим. Мама против, чтобы в меня пихали всяких фальшивых богов, а мама Алтафа в этом вопросе с ней заодно. Так что вместо религии мы идем в библиотеку изучать материалы школьной программы (на самом деле просто книжку почитать). Первым заговорил я. Мне хотелось узнать, кем, по мнению Алтафа, лучше быть — роботом или человеком?

Я:

— Человеком лучше, вокруг столько всякой вкуснятины. А робот ничего не ест. Обидно даже.

Алтаф:

— Зато робота не убьешь.

Я:

— Это правда.

И мы оба пришли к заключению, что робот круче.

Алтаф, когда вырастет, собирается проектировать автомобили. Видели бы вы его рисунки. Отпад. Он постоянно рисует машины и всякие занятные штуковины вроде вездехода с пушкой, стреляющей назад.

Алтаф:

— Если враги за тобой погонятся, мало не по-

кажется. Это особая пушка с вечным боезапасом. Окна и корпус пуленепробиваемые. Даже если мою машину переедет танк, ей ничего не сделается.

Я:

— Круто! Если такую машину когда-нибудь выпустят, точно ее куплю!

Не думаю, чтобы из Алтафа вышел пират, он и плавать-то не умеет. И вообще воды боится, даже если только по плечи.

Мама не любит телешоу, говорит, слишком много болтовни. Смотрит только новости. А в них каждый день кто-то умирает. Чаще всего какой-нибудь ребенок. То зарежут, как мертвого пацана, то застрелят, то собьют машиной. Одну маленькую девочку съела собака. Показали фото пса — вылитый Харви. Наверное, малышка схватила его за хвост. Ведь собаки набрасываются на людей, только если те их обижают. Похоже, ей никто не сказал, что нельзя дергать собаку за хвост. И вот девочка мертва.

Мама обожает, когда по телевизору сообщают про смерть ребенка. Молится и изо всех сил обнимает меня. Взрослые любят печальные новости, это для них повод помолиться. Поэтому новости всегда такие мрачные. А убийцу мальчика так

и не нашли.

Диктор:

— Полиция обращается с призывом к свидетелям.

Я:

— Как ты думаешь, убийца — он какой?

Мама:

— Не знаю. Убийцей может быть кто угодно.

Я:

— Как по-твоему, он черный или белый?

Мама:

— Не знаю я.

Я:

— Спорим, это один из алкашей, что вечно торчат в пабе.

Мама:

— Откуда ты это взял? Лидия, что это ты ему напела?

Лидия:

— Я тут ни при чем!

Убийцы во всем мире на одно лицо. У них крошечные поросячьи глазки, красные и без ресниц, к губе прилипла сигарета. Ну еще, пожалуй, золотые зубы и золотая цепочка на шее. И еще они вечно сплевывают. Наверное, в пабе полно убийц, но нам-то нужен только один, тот, кто

убил мальчика. Если мы его изловим, вечность типа вернется к нам и все заработает как положено. Инспектировать пойдем вместе с Дином, он будет меня страховать. Детективы работают парами, так оно безопасней.

Если на тебя нападет собака, надо засунуть палец ей в зад. Там есть особая точка, если нажмешь, челюсти сами по себе разжимаются, неважно, во что пес вцепился. Стоило Коннору Грину нам это рассказать, как все обозвали его собачьим извращенцем.

Кайл Барнс:

— Псидорас!

Брейден Кэмпбелл:

— Псиноеб!

* * *

Натан Бойд может одновременно запихать в рот целых три «зубодробилки». Всякий знает: проглотишь хоть одну — помрешь. А Натану Бойду плевать. Он вообще ничего не боится. Мы вечно подбиваем его сделать что-нибудь еще покруче прежнего.

Кайл Барнс:

— Пробеги по всей школе с криком «яйца-волосня»!

Я:

— Выброси чью-нибудь ручку за окно!

Коннор Грин:

— Оближи вон ту жоханую ложку!

В траве у главных ворот валяется ложка. Вся покореженная и горелая. Самая отвратная ложка на свете.

Коннор Грин:

— Затолкай ее в рот всю целиком и пососи!

Натан Бойд:

— Не буду я ее сосать, и вообще она треснутая.

Кайл Барнс:

— Слабак! Очко заиграло!

Натан Бойд:

— Отъебись. Вытереть ее надо для начала.

Коннор Грин:

— Нет уж. Соси как есть.

Натан Бойд:

— Сам соси. Это ты у нас сосун.

Кайл Барнс:

— Не увиливай! Зассал, да? А трепался, мол, я все сделаю, что закажете.

Я:

— Ага, сам нас просил придумать.

Натан Бойд:

— Да пошли вы все!

И лизнул ложку Хорошенько так лизнул и швырнул на землю. Я уж думал, его вырвет, но нет, удержался.

Кайл Барнс:

— Так ты только лизнул! А пососать?

Натан Бойд:

— Сам соси!

Эту ложку кроме него никто не лизнул бы. Даже не прикоснулся бы. В седьмом классе Натан Бойд — самый отчаянный. Тут все так думают. Но даже ему слабо врубить пожарную тревогу Если она реально сработает, тут же примчатся пожарные тушить огонь. И даже если ничего не горит, они обязаны все проверить. Если тревога ложная и они найдут виновника, то прямая дорога за решетку Ложный вывоз — преступление, потому что, пока пожарные ковыряются с проверкой, где-то может вспыхнуть настоящий пожар и погибнут люди.

З-Омби:

— Уверен, что готов? Очко не играет?

Если бы я состоял в Лощине, Вилис бы мне плохого слова сказать не посмел. Приглянись мне чьи-нибудь кроссовки, надел бы вместо своих, и никто бы не пикнул. Я отдал свой творожный пудинг Манику и шагнул вперед. В библиотеке

тусовался какой-то народ, но в коридоре было пусто.

З-Омби:

— Разбей загородку, и все дела. Это легко, пластмаска одна.

Я:

— А если с первого раза не разобьется?

Шиззи:

— Долби, пока не расхерачишь. А мы посмотрим, сколько это у тебя займет.

З-Омби:

— Не дрейфь. Мы с тобой. Я постою на стреме.

Ребром ладони оказалось бить сподручнее, чем костяшками пальцев. Пока сигнал не сработает, с места срываться нельзя. Я старался не шуметь. Сердце у меня грохало будто спятивший барабан, во рту появился металлический привкус. Кто-то шел по коридору, пришлось ждать, пока скроются. Быстрее! Давай-давай-давай!

Захотелось в туалет, да нельзя.

З-Омби и Шиззи торчали в отдалении.

З-Омби:

— Шевелись! Сильнее бей!

Я со всей силы шарахнул по прозрачной пластмассе. Она и не подумала треснуть, зато рука стала будто не моя. Молоток бы. А может, убе-

жать? Я огляделся, вдруг кто поможет, если З-Омби и Шиззи накинутся на меня. Но они уже исчезли, только гогот откуда-то несся.

Шиззи:

— Ссыкун!

У меня даже глазам жарко стало. Я еще раз с размаху ударил в пластмаску. Ничего, даже кровь не пошла. Сбежать, пока меня никто не увидел! Я скатился вниз по лестнице. Ноги сделались ватные, но я ничего, устоял, пролетел под мостом к гуманитарному корпусу и кинулся в туалет. Опасность уже миновала, только желудок крутит. Наверное, я теперь у Лощины в черном списке, не выполнил ведь задание. Но я же не виноват, что руки у меня такие мягкие!

* * *

Мистер Фримпонг поет в церкви громче всех, хоть он и самый старый. Вечно перекрикивает остальных — хочет, чтобы его голос первый долетел до ушей Бога.

Но это нечестно. Если Господь услышит только мистера Фримпонга, он отдаст ему милости, полагающиеся другим. Несправедливо, если вдуматься. И еще мистер Фримпонг ужасно потеет. Он ведь вечно в галстуке, и верхняя пуговица

застегнута.

Лидия:

— Наверное, и моется в галстуке.

Я:

— Где твоя почтительность?

Лидия:

— Замолкни, какашка!

Мистер Фримпонг до того потеет, что не может стоять на ногах — опускается на скамью и засыпает. Все леди прямо кидаются ему на помощь, друг друга отпихивают. А пастор Тейлор шлепает его по щекам, чтобы разбудить. А когда задремавший откроет глаза, леди хором возносят хвалу Господу Хотя, по-моему, сам Бог и насылает на него сон. Наверное, вопли мистера Фримпонга Господу успели поднадоесть.

Потому-то в церкви решетки на окнах — не для защиты от камней шпаны, а чтобы стекло не треснуло от пения мистера Фримпонга.

Мы посвятили одну молитву маме мертвого пацана и одну молитву — полиции, дабы Господь сподобил их найти убийцу.

Я:

— Что такое «сподобил»?

Пастор Тейлор:

— Сподобил — значит в неизреченной милости

своей открыл истину, даровал мудрость.

Самый мудрый человек из тех, кого я знаю, это мистер Томлин. Он у нас ведет естествознание — из лимона может сделать батарейку. Чесслово! Надо воткнуть в лимон с одного конца монетку, а с другого — гвоздь. Кислота в лимонном соке дает электричество, а монета и гвоздь — это проводники, по ним идет ток. Если соединить подряд четыре лимона, энергии будет достаточно, чтобы загорелась лампочка. Круто, правда? Все просто обалдели. Если бы мистер Томлин работал в полиции, убийцу уже давно бы поймали.

Я помолился, чтобы Бог сподобил меня задать правильные вопросы. Дин — неверующий, так что я помолился за нас двоих сразу.

Дин:

— Ты еще попроси Бога, чтобы нам по башке не надавали.

Я:

— Все нормально будет, не дергайся. Зачем кому-то детей убивать?

Опрашивать подозреваемых — штука рискованная, но без этого нет расследования. А если ты трясешься от страха, смени профессию, сдай жетон детектива и сиди дома.

В пабе воняло так, будто сюда слили все пиво

на Земле. Мы старались не дышать, чтобы не одурманить разум и сохранить ясность мысли. Любой входящий-выходящий годился в убийцы. На нас посетители таращились, как оголодавшие вампиры. Мы стояли в дверях — одна нога за порогом. Безопасность превыше всего.

Дин:

— Кого конкретно мы высматриваем?

Я:

— Сам не знаю. Вроде он был черный, но я до конца не уверен. Я видел только руку, когда он нагнулся за ножом. Может, рука была в перчатке, издалека не видно.

Дин:

— Давай начнем с черных. Как насчет вот этого?

Я:

— Нет. Дылда. Очень высокий. Наш был куда ниже.

Дин:

— Ясно. А вон тот?

Вон тот торчал у автомата, на котором колесом вертелись фрукты (не настоящие, а нарисованные, это в пабе игрушка такая, суешь в нее деньги, а на ней огоньки вспыхивают). Следы паутины на черном, правда, отсутствовали, зато имелась

серьга, а уж в глазах было столько злобы — на всех в округе хватит. Подозреваемый тряс автомат (чтобы опять огоньки заплясали) и ругался. Известное дело, убийцы легко выходят из себя.

Я:

— Подойдет. Какой бы вопрос ему задать? Придумал?

Дин:

— Не будь дебилом, понятно, что напрямую не спросишь. Надо постараться его подловить. Спроси, знал ли он жертву, да в глаза при этом гляди. Если отводит взгляд, значит, виновен.

Я:

— Может, ты спросишь? А я прикрою.

Дин:

— Не буду я никого спрашивать. Твоя задумка, ты и веди допрос.

Я:

— Не здесь же. Подожду, пока он выйдет.

Дин:

— Так и знал. А мне что, весь день тут торчать?

— Так иди и спроси сам.

Дин:

— Минуточку. Сначала поглядим, что он будет делать. Не показывай, что следишь за ним, пусть ведет себя естественно.

Мы вышли на улицу и принялись наблюдать через стекло. Убийца отстал от автомата с фруктами и взял себе еще пива. Публика пила, отправляла эсэмэски, глазела на сиськи барменши (хоть она была старая и жуткая). Пивом воняло все сильнее, Дин прямо места себе не находил. Когда подозреваемый встал и направился к выходу, мы чуть не кинулись наутек. А ведь нельзя показывать, что боишься, преступники чуют твой страх не хуже ос.

Подозреваемый:

— В чем дело, мелкие, ищете кого?

Дин:

— Мы просто ждем папу.

Подозреваемый:

— Не торчите здесь зря, вокруг полно всяких ублюдков.

Это хитрость. Он просто хочет поскорее избавиться от нас. Да еще сигарету зажег, тоже о многом говорит.

Я:

— А вы знали мертвого мальчика?

Подозреваемый:

— Кого?

Дин:

— Мальчика, которого зарезали. Моего двою-

родного брата.

Подозреваемый:

— Нет, не знал.

Я:

— А вам известно, кто это сделал?

Подозреваемый:

— Если бы. Все эти гребаные подростки, утопить бы их сразу после рождения.

Дин:

— А откуда вы знаете, что это был подросток?

Подозреваемый:

— Да они повсюду лезут. В каждой бочке затычка. Держитесь подальше от всего этого дерьма, это ни к чему хорошему не приведет. Вы поумнее будьте, ладно?

Я:

— Будем!

Дым от его сигареты ел нам глаза. Еще одна хитрость: скрыть за дымовой завесой улики. Преступники — они вам не дураки. В конце концов мы решили: на сегодня все.

Дин:

— Нам никто ничего не скажет. Как поймут, что мы их типа специально расспрашиваем, сразу пошлют подальше. Расспросами нам ничего не добиться. Надо самим добывать улики.

Я:

— А как?

Дин:

— Внешнее наблюдение. Сбор доказательств. Компьютерное моделирование. Отпечатки пальцев. Анализ ДНК. Тут без обмана.

Я сделал умное лицо, будто понял, о чем это он. Ведь Дин смотрел все эти полицейские сериалы, а я нет. Пока мама не пришла с работы, я постарался получше смыть с себя пивную вонь. Мама говорит, если от мужчины несет пивом, значит, жди беды.

* * *

Насилие приходит само, без всяких усилий с твоей стороны, вот в чем вся штука. Помнишь, как ты в детстве впервые наступил на муравья, чуть двинул ножкой и обратил движение в смертный покой, а настоящее в прошлое? Разве не было это болезненно-сладким крещением? Какая власть, оказывается, кроется в твоих ногах, и какое искушение покалывает твои пальцы. И требуется немалое милосердие, чтобы усмирить их. Ведь ты желаешь быть чем-то большим, чем просто очередной придумкой исполненного злорадства Бога.

Кайл Барнс ткнул Маника циркулем в ногу Не до крови даже, но Маник завизжал как девчонка. Все вокруг засмеялись.

Маник:

— Зачем ты это сделал?

Кайл Барнс:

— Тебя послушать.

И опять ткнул его циркулем, а Маник снова взвизгнул. Точно свинья. Получилось типа циркуль — это вилка, а Кайл Барнс проверяет, готово ли кушанье. Прикольно. Кайл Барнс вечно что-нибудь придумает, когда у нас подменный учитель, который обычно и урок-то не ведет, только газету читает. Тут-то Кайл Барнс и хватается за циркуль. Уворачиваться можно, а вставать со стула нельзя. А это задачка не из легких. Меня укололи целых три раза. Подпрыгиваешь не от боли, от неожиданности. Какая тут боль, если крови нет.

Самое лучшее оружие — зонтик с отравленными пулями, про который и не подумаешь, что эта штука стреляет. Мы как раз говорили, какое оружие сподручнее всего.

Кайл Барнс считает, АК-47.

Дин стоит за кастет с очень длинными шипами.

Чевон Браун без ума от арбалетов. Только чтобы стрелять из арбалета, надо быть очень сильным, потому что он жутко тяжелый. И стрелы с огромными набалдашниками.

Брейден Кэмпбелл:

— Из арбалета хрен выстрелишь. Его в руках не удержишь.

Чевон Браун:

— Засохни, чмо. Ты поди-ка из АК-47 выстрели. Да тебе башку отдачей снесет.

Брейден Кэмпбелл:

— Фигня. Я из автомата одной левой.

Я и Дин вместе:

— Ври больше.

Я и Дин:

— Чур меня!

«Чур меня» мы выдали мгновенно. Так что теперь проклятье обойдет нас стороной.

Я уже знаю почти все правила. Их больше сотни. Некоторые уберегают тебя от опасности. А некоторые придумали учителя, чтобы жизнь сладкой не казалась.

Есть и такие правила, по которым твои приятели видят, на чьей ты стороне и можно ли с тобой водиться. Например, если у тебя и у приятеля одно и то же слово вырвалось одновременно,

надо поскорее сказать «Чур меня», чтобы отвести проклятие. А не скажешь, так через день обосрешься.

Некоторые правила, которым я научился в новой школе:

По лестнице не носиться.

В классе не петь.

Перед тем как задать вопрос, поднимать руку.

Жевательную резинку не глотать, а то кишки слипнутся — и помрешь.

Прыгаешь по лужам — значит, дебил (фигня полная).

Обходишь лужу стороной — значит, девчонка.

Кто вошел последним, закрывает дверь.

Кто первый задает вопрос, втрескался в учителя.

Если девчонка взглянула на тебя три раза подряд, она в тебя втюрилась.

Если ты поглядел на нее в ответ, ты в нее втюрился.

А то еще есть вот такие правила:

Кто унюхал, тому плюху.

Кто наморщил нос, сам говном зарос.

Ко всем цеплялся — вот и обдристался.

Скандалил, возмущался — сам и обосрался.

Сказал «вот вонючка» — получи взбучку.

Тот, кто «фу» сказал, сам в штаны наклал.

Кто бабахнул на уроке, у того в башке заскоки.

Кто заметил, тот ответит.

Кто развел вонь, того не тронь.

Если посмотришься в зеркало с обратной стороны, увидишь черта.

Не ешь суп, в него поварихи ссак налили.

Не давай свою ручку Россу Келли, он ей из жопы затычки вытаскивает.

Держись левой стороны (всегда). Не заступай за разделительную линию.

Библиотечная лестница не несет угрозы жизни.

Носишь кольцо на мизинце — значит, гомик.

Носит браслет на щиколотке — значит, лесбиянка (трахается с другими леди).

На самом деле правил куда больше, просто сразу все не вспомнить.

З-Омби не дает нам прохода. Вся его компания маячит возле кафешки. Дорогу загородили, и ни с места. Не поймешь, всерьез они или издеваются.

Шиззи:

— Как жизнь, девочки?

Резак:

— Слыхал, ты первую пробу не прошел. Слабак,

однако!

Мне захотелось превратиться в бомбу и разнести их всех к чертям собачьим. Я ждал, что он рассмеется, но лицо у него суровое. Будто мы с ним смертельные враги.

З-Омби:

— Не расстраивайся, Гана. Придумаем тебе чего полегче. Так, рыжий, чего у тебя в карманах?

Дин весь застыл. У меня сделалось холодно в животе.

Дин:

— Ничего.

Шиззи:

— Кончай гнать, чувак. Что там у тебя в карманах?

Дину придется вывернуть карманы, все равно нам никуда не деться. Несправедливо все это.

Дин:

— Вот фунт, больше ничего. Мне на расходы.

Шиззи:

— Тебе? Ошибаешься.

И забрал у Дина фунт. Что тут поделаешь. Дин резко помрачнел — надо было ему сразу после обеда спрятать деньги в носок. Будь у меня фунт, я бы ему отдал. Только откуда — мама мне монет выделяет ровно, лишнего не дает.

Дин:

— Вот говно!

Шиззи:

— Не выступай, сучонок, иначе в лоб схлопочешь.

Нам наконец дали пройти. Мне ужасно было жалко Динов фунт, но и что-то вроде восхищения примешивалось. Сказал — и все тебя слушаются. Вот бы мне так — чтобы мелкая рыбешка меня боялась, а море и все, что в нем есть, принадлежало мне. Чтобы мне услужали, да не все подряд, а кому позволю, — вот вроде рыбы-лоцмана, что расчищает акуле путь, собирает со дна всякую гадость, чтобы у акулы в жабрах не застряла (про это я прочел в книжке «Порождения морских глубин», всего 10 пенсов на толкучке).

Я:

— Это все потому, что я черный. Если бы ты был как я, они бы тоже приняли тебя в свою компанию.

Дин:

— Да не хочу я к ним, они только и умеют людей грабить. Не связывайся ты с дебилами.

— Я только прикидываюсь, чтобы не очень цеплялись.

Дин:

— Ненавижу их.

Я:

— Я тоже.

Кто-то выбросил на траву старый матрас. На нем уже кувыркалась тьма детишек поменьше. Мы велели им убираться.

Дин:

— Проваливайте! В бубен захотели?

Ну, смотреть-то мы им позволили. Я совершил прыжков десять, Дин — пять. Прямо как на настоящем батуте. Я взлетал высоко и даже проделал в воздухе двойной кульбит (ну, почти). Мелкота пришла в восторг. Круто было. Мы позабавились всласть и почти забыли про неприятности.

Мы решили завладеть матрасом. Хочешь попрыгать — плати 50 пенсов. Это Дин придумал.

Дин:

— Соблюдайте правила. Не больше двух человек на матрасе за раз, и ботинки снимайте.

Мы бы миллион срубили. Точно. Но тут появился Терри Шушера с Эшафоткой, и собака нагадила на матрас. После этого прыгать на нем уже не хотелось.

Я:

— Эшафотка, поганая засранка! Весь кайф обломала.

Терри Шушера:

— Извините, чуваки! Собачке же надо сделать свои дела.

Крышу для папиной лавки я сделал очень крепкую. Папе понравилось. Он сказал, что крыша переживет его и меня вместе взятых. Под ней будет сухо в дождь, а в солнечный день прохладно. Мы покрыли листами железа деревянную обрешетку. Ее сделал папа, а шурупы завинтил я. Папа показал мне, как это делается, и я все выполнил в лучшем виде. Это несложно. Дождь стучит по крыше очень громко, даже если чуть моросит, кажется, будто льет как из ведра. Под железными листами на душе спокойно, и чувствуешь в себе силу оттого, что сделал все сам.

Над крышей мы трудились кучу времени. Но когда закончили, лавка стала куда круче, чем раньше. Мы с папой на радостях осушили бутылку пива. Большую часть выпил папа, но и мне чуть-чуть досталось. Я совсем не опьянел, просто стало весело и в горле горело. Мама, Лидия, Агнес и бабушка Ама пришли полюбоваться новой лавкой. Всем понравилось. Все улыбались, рот до ушей.

Мама:

— Ты сам все сделал? Умница.

Я:

— Мне папа помогал.

Бабушка Ама:

— Помощник из него хороший?

— Немного с ленцой.

Папа:

— Ну, ты! Потише там!

Я:

— Шутка.

Под крышей мы повесили фонарь, чтобы лавка могла работать по вечерам. Агнес попискивала от восторга. Маленькие — они обожают всякие висюльки и непременно хотят потрогать. И Агнес обожгла себе пальчики, расплакалась. Я поцеловал обожженные места, пососал. Моя слюна мигом все излечила.

Что папа ни сделает, у него выходит здорово — стулья получаются удобные, а столы такие прочные, что хоть пляши на них. Мебель папа делает из бамбука. Даже если ящики деревянные, рама — бамбуковая, такой это прочный и надежный материал. Его легко разрубить мачете или распилить пилой. Только пилить надо аккуратно, чтобы линия вышла прямая. Надо призвать на помощь всю свою фантазию и постараться.

Папа:

— Если ты ровно отпилил бамбук, то и с ногой у тебя дело пойдет легко. Никакой разницы. Хорошая тренировка. Представь себе, что бамбук — это чья-то нога и ее надо отрезать ровненько, чтобы спасти жизнь больному.

Я:

— Но я не хочу никому отпиливать ногу.

Папа:

— А вдруг придется? Доктор пациентов не выбирает. Они доверяют ему свои жизни.

Это было давным-давно, когда я еще хотел стать врачом. И пилить я старался аккуратно, будто настоящий хирург, и чтобы пациенту было не так больно, даже старался поймать отпиленный кусок — часть ноги.

Папа:

— А теперь живенько положи в лед! Может, еще пригодится кому.

Я:

— Но это ведь никуда не годная нога.

Папа:

— Для одного негодная, а другому, может, в самый раз. Деревенщине какой-нибудь.

Словом, весело было.

* * *

Не понимаю, почему мама работает по ночам. Несправедливо это. Почему бы детишкам не рождаться только днем?

Мама:

— Они приходят на свет, когда захотят. Ты вот родился ночью. Ждал, пока звезды появятся.

Лидия:

— И тогда еще было полнолуние, поэтому ты получился такой вредный.

Я:

— Ничего я не вредный!

Если бы мама была дома, Микита не торчала бы постоянно у нас. Я ее впустил только после того, как она пообещала не целовать меня взасос.

Микита:

— О'кей, о'кей. Обещаю. Чего это ты добиваешься, да настойчиво так?

Я:

— Не приставай ко мне!

Микита:

— Не будь таким противным, сочный мой. Ну, извини.

Я снял цепочку и отодвинул засовы. За спиной я прятал давилку для картошки — на случай, если

придется отбиваться.

Микита и Лидия носятся со своими карнавальными костюмами. Обе хотят нарядиться попугаями. Трико — оно и есть трико, только и радости, что все в перьях. Из Лидии вышла вылитая ощипанная курица. И перья не настоящие, девчонки притащили их из танцевального клуба. Некоторые перышки розовые. А розовых попугаев не бывает.

Лидия:

— Нет, бывает. Я сама видела.

Я:

— Это фламинго розовые. Не бывает розовых попугаев, говорю тебе.

Микита:

— А вот языки у нас розовые. Полюбуйся.

И она показала мне свой язык. Он у нее извивался, словно большой червяк. Мерзость какая.

Если у девчонки сережка в языке, значит, дура. Все тут так думают.

Микита показала мне свой танец. Мне не понравилось. Трясла сиськами как чокнутая, прямо в нос мне их совала. В общем, выжили меня. Я ушел в свою комнату и включил сидишник (всего пятерка у часового доктора на рынке). Офори Ампонса вполне сгодится, чтобы заглушить тупой

голос Микиты.

Микита:

— Ах, куда же ты, Гарри, неужели хочешь накрасить губки для меня, чтобы стали красивые и сладенькие? Одолжить тебе помаду?

Я:

— Отвали, хрюкало! Я скорее самого себя в зад поцелую!

Микита в своем костюме — дура дурой. Сиськи так торчат, что, кажется, сейчас выпрыгнут и сожрут тебя. Лучше бы их не было совсем. А то так хочется их потискать, прямо не могу.

Вышел я, только когда приспичило поприветствовать вождя, невтерпеж стало. Микита уже собралась уходить, они с Лидией мяли в руках пакет с надписью Nisa, потурсуют и заглянут внутрь, будто там невесть какое сокровище. Увидели меня, замялись, засуетились, рожи такие скорчили, словно я проник в их страшную тайну. Потом Микита смылась, а Лидия сунула пакет в черный мешок с грязным бельем, выглянула за дверь и завертела головой, как бы высматривая врагов.

Лидия:

— Не уходи никуда, я скоро.

Я:

— Ты в прачечную? Я с тобой! Выиграю у тебя опять!

Лидия:

— Поздно уже!

И как хлопнет дверью у меня перед носом. Я досчитал до десяти и потихоньку высунулся наружу Проскрипела дверь лифта. Я выскочил на лестницу и слетел вниз. Лидия вышла на первом этаже, я видел. Я крался за ней до самой прачечной и спрятался за углом. Через окно все отлично видно.

Ни души. Лидия достала вещи только из пакета с надписью Nisa и положила в мою любимую машину. А потом — я глазам своим не поверил — вытащила из мешка с грязным бельем мамин отбеливатель и весь вылила в стиралку. Торопилась так, словно важное задание выполняла, даже руки тряслись, еле-еле монеты в машину затолкала. Там надо приложить усилие, иначе стиралка хрюкнет и выплюнет деньги обратно. У Лидии только с пятого раза получилось. Наше грязное белье она вообще стирать не стала. А выходя из прачечной, чуть не налетела на меня.

Лидия:

— Так ты все-таки увязался за мной? Я же тебе сказала не трогаться с места!

Я:

— Что в пакете?

Лидия:

— Ничего!

Я:

— Я же видел.

Лидия:

— Плевать я на тебя хотела. Что ты такое видел?

Я:

— Какие-то дурацкие шмотки.

Лидия:

— Не выступай, если ничего не понимаешь. Там части от костюма. Мы их случайно перемазали в краске.

Если Лидия врет, лицо у нее делается злое. (Я, когда вру, всегда улыбаюсь. Ничего с собой не могу поделать. Самому потом противно.) Я ведь видел, что в пакете никакой не костюм, и цвет не тот, и материал не блестит. Какие-то мужские вещи. Я успел разглядеть капюшон и носорога с эмблемы Еско. И все залито чем-то бурым — для краски очень уж темным, для дерьма — слишком светлым. В животе у меня стало холодно-холодно.

И тут появился З-Омби вместе с Харви. Лидия сразу притихла. Харви натянул поводок и облиз-

нулся, точно голодный волк. Я спрятал руку за спину и заранее оттопырил палец: если что, сразу воткну собаке в задницу Псине сегодня меня не сожрать! У меня припасено кое-что для нее!

З-Омби:

— Тебя никто не видел?

Лидия:

— Нет.

З-Омби на меня посмотрел:

— Лучше срыгни в туман, Гана. Пес голодный.

Харви тянул поводок и принюхивался, словно перед ним груды мяса. Я отошел от Лидии подальше, пока собака совсем не взбесилась.

— Мама тебя накажет, когда узнает про отбеливатель.

Лидия:

— А я скажу, это ты его истратил. Я-то не писаю постоянно на облако.

Я:

— И я не писаю.

Постоянно я этим и правда не занимаюсь. Только иногда, чтобы ощутить себя Богом.

* * *

Номер один среди кроссовок — «Найк Эйр Макс». Все так думают. Они самые крутые.

Номер два — «Адидас». Фанаты «Челси» могут даже поставить их на первое место.

«Рибок» — это номер три, а «Пума» — номер четыре. «Пуму» носит сборная Ганы. Мне никто не верит, но это так. «Кей-Свисс» — тоже очень крутые. Если бы побольше народу о них слышало, вполне могли бы занять первое место.

Мои кроссовки называются «Спорте». Они полностью белые. Мне купили их в лавке Нодди на рынке. Очень быстрые, кстати. Все вокруг называют их «отстой», но это просто из зависти.

Коннор Грин вечно ругает свои кроссовки, когда не попадает по мячу. Он ни при чем, это все обувь виновата.

Все:

— Мазила!

Коннор Грин:

— Засада какая-то, а не кроссовки. Они для бега, не для футбола. Правда, хоть не такой голимый целлофан, как у Гарри.

— Заткнись. Зато я быстро бегаю, а не тащусь как черепаха.

Поначалу мне никто не отдавал пас. Я уж подумал, что не ко двору пришелся. Потом оказалось, я не то кричу. Надо орать не «пас», а «мне». А так правила такие же, как и там, где я жил раньше.

Правда, Вилис все равно мне не пасует, ну и плевать. В стране, откуда Вилис приехал (Латвия какая-то), черных перегоняют на гудрон и поливают этим дороги. Тут все так думают. Я даже не хочу, чтобы он пасовал, пусть наиграется всласть. Когда мне надо сыграть головой, я невольно закрываю глаза, все кажется, что будет больно.

Вилис:

— Гомик!

Я:

— Отвали, картошка!

Вилис ведь живет в доме, построенном из картошки.

На математике ко мне прилетела оса. Села на мою парту и сидит. Поппи рядом со мной чуть не разревелась. Перепугалась, что оса ее ужалит.

Поппи:

— Одна такая меня укусила, я была еще совсем маленькая. Теперь у меня аллергия.

Я:

— Не волнуйся, она просто в гости к нам заглянула. Я не разрешу ей ужалить тебя.

Я старался подбодрить Поппи, но у меня ничего не получилось. Поппи хотела, чтобы я раздавил осу, но я подождал, пока эта дурочка сядет на учебник, а затем резко вышвырнул в окно, ко-

торое распахнул Дин. Оса улетела, а весь класс зааплодировал. Поппи перевела дух. Благодаря мне страхи миновали.

Поппи:

— Спасибо, Гарри.

Я:

— Да ладно. Не вопрос. (Так говорят, если что-то вышло легко.)

До этого я влюблялся только один раз. В девчонку, которую звали Абена, подругу Лидии. Это еще в прежней нашей стране. Абена была очень глупая. Считала, что если на ночь облепит лицо мыльными хлопьями, то проснется белая, как обруни. Думала, если хоть на один день побелеет, то ее осыпят бриллиантами, как диву в американском фильме.

Абена обожала бриллианты. В жизни их не видела.

И она облепила себе все лицо мыльной стружкой. Не сработало, конечно, какой была черной, такой и осталась. Зато лицо все струпьями пошло.

Все:

— Облезлая рожа, облезлая рожа!

«Это я просто для прикола», — оправдывалась она потом, но на самом деле взаправду верила,

что сработает. Вот дура. Я рад, что она не приехала с нами. Глазки у нее маленькие, а бросишь в нее шелуху от какао, визжит, словно в нее бомбу метнули. В конце концов мне все это надоело и я ее разлюбил.

Услугами компьютерного клуба можно воспользоваться, чтобы сделать домашнюю работу, или отправить мэйл, или выйти в Интернет. А вот комнату для чатов закрыли, в чате все только и спрашивали, какого цвета на тебе трусы. Короткое сообщение, впрочем, послать можно.

Я:

— Ну давай, спрашивай. Какого цвета на ней трусы?

Лидия:

— А тебе это зачем? Ты в нее до сих пор влюблен?

Я:

— Еще чего! В дуру такую? Это шутка.

Лидия и Абена в чате болтают только про Англию и мальчишек. Ну разве что Абена залудит что-нибудь «веселенькое». То свет вырубили, то…

Лидия:

— Близнецов нашли.

Я:

— О господи! Они живы?

Лидия:

— Погоди. Я не могу печатать так быстро.

Близнецы пропали еще до того, как мы сюда прибыли. Все расстроились. Близнецов вечно убивают. Люди с севера считают, что близнецы прокляты дьяволом, и разделываются с ними, пока проклятие не перешло на них самих.

Лидия:

— Нашли только скелеты. Они держались за руки.

Я:

— Царствие им небесное!

Мне сделалось грустно. Перед глазами у меня встали кости, и я представил себя змеей, выползающей из глазницы. Но грусть быстро прошла. Потому что вспомнились губы Поппи Морган. Они у нее очень красивые и совсем не такие толстые, как у Микиты. Я смотрю на них, когда Поппи со мной говорит, и, как колдун, в транс впадаю. Если уж и целоваться с кем-нибудь взасос, то только с Поппи Морган. Сегодня я это твердо решил.

Я:

— Пойдем, что ли? Умираю есть хочу!

Лидия:

— Подождешь минуту!

Я:

— Не ори на меня!

Лидия на меня теперь вечно орет. Сам не понимаю, как до этого дошло. Англия лишает людей разума, в этом, наверное, автомобили виноваты. На рынке в Канеши легковушки и грузовики так дымили, прямо в голове мутилось, а их было-то штук сто. А здесь миллион. Однажды я обходил сзади автобус и он пыхнул мне дымом прямо в лицо. Богом клянусь, меня потом тошнило дня два и все вокруг меня злили. Наверное, в этом вся причина. С сегодняшнего дня буду задерживать дыхание.

Фунты как-то глупо выглядят. Королева на них словно вот-вот засмеется, какая-то несерьезная она. Типа ее кто-то рассмешил, и она еле сдерживается. А у мамы всегда очень серьезное лицо, когда она расплачивается с Джулиусом. Сам видел, мама забыла прикрыть кухонную дверь. Деньги так и порхают у нее в руках, будто она боится запачкаться. А Джулиус внимательно смотрел и даже еще раз пересчитал деньги. Не поверил, что мама умеет как следует считать. А она умеет.

Мама:

— Здесь вся сумма.

Джулиус:

— Погоди, погоди.

Считает и пальцы облизывает. Руки у него прикольные, мощные такие, и пальцы в огромных тяжелых кольцах. Пересчитал и скрепил бумажки особой серебряной скрепкой. А денег под скрепкой тьма. Джулиус богаче, чем президент. И ездит он на «мерседесе». Круто. Вырасту, обязательно куплю себе такую машину, сиденья мягкие, развалишься на диване, и никому твои локти не мешают. Джулиус подвозил нас на новую квартиру. Мы с Лидией тогда придумали новую игру: увидишь белого человека, скажешь громко «обруни», получаешь одно очко.

Я выиграл, потому что у меня глаза острее и язык быстрее ворочается. Белых нам попалось столько же, сколько черных. И все равно я так много не видел за всю свою жизнь. Чокнуться можно. Мне понравилось.

Лидия:

— Об…

Я:

— Обруни! Тормоз!

Лидия:

— Это несправедливо! Это мое очко! Я первая

увидела!

Я:

— А я первый сказал! Очко мое!

Когда мы в первый раз увидели наши многоэтажки, у меня голова закружилась. Мы принялись угадывать, какая из трех наша. Лидия сказала — та, что посередине, а я сказал — самая дальняя.

И оказался прав.

Потом мы взялись угадывать этаж. Лидия назвала седьмой, семерка ведь счастливая цифра. Я выбрал последний, он круче.

Никто не угадал. Вовсе даже девятый.

Я:

— По-моему, дверь у нас будет голубая.

Лидия:

— А по-моему, зеленая.

И опять мы оба ошиблись. Дверь оказалась коричневая. В нашем доме все двери коричневые.

Проверить все — моя работа. Я первый попросил, и мне поручили. А нечего тормозить. Сперва я зажег везде свет. Все лампочки горели. Я и сказал:

— Лампочки в порядке!

Потом проверил все краны. Работали. Даже не надо ждать полдня, пока вода польется. Я и на

кухню зашел, и в ванную. И объявил:

— Вода есть!

Потом проверил пол, вдруг деревяшки просели или вывалились. Каждый кусочек проверил, пришлось долго прыгать. Дело пошло быстрее, стоило мне перейти на танец. И я объявил:

— С полом порядок!

Потом занялся крышами, вдруг протекают. Ну это-то несложно, посмотрел в окно и все увидел.

Я:

— С крышами порядок!

Лидия:

— Замолкни. У меня голова болит.

Потом я проверил мебель и предметы обихода. Попадется мне что-нибудь на глаза, сразу подам голос:

— Диван на месте!

— Стол на месте!

— Кровать на месте!

— Еще одна кровать на месте!

— Холодильник на месте!

— Плита на месте!

И так перечислил все до последней мелочи. Открою ящик и сообщу, что там лежит.

— Ножи на месте!

— Вилки на месте!

— Ложки на месте!

Лидия:

— Да заткнись ты наконец!

— Тарелки на месте!

— Миски на месте!

— Толкушка на месте!

Новых вещей было столько, что у меня глаза разбежались. Никогда не думал, что столько всего нового свалится на меня сразу, за один-единственный день. Я даже забыл, что папы нет с нами, только ночью вспомнил, когда мама захрапела. Папа переворачивает ее на один бок, будто большую колбасу, и она затихает. (Мама утверждает, что не храпит, но она просто во сне себя не слышит.)

Ковер в моей комнате меньше, чем комната, и не прикрывает весь пол. Я приподнял ковер — вдруг под ним деньги. Кто-то написал на полу пожелание:

Хуй тебе!

Вряд ли пожелание касалось меня. Никто ведь не знал, что я приезжаю.

За что деньги, я не в курсе. Это не квартплата, мама сняла квартиру в конторе «Айдиэл Лет-

тингс». Джулиус отвез нас на новую квартиру и влюблен в тетю Соню… а так не знаю, чем он занимается. Вечно шлепает тетю Соню по попе. Она ему позволяет, хотя иногда от шлепка чуть в сторону не отлетает. Взрослые такие дурные. Им даже нравится, когда больно.

Тетя Соня:

— Детей бы постеснялся!

Джулиус:

— Давай пошевеливайся! (Шлеп-шлеп.)

Тетя Соня:

— Ой!

В такие минуты лицо у мамы каменеет и она с такой яростью принимается давить помидоры, будто хочет убить их. Она говорит, таких колец, как у Джулиуса, у меня никогда не будет, их носят только жулики.

Я:

— Не одни жулики, у президента тоже кольца.

Мама:

— Вот именно. Ты сам подумай. Одни только жулики. И перестань строить мне глазки.

А по-моему, такой перстень самому Железному Человеку сгодился бы. Если бы ко мне кто прицепился, то я бы рукой с перстнем так двинул, что этот гад в середину следующей недели

улетел бы.

* * *

Я просыпаюсь вместе с мальчиком и лечу прямо к нему под шум ветвей. Мы смотрим, как воющий ветер делает свою работу, и вместе видим сны: он — мои, а я — его. Мы передаем наши добрые пожелания, а нам шлют просьбы, — и мы присоединяемся к ним, стараемся поддержать, особенно если речь идет не о скоростных катерах, а о морских раковинах. Мы живем и дышим, и исполняем свой долг, и протягиваем крыло помощи, если мост, ведущий к их богу, вдруг оказывается перекрыт.

Дерево упало на газон. Наверное, это случилось ночью: было дождливо и ветрено. Я смотрел на непогоду вместе со своим голубем. Правда, он улетел, стоило мне открыть окно, но я твердо знаю: это был он.

Я:

— Пока, голубь! Завязывай с бродячей жизнью!

Дерево повалило ветром, и оно рухнуло на крышу маленького дома, просто легло на нее, ничего не поломав. Корни вывернуло наружу из земли. Я взобрался на ствол до половины. Это

совсем не трудно, идешь себе и идешь. Детишки поменьше тоже полезли на дерево, но до меня не добрались. Я хотел им показать, как залезть повыше, но было уже поздно. Опоздаешь на перекличку — попадешь в черный список. Три раза опоздаешь — оставят после уроков. Да еще учителя отпидорасят (это такое наказание, только самое ужасное).

На дереве я увидел птичье гнездо. Мне стало грустно. Птенцы вывалились, когда дерево падало, и, наверное, погибли. Их раздавило. Уж я-то знаю.

Я:

— Буду возвращаться из школы, заберусь на верхушку и загляну в гнездо. Если какой-нибудь птенчик уцелел, возьму себе.

Лидия:

— Включи мозги, ты понятия не имеешь, как за ними ухаживать.

Я:

— А что тут такого, знай корми червяками, пока не подрастут, вот и все.

Птенцы и не поймут, где настоящий червяк, а где мармеладка «Харибо». Вырастут, встанут на крыло и улетят. Я всех птиц люблю, не одних только голубей. Вообще всех.

Если ты полицейский и кому-то из прохожих приспичило в туалет, ты должен подставить свой шлем. Мне Коннор Грин сказал.

— Как это? Не ври!

Коннор Грин:

— Богом клянусь.

Дин:

— Это правда.

Я:

— А как насчет солдата? Тоже должен фуражку подставить?

Дин:

— Без понятия. Не думаю.

Я:

— А пожарник?

Коннор Грин:

— Нет. Только полисмен.

Я:

— Прикалываешься.

Коннор Грин:

— Спроси у полисмена.

Я:

— Сам спроси.

Мистер Маклеод:

— Ш — ш-ш! Тихо, вы, там!

Нас собрали вместе. Полицейский говорил про

мертвого пацана: если, мол, знаем что-то, надо рассказать. Бояться нечего. Никто нам ничего не сделает. Он лично проследит.

Полицейский:

— Этого человека надо остановить, пока он еще кого-нибудь не прирезал. Для этого нам надо действовать заодно. Если можете оказать нам помощь, расскажите все родителям или учителю. Или позвоните по телефону указанному на плакате. Гарантируем полную тайну.

Вот непонятно, можно ли этому полицейскому доверять. Очень уж он толстый. А толстый полицейский обязательно врет, куда ему гоняться за преступниками. Кто-то на задних партах прохрипел «свинья» и хрюкнул, только прикинулся, что кашляет. А полицейский ничего не просек, значит, детектив из него хреновый.

Дин:

— С него толку никакого, мы с тобой и то покруче будем. Сидит где-нибудь за пультом да целыми днями лапшу трескает.

Я:

— Ему и за миллион лет не поймать убийцу.

Не верю я, что убил подросток. Это же чокнуться. Мы пристально оглядели всех, вдруг глаза выдадут убийцу Но ничего не вышло, у всех был

совершенно нормальный вид. Не они это.

Я:

— Ну как, приметил кого?

Дин:

— Да нет. А ты?

У Шармен Де Фрейтас глазки поросячьи, но они у нее всегда такие. И кровью они не налитые.

Я:

— Девчонка может быть убийцей?

Дин:

— Запросто. Только девчонка скорее столкнет жертву с лестницы или отравит. Зарезать, нет, женщина так не сделает. Вряд ли убийца здесь болтается. Да и не слышал никто ничего, иначе проболтался бы уже.

Я:

— Тогда возвращаемся к своим баранам. (Это означает, что начнем все сначала.)

Коннор Грин:

— И еще инспекторы дорожного движения. Им тоже можно в шлем нассать.

Дин:

— Да, точно. Совсем из головы вылетело.

Я хотел было все-таки спросить у полисмена, так это или нет, но решил не светиться. А то убийцын кореш увидит меня в компании поли-

цейского и подумает, что я стукач, а там сиди и жди, когда тебя утопят, засунув башкой в унитаз. Мы только попросили полицейского дать нам попробовать, как надо надевать наручники, но он не согласился, чтобы мы тренировались друг на друге. И был прав. Мы собирались надеть их на Энтони Спайнера и приковать его к забору, но этот жучила догадался и вовремя сдернул.

На белых шрамы лучше смотрятся. На моей темной коже шрамы почти не видны.

Хотя все равно круто. Только надо рассматривать вплотную.

Я их сделал на «правах и обязанностях гражданина». У нас была как бы контрольная, только мы с ней быстренько разделались (вопросы про Англию, ерундовые, типа какое там движение, право— или левостороннее, и какое мясо есть можно, а какое — нет). Шрам я нарисовал фломастером, а то химические карандаши ужасно вредные, нанюхаешься их и заторчишь. Шрам нарисовать нетрудно, длинную линию пересекают короткие, вот так:

Длинная линия — это разрез, а короткие поперечные — швы. Так выглядят все шрамы, даже у зомби. Коннор Грин нарисовал свои шрамы так:

Коннор вообразил, что дрался с терминатором. А я свои заработал в битве с асасан-бонсамом[9].

Коннор Грин:

— Это еще что за монстрюга?

Я:

— Типа вампира. Живет среди деревьев. Зайдешь слишком далеко в лес, и он тебя съест.

Коннор Грин:

— Жуть.

Неподалеку от моей школы — лес, сразу за спортплощадкой. Яблоки там ядовитые, их есть нельзя. Вообще тут все фрукты, что растут на деревьях, либо ядовитые, либо невкусные. Даже грибы не годятся в пищу Коннор Грин как-то наелся и проспал целых три дня, а когда проснулся, то не мог вспомнить ни своего имени, ни вкуса

---

[9] Примечания: 9

Длинная линия — разрез, а точки — швы. Швы сняли, а следы от проколов остались. Мои шрамы нравятся мне больше, это точно.

любимого «Поп-тарта»[10], пришлось все заново учить. Несправедливо это. Зачем на дереве растут фрукты, если их нельзя есть? Прямо издевательство.

На поваленное дерево еще разок забраться я не смог, опоздал. Рабочие цепными пилами распиливали его на куски и грузили в машину. Всем велели отойти подальше. Вот досада! Как же ненавижу этих чурбанов с пилами. Просто мучили дерево. Какой-то малыш смотрел вместе со мной, так и таращился во все глаза. Ему нравилось. Радовался, что дереву ветки отрезают.

Когда рабочие добрались до макушки, где было гнездо, они выключили свои пилы, и один из них залез и снял гнездо. Положил на капот машины и позволил мне заглянуть внутрь.

Там ничего не было, даже яиц. Пусто.

Малыш:

— Так и знал, что там никого. Их всех кошка съела.

Чесслово, я чуть не убил сопляка. Откуда-то прихлынула кровь, и глаза у меня сделались совсем красные.

---

[10] Примечания: 10

Популярный продукт компании «Келлог», своего рода сухой сэндвич со сладкой начинкой посередке, предполагается, что их надо разогревать, но обычно обходятся без таких излишеств.

Не могла кошка сожрать таких маленьких птенчиков!

Я:

— Кошка до них не добралась! Дурак!

И я пихнул малыша. Он упал в грязь, не ожидал от меня такого. Вскочил и бросился наутек. Зверски круто получилось. Мне даже хотелось, чтобы он заплакал. Заслужил.

Я бы прихватил с собой ветку на память о дереве. Попробовал бы посадить, вдруг бы что-нибудь выросло. Но рабочие не разрешили. Можно подумать, дерево им принадлежит.

Рабочий:

— Извини, дружище. Не положено.

Я:

— Почему?

Рабочий:

— Таков порядок. Извини.

Вот чурбаны. Дерево не им принадлежит, а всем вокруг. Если бы не бензопилы, я бы им показал. В земле после дерева осталась жуткая яма. А мне стало грустно. Сам не знаю почему.

* * *

Клейкая лента — большое подспорье в работе детектива. С ее помощью можно снять отпечат-

ки пальцев или взять на анализ волос. Можно поставить ловушку. Можно склеить свои заметки, чтобы листки не унесло ветром. Можно даже поймать самих преступников, если сплести что-то вроде паутины. Только чтобы как следует облепить взрослого, понадобится чуть не весь скотч в мире.

Для начала мы проверили, как обстоят дела с отпечатками пальцев. Дела обстояли хорошо, все тонкие линии видны, а отпечатки у каждого свои.

Дин:

— Супер! Я же сказал, что сработает.

Мы снова спустились к реке и принялись проверять все поверхности, которых убийца мог коснуться, когда избавлялся от орудия преступления. Сперва, конечно, мы отправились на место преступления, но нас прогнал Цыпа Джо. Удумал, что мы хотим спереть цветы, которые мама мертвого пацана посадила возле оградки. Памятные бутылки из-под пива кто-то уже спер. Наверное, Терри Шушера.

Цыпа Джо:

— Пошли прочь, недоумки! Ни на грош уважения!

Я и Дин:

— Мы со всем уважением! Мы хотим как лучше!

Цыпа Джо:

— Проваливайте, говнюки, пока я полицию не вызвал!

Дин:

— Подавись своими погаными курами! Одна тухлятина!

Вот почему мы оказались у реки. Отпечатки пальцев остаются только на гладких поверхностях типа металла или пластмассы. К траве или листьям они не прилипают. Чтобы ускорить дело, мы разделились. Надо было приложить клейкую ленту ко всему, чего мог коснуться убийца. Есть отпечатки — значит, преступник здесь побывал.

Дин:

— Попозже снимем отпечатки с самого места преступления. Если отпечатки с места убийства и с того места, где был спрятан нож, совпадут, значит, ты видел убийцу.

Дин знает, о чем говорит. Я начал с объявления про кресс водяной. Пришлось встать на цыпочки. Никаких отпечатков не оказалось.

Дин взялся за фонарный столб. С тем же результатом.

Я попробовал приложить скотч к асфальтовой

дорожке. Ничего. Дин на всякий случай обследовал огромный лопух, их тут целые заросли. Неудивительно, что убийца направился именно сюда, отличное место для тайника.

Дин:

— В прошлом году здесь вырос мак. Его сразу весь уничтожили, чтобы наркоманы не налетели, но я успел покурить. Чуть с катушек не съехал.

Я:

— Это как?

Дин:

— На тебя наваливается усталость, башка становится как бы не твоя. Я только пару затяжек сделал, маковые зернышки с табаком перемешанные. Наверное, накуриться надо было под завязку, чтобы кайф словить.

Я наблюдал за окрестностями, пока Дин собирал вещественные доказательства — соскребал грязь с берега. Грязь мы осмотрели очень внимательно — никаких следов крови. Потом мы поменялись: Дин стоял на стреме, а я искал отпечатки ног, типа как спец по компьютерным методам. Я по-честному старался. Мне понравилось. Все вокруг как-то затихло, будто это важное задание и вся надежда только на меня.

Дин:

— Нашел чего?

— Не-а!

Дин:

— Наверное, затер следы. Да еще дождь прошел. Все улики смыло. Надо искать другие зацепки, вот и все.

Я:

— А что ты купишь на свою половину вознаграждения?

Дин:

— Пожалуй, «Плейстейшн-три». И новый велик. И до фига фейерверков.

Я:

— Я тоже!

Лучше партнера, чем Дин, детективу не найти, он все их штучки знает. И ничего, что он такой рыжий. Зато сечет классно, а мозг — это главное для детектива.

Очень хотелось пробежаться по туннелю, но толпы такие, что не разгонишься. Зато я устроил эхо — очень громкое и долгое.

— Мы в метроооооооооооооооо!

Зверски круто. Народ вокруг так и подпрыгнул. Я представил, что папа, и Агнес, и бабушка Ама слышат меня и кричат в ответ:

— Слышим тебя! Надеемся, метро понрави-

лось!

У подъезжающего поезда странный запах. Словно горячий ветер в лицо дует. Горячий и вонький. Ужасно противно, когда он лицо обдувает.

Я:

— Напердели тут.

Лидия:

— Включи мозги. Ничего подобного.

Я:

— Точно-точно. Все в поезде разом пернули. Прямо в лицо.

Поезд останавливается, и все принимаются толкаться. Не терпится в вагон им пролезть. Словно места не хватит. Мозги бы включили. Места полно, все влезут. Поезд-то длиной с целый туннель. Когда состав трогается, в животе все скручивает, совсем как в самолете, я даже чуть не свалился. Да тут еще все пихаются. Зверски круто.

Лучше бы мама стояла рядом с нами, но как раз стоять ей не хотелось. Ей нравится сидеть. У леди рядом с ней волосы розовые. Прикольно.

Там, где палисадников нет, стоят машины. Прямо под окнами. Типа машина ждет не дождется, когда ей откроют дверь, будто она и не машина вовсе, а собачка, которую выпустили пописать-покакать, и она уже сделала все свои

дела. Чесслово, мне их даже жалко стало.

Дом тети Сони поделен на две квартиры. Тети Сонина внизу, а вверх по лестнице — еще одна. У тети Сони есть громадный телевизор. Он совсем тонкий и висит на стене, как картина. У нее в квартире все такое новенькое. Даже есть дерево в горшке. Только крошечное. Чокнуться можно. Мне не понравилось. А что будет, когда оно вырастет и проткнет крышу? Умрет ведь.

— А что будет, когда оно вырастет?

Тетя Соня:

— Такие деревья не растут. Оно на всю жизнь останется маленьким.

Типа мертвого младенчика, он тоже никогда не вырастет. Поступать так с деревом очень плохо. Я бы на его месте орал, пока кто-нибудь меня не освободил.

Тетя Соня приготовила кенки[11] и рыбу. Я наелся так, что думал, лопну. А потом еще чаю выпил с двумя кусками сахара. Тетя Соня уронила ложку. Та дзинькнула об пол, а лицо у тети Сони скривилось.

Я:

— Это из-за пальцев?

---

[11] Примечания: 11
Клецки из давленой кукурузы.

Мама:

— Харрисон.

Тетя Соня:

— Ничего страшного. Они не маленькие, пусть знают.

Лидия:

— Я тоже хочу знать. Вечно у тебя тайны, мама.

А ведь правда. Мама умеет хранить секреты. Я искал тайник с шоколадками, а нашел ее лотерейные билеты. Хотя мама не устает повторять, что все лотереи рассчитаны на дурачков, которым не терпится потратить деньги зазря.

Тетя Соня:

— Не вижу ничего плохого. Не врать же мне им.

Мама глубоко вздохнула — значит, сдалась — и принялась со страшной скоростью мыть тарелки, будто наперегонки со временем. Обожаю, когда тетя Соня берет верх. Ей есть что рассказать. И все ее истории случились взаправду.

Тетя Соня сожгла свои пальцы на плите. Говорит, это самый простой способ.

Тетя Соня:

— Да ничего особенного. Просто прижимаешь к спирали, пока кожа не сгорит.

Я и Лидия:

— А это больно?

Тетя Соня:

— Скорее страшно. По первому-то разу Горелым несет. И надо вовремя отдернуть пальцы, пока не прилипли к плите. В первый раз я в голос орала.

Меня даже затошнило, как представил. Но я заранее был в восторге от истории.

Тетя Соня:

— А так не очень больно. Особенно если выпить. Много чего в жизни легче переносится под кайфом.

Мама:

— Прекрати!

Лидия:

— А они что-нибудь чувствуют?

Тетя Соня:

— Бывает, на ощупь не пойму, что за предмет взяла.

Лидия:

— Любой предмет?

И мы проверили тети Сонины пальцы — совали ей все подряд, что под руку попадется, а она говорила, чувствует что или нет. С пультом дистанционного управления от телевизора у нее не пошло — даже потише-погромче сделать не

получилось.

Тетя Соня:

— Кнопки слишком маленькие.

Лидия дала ей пощупать рукав своего топа — там были такие звездочки на материи. Тетя Соня сделала сосредоточенное лицо. И здесь тоже мимо.

Мама:

— Хватит уже. Оставьте ее в покое, что она вам, зверушка в зоопарке?

Лидия:

— Как у тебя духу хватило? Я бы так не смогла.

Тетя Соня:

— Жизнь заставит, еще не то сделаешь.

Мама:

— Тебя никто не заставлял.

Тетя Соня:

— А по-моему, я еле успела. По этому вопросу у нас с вашей мамой вечные разногласия.

Мама:

— И не только по этому вопросу.

Тетя Соня:

— Но ты ведь, как прежде, любишь меня, а?

Тетя Соня сожгла себе пальцы, чтобы избавиться от отпечатков. Теперь у нее нет никаких отпечатков пальцев вообще, и полиция, если что,

не сможет выслать тетю Соню из страны. Отпечатки говорят, кто ты такой. А если их нет, ты никто, откуда приехал, неизвестно, и высылать тебя некуда — сиди себе в Англии.

Тетя Соня:

— Я стерла их самым простым способом. Кое-кто хватается за бритву или зажигалку. Это отнимает кучу времени. А я — раз, и готово.

Стоит отпечаткам снова нарасти, как она их опять сжигает. Зашибись. Тетя Соня говорит, как только найдет подходящее место, то перестанет сжигать пальцы. Такое место, где она поселится на веки вечные и где никто не ворвется к ней и не отправит в дальние края. Тогда и отпечатки пальцев пусть отрастают себе на здоровье.

Я:

— Может, оно здесь, это место?

Тетя Соня:

— Может быть. Посмотрим.

Я:

— Надеюсь, это так. Тогда мы придем к тебе в гости на Рождество, а если мне подарят «Экс-Бокс», я подключу приставку к большому телевизору и будет сплошной улет, вот клянусь.

Тетя Соня не сделала ничего плохого, никого не убила и не ограбила. Ей просто нравится коле-

сить по свету Нравится видеть то, что не видела раньше. А есть такие страны, в которые черным въезжать нельзя, и надо туда прокрадываться. А когда прокрадешься, то живешь себе как все. Тетя Соня делает то же самое, что и другие люди. Работает, ходит по магазинам. Обедает и гуляет в парке. В Нью-Йорке он, кстати, называется Центральный парк, там штук сто площадок для детей и даже каток.

Я:

— Если падаешь на лед, надо поджать пальцы, чтобы их не отрезало коньком. Мне Поппи сказала, мы с ней дружим.

— Так у Харрисона есть подружка?

Я:

— Нету! И с пожарными такая же история, когда ничего не видно из-за дыма, они ощупывают все вокруг себя. Только трогают не пальцами, а ладонями, а то автоматически схватишься за голый провод и мигом поджаришься, как на электрическом стуле.

Тетя Соня:

— Да ну?

Я:

— Чесслово!

А я бы с радостью покатался на коньках, паль-

цы бы себе сжег, лишь бы попасть на каток. На плите бы спалил, чтоб быстрее. Серьезно. Это была бы моя плата за коньки.

Тетя Соня купила мне настоящий кожаный мяч. А Лидии — диск «Тинчи Страйдер»[12]. Тетя Соня умеет читать мысли и знает, чего тебе хочется больше всего.

Мы уже собирались уходить, и тут явился Джулиус. При нем была бейсбольная бита, а мячика, как всегда, у него нет. Джулиус называет свою биту Мастер Уговоров и никогда с ней не расстается. Он ее гладит и ласково с ней разговаривает, будто это и не бита, а верная собака. А царапины на ней словно шрамы от укусов других собак.

Джулиус:

— Мастер сегодня поработал на славу. Задай-ка ему хорошую ванну, а?

Тетя Соня унесла биту на кухню и принялась мыть. Она вроде тоже относится к ней словно к собаке. А почему — не спросишь, от вопросов у Джулиуса голова начинает болеть. Говорит, что нет средства от головной боли вернее, чем стаканчик-другой.

Джулиус:

---

[12] Примечания: 12

Тинчи Страйдер (настоящее имя Квази Данкуа) — британский рэпер, его родители — эмигранты из Ганы.

— Промочишь горло, а, Гарри?

Я:

— Нет, благодарю!

Джулиус:

— Человеку нужны всего два друга: бита и стаканчик. Первый друг, чтобы добиться, чего хочешь, а второй, чтобы забыть, как ты этого добился. Однажды ты поймешь, о чем я. Оставайся подольше таким же чистым, как сейчас, ладно?

Я:

— Ладно.

По пути домой я видел в метро усатую леди. Сначала подумал, что это грязь, потом присмотрелся — точно, усы. Конечно, не такие густые, как под носом у мистера Кэррола, но самые настоящие усы. Меня смех разобрал, но я сдержался.

* * *

Парикмахеров на велосипедах здесь что-то не видно. Там, где я раньше жил, моим любимым парикмахером был Квадво, к велосипеду у него был прикручен радиоприемник, к тому же Квадво всегда предупреждал, когда коснется бритвой твоей шеи, чтобы ты успел собраться. А тут надо идти в салон. Мастера зовут Марио, он вечно мрачный и сердитый. Голову твою дергает,

и пальцы у него волосатые. Марио мне и слова не сказал. По-моему, он терпеть не может стричь людей.

Дин:

— Кто знает, может, он продает состриженные волосы в Китай. Там волосы идут на подкладки для одежды.

Я спросил у мамы, можно ли мне сделать дреды.

Мама:

— Чтобы ты был вылитый жулик?

Я:

— Просто мне так нравится. Дреды — это стильно.

Лидия:

— Ему понадобились дреды только потому что Маркус Джонсон их носит.

Я:

— Отстань. Вовсе не поэтому.

Мама:

— Кто такой Маркус Джонсон?

Лидия:

— Один тип из одиннадцатого класса. Воображает себя не пойми кем. Мальчишки помладше все у него на побегушках. Смотреть противно. Себя он называет З-Омби.

Я:

— Не называет он себя так, дура. Только на стене пишет.

Лидия:

— Какая разница. Все равно противно.

Я:

— Зато ему никто ничего приказать не может! А ты велела мне искать клопов в твоей постели. Дави сама своих клопов, меня они не трогают.

Лидия:

— Я тебя всего один раз попросила. Намекаешь, что я грязнушка?

Я:

— Я своими глазами видел, как один клопик залез тебе в нос, пока ты спала. Он уже, наверное, домик построил у тебя в голове. Садик разбил, установил спутниковую тарелку, всерьез расположился.

Мама:

— Прекрати дразнить сестру! Для дредов у тебя волосы слишком короткие, тебе нужна стрижка. И не строй мне глазки!

У меня уже была стрижка. Марио даже не просек какая.

Марио:

— Номер первый или номер второй?

Он назвал мою прическу номером вторым! Богом клянусь! Марио такой гнусяра. С сегодняшнего дня начинаю отращивать волосы, чтобы хватило на дреды, пусть мама говорит что хочет. Вот тогда-то я выполню любое поручение и меня примут в Лощину.

Между прочим, номер второй — это еще одно выражение для обозначения говна. Я как услышал, сам не поверил!

Если стартовать от моей многоэтажки, то сначала идешь по подземному переходу, потом проходишь мимо школы для маленьких и еще пары домов и попадаешь на площадку. Она довольно большая. На ней двое футбольных ворот без сетки, качели, беговая дорожка по кругу, маленький пиратский корабль и всякая ерунда на пружинах: мотоцикл, джип, две божьи коровки. Сядешь на такую штуковину, и она затрясется. Я пружинами больше не увлекаюсь, развлечение для гомиков и мелюзги. Тут все так думают. А качели вечно сломаны, и на них собаки лапы задирают.

Лучшее, что есть на площадке, это такая башня-лестница. Но к ней не подойти. Это собственность Лощины. Они вечно здесь торчат, курят и цепляются к прохожим. А после них все вокруг в

окурках и битых бутылках. Я уж лучше пройду мимо, если только не окликнут. Предложат покурить — вежливо откажусь, дескать, бросаю, доктор запретил (отказываться надо всегда вежливо).

Посреди площадки объявление:

О чем тебя спросят, неважно. «Нет» — и весь разговор.

Я:

— А если тебя спросят, где больница? Если незнакомцу нужна помощь?

Джордан:

— Снимись с ручника. Не нужна им твоя помощь. Затащат тебя в фургон и поимеют в попу, вот и все.

Чокнуться можно. До сих пор никто ко мне не цеплялся насчет секса. Помочь просят, это да. Я бы для начала все-таки спросил у незнакомого

человека, что он разыскивает. Если ответ нормальный, бояться нечего. Заливает Джордан насчет этого дела.

Джордан:

— Давай же, гляди в оба.

Пока я нашел всего одну бутылку из-под пива, а Джордан — три. Я не очень старался. Меня интересовало только орудие убийства — если его нет у реки, то почему не может быть здесь? По всей детской площадке валяются шприцы. Хоть бы прикопали, что ли, а то лежат прямо на земле. Глядишь, и нож попадется. Все зависит от того, как у убийцы соображалка работала. Если с головой у него в порядке, нож он выбросил в воду или закопал, а если был под кайфом, мог обронить где угодно.

Там, где на детской площадке стояла карусель, теперь яма. Карусель поджег Джордан. Сто лет назад, еще до моего приезда. Земля вокруг ямы черная и обуглившаяся, будто от удара молнии. Джордан любит перечислять свои подвиги.

Самые дурные поступки Джордана

Спалил карусель.

Выпил целую бутылку водки.

Проколол колеса у полицейской машины.

Зашвырнул фейерверк в контейнер для му-

сора.

Пнул учителя.

Запихал кошку в мусоропровод.

Спер из супермаркета рюкзак «Лаки Бэг».

Прирезал пару человек.

Крикнул леди, что она «пизда».

Разбил бутылки из-под пива.

Джордан вцепился мне в глотку, да так, что я раскашлялся. Хоть бы мой голубь прилетел и нагадил ему на голову Я посмотрел на небо. Птицам не было до нас никакого дела, летели себе мимо. Я прекратил сопротивление, пока Джордан не задушил меня до смерти.

Джордан:

— Делай как я, пацан. Глянь на меня — что захочу, то и творю. Если откажешься, значит, сдрейфил.

Я:

— Я готов, готов.

Я бы домой лучше пошел, но надо было дождаться, когда Лидия вывалится из своего танцевального клуба. Ключ-то у нее. Плевать, что она в девятом классе, все равно это несправедливо, если ключ от квартиры у нее, а не у меня. Все-таки я мужчина в доме.

Джордан:

— Чур, я первый. А ты не вздумай закрывать глаза. Расколотим на хер все бутылки.

Задача у нас такая: разбить все бутылки, не обращая внимания на взрослых, метать и метать. Только так можно завоевать очки. Последнюю швыряю я — тут даже полиции не к чему будет придраться, одна-единственная бутылка, да еще и последняя.

Джордан обожает бить бутылки, это сразу видно. Глаза так и заблестели. Первую он подбросил высоко. Она со звоном шлепнулась о землю и разлетелась на миллион осколков. И страшно, и прикольно вместе. Он подкинул еще одну, потом еще. Все они разбились на проезжей части. И убежать хотелось, и что-то удерживало на месте. Последнюю бутылку Джордан швырнул из-за спины — очень здорово получилось. Настала моя очередь.

Джордан:

— Кидай повыше, больше осколков будет.

Я:

— А битое стекло нам придется убирать?

Джордан:

— Совсем трехнулся? Муниципалы на что. Бросай!

Я старался подражать Джордану. Бутылка взле-

тела у меня над головой и разбилась за спиной. Стекляшки разлетелись по всей мостовой. Зверски круто. Восторг, да и только. И никто нас не остановил, все только в стороны шарахнулись.

Я:

— Сколько у меня очков?

Джордан:

— Даю тебе десять.

Я:

— Как?! Несправедливо! Ты же говорил — сто!

Джордан:

— Замолкни, пацан, ты глаза закрыл. Десять очков. Не хрен было дрейфить.

Джордан вечно жухает. А по-грубому с ним нельзя, вмиг придушит. Я уже хотел бежать домой, и тут показалась Лидия. Такая радостная-веселая в своем попугайском костюме. Уж так он ей пришелся по душе, даже переодеваться не стала. И плевать ей на всех остальных.

Джордан:

— Пацан, у тебя сеструха — совсем того. Вообразила себя цыпленком.

Я:

— Это не цыпленок, а попугай.

Как стукну ее по плечу — вдруг Джордан еще смотрит.

Лидия:
— Ой! Ты чего?
Я:
— Извини! Я нечаянно!

* * *

В своем стремлении отогнать нас вы доходите до крайностей. Затягиваете шипастой сеткой места, где мы любим собираться. Отстреливаете нас из ружей двадцать второго калибра (если закон позволяет), травите стрихнином, подкладываете на подоконники липкую бумагу для мух и покатываетесь со смеху, когда мы дергаемся, стараясь высвободиться. Как это недостойно, мне стыдно за вас. Считается, что мне лучше помалкивать и не подавать виду, негоже пищевой цепочке громко заявлять о себе, вы выше, я ниже, таковы правила.

Это ведь вы их придумали, вы рассыпали повсюду отраву, я на нее натыкаюсь на каждом шагу. Не пожалели яда. И напрасно.

— Вулканы — это горы, только внутри у них огонь. Под землей текут целые огненные реки. А когда бог вулкана гневается, они выплескиваются наружу. По крайней мере, так считали люди в

давние времена.

Мистер Кэррол:

— Верно, Харрисон. Когда-то люди думали, что так оно и есть.

Я:

— Но на самом деле там внизу ад, правда?

Мистер Кэррол:

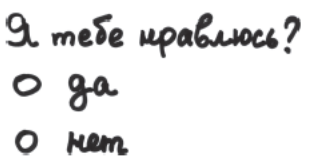
— Это любопытная теория. Жара там как в аду, это уж точно.

Все стали смеяться. Не верят они, что ад совсем рядом. Чесслово, сюрприз их ждет зверский. Сгорят, как тосты в печке!

В стародавние времена люди думали, что бог огня живет в вулкане. И он перестанет плеваться пламенем, если бросить в вулкан девственницу Тогда думали, что у всего вокруг свой бог — у неба, у дерева, у вулкана, у моря. Все эти боги были дико злобные. Надо было их кормить и ублажать, а то нашлют какое-нибудь бедствие. Морской бог устроит наводнение, бог неба шарахнет в тебя молнией, бог дерева повалит ствол на твой дом. Обязательно сотворят какое-нибудь безобразие, если не скормить им девственницу Чесслово, ужасные тупицы были эти древние люди. Девственница — это леди, которая еще замуж не вышла. Они ценные, потому что редкие. И только

ими боги могут питаться. Потому что замужние леди противные на вкус. Все так думают.

На дневной перекличке Поппи сунула мне записку Мол, откроешь только дома, и никому не показывай. Я убедился, что никто не подглядывает, прошел в свою комнату, закрыл дверь и прислонился к ней спиной, чтобы чужаки не ворвались. У меня прямо живот подвело: вдруг это подстава?



Надо поставить галочку и отдать записку обратно Поппи после выходных. Что будет потом, не знаю. Надеюсь, никаких подковырок в вопросе нет!

Май

Сегодня был карнавал. На лужайке. Лило как из ведра, но явились все. На зонтиках были написаны названия сигарет. Плясуны вовсю плясали. Их перья так сверкали, что даже солнце не понадобилось. Одна белая леди была павлином. Вся косметика у нее на лице потекла. И она стала похожа на сломанную куклу Прикольно было, дождик стекал прямо в улыбающийся рот, и она постоянно отплевывалась. Но продолжала танцевать.

Там даже «джембе»[13] грохотали. Я не удержался и тоже стал приплясывать. Даже белые и старики танцевали. Даже девчонка из психанутых домов, которая стояла рядом со мной, танцевала. Вообще-то с места она не двигалась. И понять, что она танцует, можно было, только посмотрев на ее ноги. Они ритмично притопывали, еле-еле отталкивались от земли, месили грязь. Наверное, по-другому она не умеет.

Мне стало ее жалко. Я бы научил ее танцевать

---

[13] Примечания: 13

Западноафриканский барабан в форме кубка с открытым узким низом и широким верхом, на который натягивается мембрана из кожи.

по-настоящему только когда? Не хотелось ничего упускать. Я представил, что танцует она здорово, просто у нее такой стиль.

Над толпой ходили люди на здоровенных палках. Просто улет. Скользко было, мне все казалось, что они вот-вот свалятся. Я проговорил про себя молитву, чтобы до этого не дошло. А некоторые еще и жонглировали — подкидывали и ловили по три шара зараз. Чесслово, ни разу не уронили. Зверски круто.

Я:

— Агнес бы понравилось! К ее приезду научусь жонглировать! Где продаются такие шары?

Мама:

— Можешь кидать теннисные мячики.

Я:

— Купишь мне? Всего три штуки.

Мама:

— Посмотрим.

Терри Шушера спер с лотерейного стола банку сосисок, и никто даже не попытался ему помешать. Он называет сосиски «скуби-догами».

Терри Шушера:

— Это для Эшафотки. Она их обожает, сечешь?

Эшафотка пришла со мной поздороваться и напугала маму. Пришлось спасать положение.

— Не бойся, она не кусается. Гляди, какая она милая.

Эшафотка перевернулась на спину, чтобы я почесал ей животик. Она это обожает. У нее даже пупок есть. На лужайку выскочил танцевальный клуб, одни попугаи. У Лидии улыбка то и дело пропадала с лица — очень уж она старалась, чтобы все движения выполнить верно.

Я и мама:

— Давай, Лидия! Улыбнись нам!

Лидия выступила блестяще — ни разу не сбилась. Про себя я пожелал, чтобы Микита споткнулась, но грохнулась другая девчонка — шлепнулась прямо на попу. А остальные продолжали отплясывать как ни чем не бывало. А когда танец закончился, несчастную засмеяли, сказали, что описалась, иначе откуда взялось мокрое пятно. Это была клевета. Все видели, что случилось, но так им показалось прикольнее, ведь описаться — гораздо хуже, чем просто споткнуться и упасть.

Детишки поменьше:

— Обоссанка, обоссанка!

Девчонка:

— Говняшки!

Мой лотерейный билет выиграл бинокль.

Вот это повезло. Цвет — защитный, армейский. Линзы пластиковые, но работает отлично. Я все вокруг осмотрел через бинокль — приближает здорово. Хорошо видно спутниковые тарелки на домах, крест на церкви, даже дырку от пули на поломанном фонаре. Я осмотрел крыши, вдруг угляжу орудие убийства, но ничего такого не обнаружил. Мой голубь сидел на крыше центра «Юбилей», птичка подмигнула мне и улетела. Да так быстро, что мигом пропала из виду Уж я шарил по небу биноклем, шарил, даже голова закружилась. Получается, мы с голубем квиты.

Лощина присутствовала в полном составе, но они со мной и словом не обмолвились. Мое новое задание может подождать, карнавал все-таки. В карнавал все забывают про дела и радуются жизни. Убейца зажал Микиту (хорошо, теперь она отстанет от меня) и пытался поджечь зажигалкой. Она вырывалась, но хихикала беспрерывно, словно ей страшно нравилось. Чокнуться можно. Все-таки девчонки ужасные дуры.

Убейца перестал, только когда мимо проехал полицейский фургон. Прямо застыл, а лицо перепуганное. Я видел в бинокль. Вся Лощина замерла, так рты и пооткрывали. А потом бросились врассыпную.

Бухие отморозки принялись кидаться жестянками в полицейский фургон. Машина притормозила, отморозки притихли, подумали, их сейчас арестуют. Фургон поехал дальше, и алканы обрадовались, будто войну выиграли. Прикольно. Бинокль — вещь полезная, все как на ладони.

Лидия весь день разгуливала в своем попугайском костюме и даже спела попугайскую песенку для Агнес. Малышке понравилось, ее смех накрывает, как морская волна, ты тоже принимаешься хохотать и никак не можешь остановиться. Агнес теперь умеет говорить «Гарри». Она все наши имена теперь знает — мамино, папино, бабушкино и сестры. И даже свое имя выговаривает. Ей очень нравится. Раз сто по очереди повторила, как зовут нас всех. Умереть не встать!

А вот «Харрисон» Агнес выговаривать не захотела, как мама ни старалась. Только «Гарри». Но мама ничуть не рассердилась. Улыбалась от уха до уха.

Агнес:

— Гарри!

Мама:

— Умница, радость моя!

Я:

— Не так громко! Как бы у меня уши не отва-

лились!

Агнес:

— Гарри!

Гарри — ее любимое имя. Оно прямо не сходит у Агнес с языка. Она все его повторяла, пока телефонная карта не кончилась.

Агнес:

— Гарри! Гар…

Жду не дождусь, когда Агнес выучит все слова. Сколько я ей всего расскажу! И первая история будет про человека с искусственной ногой. Он сидел в самолете неподалеку от меня. Нога была деревянная, но ботинок на ней — самый настоящий. Перед тем как уснуть, он отстегнул свою ногу и отдал жене. А немного погодя жена тоже уснула, держа ногу на руках, словно это ребенок. Я глядел и представлял, что она — мама этой ноги.

Если потерял ногу при жизни, на небесах она снова вырастет. Чесслово, Агнес понравится моя история!

* * *

Сегодня службы в церкви не было, потому что кто-то разбил окно и написал на стене мерзкие слова. Мистер Фримпонг чуть не плакал. Он обожает церковь больше нас всех. Мама крепко

обняла его, чтобы приободрить. У него даже кости захрустели.

Мистер Фримпонг:

— Бессмыслица какая-то, вот что. Ну ни к чему нет уважения.

Я поначалу даже обрадовался — надоело распевать церковные гимны. Они всегда одни и те же, и нет рядом Кофи Аллоти, некому переиначить слова, чтобы стало смешно. Да и церковь-то не настоящая. Это просто комната в центре «Юбилей» за молодежным клубом. Служба там проходит только по воскресеньям, а все прочие дни недели в этом помещении старики играют в бинго. Каждому бы хотелось, чтобы мокрое пятно на крыше представляло Иисуса, но на самом деле оно смахивает на беспалую руку.

Окно разбили, и решетка не остановила. Всю стену исписали громадными буквами ППЦ. Дерек все старался их стереть, а они не стирались.

Мама:

— Что такое ппц?

Мистер Фримпонг:

— Кто знает? Какой-то ихний шифр. Бред собачий.

Я им не сказал, что на самом деле значит ппц, — притворился, что не знаю.

Мистер Фримпонг:

— А камеры видеонаблюдения их записали?

Дерек:

— У них лица были закрыты. Они уроды, но не дураки.

Вот почему мама не разрешает мне куртку с капюшоном — чтобы лицо не закрывал. А мне это ни к чему — лицо закрывать, главное, чтобы уши не мерзли. Терпеть не могу, когда мама называет меня вруном.

Окно словно какашками вымазали, но на самом деле видно было, что это давленые «Сникерсы». Форма очень уж правильная, и орехи торчат. Никто не повелся.

Я:

— Мы можем ходить в настоящую церковь, где хоронили мертвого пацана. За угол свернуть, и ты на месте.

Мама:

— Это неправильная церковь.

Я:

— Как так?

Мама:

— А вот так. Они поют другие гимны. Не те, что мы знаем.

Я:

— Так выучим их. Может, они лучше.

Мама:

— Ничего не лучше. Мы их не знаем.

Я:

— Ничего не понимаю. Та церковь — настоящая. Там хоронили мальчика. Что в ней плохого?

Мама:

— Просто это не та церковь, вот и все.

Мистер Фримпонг:

— Проклятые католики. Хотят нас всех заразить спидом, чтобы заполучить обратно нашу землю.

Все равно не врубаюсь. На той церкви крест. Значит, она правильная?

И еще не въезжаю, зачем постоянно петь гимны. Время от времени можно было бы и на «джембе» сыграть или просто помолиться. Бога, наверное, уже достали все эти песнопения, он их миллион раз слышал. Наверное, потому и устраивает землетрясения. На его месте я бы четко сказал: спойте мне что-нибудь новенькое, а то не поздоровится. Неужели вы, люди, такие ленивые?

Я:

— Может, принести из дома бинокль? Я сбегаю. Глядишь, улики какие обнаружим.

Дерек:

— Не стоит, Гарри. Я все это уберу.

Но я тут точно ни при чем. Если бы меня приняли в Лощину я бы им рассказал про Бога, может, даже спас их души. Хорошая компания — она ведь не только хулиганством промышляет. Добрыми делами тоже можно заняться. Там, где я раньше жил, Патрик Кюффур, я, Кофи Аллоти и Эрик Асамоа обязательно делали что-нибудь полезное, к примеру, относили пустые бутылки из-под колы обратно в «Хижину Самсона». А однажды мы помогли папе Патрика Кюф-фура утеплить дом — собрали с улиц картонные коробки, разодрали на части и пустили в дело. В награду получили большую бутылку фанты, устроили состязание, кто выпьет свою порцию быстрее, и потом хором рыгнули. Получилось не хуже, чем у лягушки-быка, чесслово. Доброе дело — это же здорово, все тебе помогают, и вознаграждение тебя ждет. Рассказал бы кто-нибудь Лощине про добрые дела. На худой конец, я сам готов.

Лидия:

— Держись от них подальше, они хорошему не научат.

Я:

— А твоя Микита научит? Вечно лезет ко мне со своими засосами, а ты помалкиваешь.

Лидия:

— Это другое. У девушек все по-другому, тебе не понять. Тебе нужны настоящие друзья, а не шпана. А Микита просто кривляется, не принимай близко к сердцу.

— Если бы Господь видел, что ты творишь, он бы забрал у тебя глаза. Не собираюсь быть твоей собакой-поводырем, когда ослепнешь. Саму тебя посажу на поводок, и привет, поминай как звали.

Лидия:

— Это была краска.

Я:

— Ничего подобного. Кровь.

На шмотках точно была кровь, потому-то сестра и залила их отбеливателем. Мы оба это знаем. Ложь разделила нас, она раздувалась, пухла, росла, пока не лопнула, как пузырек слюны. Рано или поздно пузырьки обязательно лопаются.

Лидия:

— Не возникай, Харрисон. Это была кровь Микиты, понял?

Я:

— И как же она туда попала? Микита порезалась? Не заметил.

Лидия:

— Это не та кровь. Это женская кровь. Не понимаешь ни хрена, а лезешь! Убирайся!

И она захлопнула дверь маминой комнаты у меня перед носом. Из-за двери донеслись рыдания. С ума сойти. Рад бы ее успокоить, но пусть это послужит ей уроком. Если нарочно поступаешь плохо, это куда хуже, чем по ошибке. Ошибку можно исправить, а дурные поступки (если сам понимаешь, что они дурные) потихоньку разрушают мир вокруг тебя, словно ножницы камень. А я не хочу разрушать мир вокруг.

Я:

— Если бы ты не была такая врунья, не пришлось бы плакать! И у тебя дурацкий вид в костюме попугая! Сними немедленно, от него воняет! Карнавал давно кончился!

Лидия:

— Иди нах!

Это было чересчур. У меня даже в животе похолодело. Никогда бы не подумал, что она скажет мне такое. Я прямо оторопел. Пришлось выйти на балкон, чтобы отдышаться. Я поискал глазами своего голубя. Птиц вокруг масса, но все далеко, даже цвет перьев не разобрать. Я попробовал подманить своего мармеладкой «Харибо», но голубь так и не появился. Прилетит ли он хоть

когда-нибудь?

* * *

Кайл Барнс научил меня приколу с грязным пальцем. Ничего особенного: притворяешься, что роешься в карманах, будто у тебя потребовали бабло, а ты никак не можешь найти монетку Чем дольше копаешься, тем ржачнее потом получится.

Наконец вытаскиваешь руку из кармана — мол, нашел, — но вместо монетки показываешь всем грязный палец. Офигенно.

Я поставил опыт на Манике. Он повелся. Зверски круто получилось. До него так и не дошло, что я покажу ему грязный палец. Он бы и за миллион лет не просек. В ход идет средний палец (тот самый, который значит «иди на…»).

Я:

— Влип!

Маник:

— Что за херня, чел! У меня хотя бы кроссовки не такой отстой. Что ты с ними сделал?

У меня засосало под ложечкой. Все вокруг заголотали.

Все вокруг:

— Отпадные бациллы!

— Ничего подобного!

Ну что такого особенного в полосках? Я их сам намалевал химическим карандашом, чтобы смахивали на «Адидас». Правда, на покоцанный. Отравой я не дышал. Раз только вдохнул, даже голова не успела закружиться. Никакого комато-за. Линии я провел ровно, не придраться. Издали смотрятся готично. А эти ржут. Ненавижу. У меня даже глаза налились кровью.

Я:

— Заткнитесь!

Все вокруг:

— Абибасы! Мудофель!

Они бы у меня посмеялись, будь я в Лощине. Кроссовки бы мне целовали, захоти я только. Задницу бы облизывали.

Мама говорит, Господь использует видеокаме-ры, чтобы постоянно видеть тебя. Вдруг у него нашлось занятие где-то далеко — землетрясение там устроить или наводнение, — а камеры следят за тобой, и ни одна твоя проделка не ускользнет от Боженьки.

Я:

— А я-то считал, Бог видит все сразу.

Мама:

— Он и видит. Камеры на всякий случай. Для тех

мест, где дьявол очень силен. Так оно надежнее.

Значит, в наших местах дьявол прямо-таки в расцвете сил, камеры-то понатыканы повсюду! На входе и выходе в торговых рядах, у газетных киосков. Даже в зале супермаркета целых три, чтобы Терри Шушера не тырил пиво. Придется натягивать куртку на голову, капюшона-то у меня нет. Если пошевеливаться, камера меня не поймает, промелькну, будто призрак. Есть надежда.

Мы ждали подходящей минуты. Чтобы никто не загораживал дорогу и можно было сделать дело и свалить. Мы — это я, З-Омби, Шиззи и Убейца. Их задача — выбить цель, а моя — свалить с добычей.

Я:

— Ясно.

Кивок — это условный знак. Не пропустить бы. А потом нужно делать, как они. Побегут — значит, мне тоже бежать. Штука несложная. Прикинусь, что играю в камикадзе, что тут такого. Только не надо дергаться раньше времени.

Цель выбирал З-Омби. Высматривал кого послабее, чтобы не нарваться на отпор и провернуть все в темпе. Пока З-Омби не определился, мы держались спиной к камере. Вроде здесь просто тусуемся, и больше ничего. Я нащупал в кармане

зуб крокодила и попросил, чтобы кровь у меня в жилах текла побыстрее.

Мой голубь бродил между газетных киосков. Я не мог отвлекаться на разговоры с ним, чтобы не пропустить знак, но видел птицу краешком глаза. В клюве голубь держал здоровый кусище хлеба. По пятам за моей птицей семенили две другие, белая и черная, хлеб хотели отнять. Пристали намертво, не убежишь. Тут одна как прыгнет, как выхватит кусок у моего! Вот ведь наглость! Мне сделалось жалко своего голубя. Так и убил бы эту парочку мародеров!

Но тут мне пришло в голову, что весь сыр-бор из-за хлеба. Кусок все равно был велик для моего, вот и пришлось поделиться. А птицы не станут вежливо просить. Мне сделалось жалко всех птиц сразу.

З-Омби:

— За дело. Этот фраер подойдет.

В нашу сторону направлялся мистер Фримпонг. Шел себе мимо супермаркета. Совсем один. Только сейчас я понял, на кого придется напасть. Мне стало плохо. С собой он нес всего один пакет с покупками. Из пакета торчал батон. Мистер Фримпонг тощий-претощий, много не съест.

Среди прихожан мистер Фримпонг самый старый. Потому-то он и поет громче всех: зажился. Думает, Господь забыл про него. До меня только сейчас дошло. Меня охватила любовь и жалость к нему, только задний ход уже не дашь: поздно.

Хоть бы с ног его не сбить.

З-Омби:

— Работаем. Шевелите копытами.

Мы сорвались с места. Шиззи и Убейца впереди, я за ними. Я натянул куртку на голову. Играл в камикадзе, вот и все. Плевать, столкнусь я с кем-нибудь или нет, лишние очки мне без надобности. Я даже не смотрел, куда мчусь.

Разогнался я от всей души, только ветер свистел и во рту появился металлический привкус. Захочешь — не затормозишь. Прочь с дороги!

Звук удара. Что-то покатилось по полу. Разбилась бутылка. Распахнулась дверь, потянуло ветерком. Я уже был на другом конце торговых рядов. Мчался со всех ног. По сторонам старался не смотреть.

Я (про себя):

— Это был не я, не я, не я!

Чуть не врезался в ограждение. Спустил куртку с головы. Солнце ослепило меня. Магазин остался за спиной. Я был на улице. Обернулся.

Мистер Фримпонг лежал на полу. Враскоряку. Никогда не видел его в такой позе, словно жук издыхает под лучами солнца. Прямо жуть. Все его покупки раскатились, по полу лужа растеклась. Шиззи растоптал батон. Нарочно.

Убейца пнул коробку с яйцами, и они разлетелись в разные стороны. Я видел лицо мистера Фримпонга, в его глазах застыл страх. Я представил себе его мысли: что же Господь не придет на помощь, ведь самое время? Я тоже так думал. Мистер Фримпонг размахивал руками, но парни уворачивались, пытался встать, а ноги не слушались. Жестоко. Чересчур. Тут подскочил З-Омби, шарф закрывал его лицо. Обшарил карманы мистера Фримпонга и вытащил кошелек. Будто так и надо. Прямо жуть.

З-Омби:

— Не дергайся, плесень, а то в печень двину.

Я чуть в штаны не наложил. Повернулся и помчался прочь, только бы поскорее исчезнуть. Больше не оглядывался.

Это была моя последняя возможность попасть в Лощину. Провалил два задания, теперь ни за что не примут. А всего-то надо было подождать, пока все не кончится. Чем кончится — вот о чем я даже не догадывался.

З-Омби:

— Эй, куда, нах, сдернул?

Я прикинулся, что оглох. Бегу и бегу. Пробежал мимо детской площадки, лужайки, оставил позади дома и остановился только в подземном переходе. Дыхание сбилось. В живот словно дюжину ножей всадили. Поискал зуб крокодила, вот он, в кармане. Что-то он не сработал, кровь так и не прилила.

Если бы я был постарше!

Опять эти тупые вороны мельтешат. Думают, я такой же, как они. Делать мне больше нечего, кроме как скандалить из-за объедков. А я просто хотел привлечь твое внимание, Гарри, вытащить тебя из очередной передряги. Сделал все, что мог, а могу я не так уж много. Все в твоих руках, не зевай, не пропускай трещины в асфальте. Мы дали тебе карту, она внутри тебя. Линии ведут к одной и той же точке в конце, тебе только не надо отклоняться. Иди верной дорогой, будь выше всяких сорняков, и ты непременно попадешь домой. Даже высокое дерево для тебя не предел величия, все зависит только от тебя самого.

* * *

Некоторые мамы убивают своего ребенка еще до рождения. Хотели малыша и передумали. Может, им открылось, что ничего путного из него все равно не выйдет и проще поставить точку сейчас, чем дожидаться, когда зло проявит себя. Вот это самое и приключилось с Дэниэлом Бивеном. Его мама расхотела рожать ребеночка и спустила в унитаз.

Я:

— Хоть бы очнулся, когда доплывет до моря.

Дэниэл Бивен:

— Но он ведь уже мертвый. Его крысы в канализации сожрут. И вообще не хочу сестру, бабы на нервы действуют.

Дэниэл Бивен может скоро умереть. Он даже бегать не умеет. Совсем. Знаешь, что такое ингалятор? Это небольшая жестянка с особенным воздухом. И вот из такой штуки Дэниэл Бивен дышит, потому что у него астма и обычный воздух для него чересчур грязный. И бегать он не может. Если этот его особенный воздух кончится, Дэниэл умрет.

Он дал мне свой ингалятор на пробу. Особенный воздух оказался холодный и странный на

вкус. Круто. Совсем здорово бы получилось, если бы мой голос взаправду сделался как у робота. Но на этот раз что-то не сработало. Если Дэниэл Бивен помрет прежде меня, я получу его линейку. Мы даже ударили по рукам. Линейка у Дэниэла зачетная, со встроенным калькулятором.

Дэниэл Бивен:

— А если ты умрешь раньше? Что я получу из твоего?

Я:

— Все мои книги. У меня их масса. У меня есть книжка про рептилий, и про порождения морских глубин, и про Средневековье. Всего штук двадцать, не меньше.

Дэниэл Бивен:

— Ну ладно. Заметано.

Теперь ему назад не отыграть. Раз уж ударили по рукам, обратной дороги нет.

Круче всего было, когда папа пустил меня за руль пикапа. Мы возвращались домой с бамбуковой фермы. Я сидел у него на коленях и вел машину, а папа жал на педали и дергал за рычаги.

Стоило ему переключить передачу, как мы представляли, что машина пукнула.

Папа:

— Извините?

Я:

— Что это вы съели на завтрак?

Пришлось-таки сосредоточиться. Напрячь нервы. Вертеть руль вовсе не легко. Да еще смотреть при этом за дорогой.

Папа:

— Соберись. Держи руль крепко. Не думай про другие машины. Это моя забота. Кати по прямой, и все.

Ухабы меня до смерти пугали, казалось, вот сейчас перевернемся. Но я не подавал виду Хотелось доказать папе, что я классный водитель, пусть в другой раз пустит меня за руль и позволит вести машину туда и обратно. Единственный раз, когда я чуть руль не выпустил, это когда едва не сбил косца. Папа хотел, чтобы я развернулся и таки наехал на беднягу, но быстро повернуть баранку у меня не получилось.

Папа:

— Следующего увидишь — правь ему прямо между глаз. Мама супчик сварит.

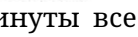
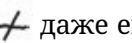
Мама и не знала, что я сам вел машину А то она б меня убила. Это была наша с папой тайна. С тех пор мы с папой как увидим косца, так смеемся как подорванные, а мама с Лидией недоумевают,

чего это мы так развеселились. От этого нас с папой только пуще смех разбирает.

Я запихал свою куртку в мусоропровод. Подождал, пока стемнеет, и по-тихому все обтяпал. Представил, будто приношу жертву Куртка была невинная девушка, и я жертвовал ее богу вулкана.

От улик надо избавляться, а то тебя выследит полиция.

Свой «форд-мустанг» я бросил вслед за курткой. Мне он разонравился. Все по справедливости, ведь они растоптали продукты мистера Фримпонга. А я там был и все видел. Дьявол тут вправду очень силен. Там, где я жил раньше, дьявол только раз попробовал ввести меня в искушение, когда нашептал украсть куски льда из «Виктори Чоп бара» и устроить водяное побоище. Я его послушался. Хорошо, Осей догнал нас и заставил отнести лед, откуда взяли. В здешних местах дьявол сильнее, потому что дома уж очень высокие. Столько высоток вонзается в небо, у Господа никаких глаз не хватит. Досадно!

По-моему, такие вот шрамы  не в пример лучше прочих. С этой минуты все мои шрамы будут такими. Потому что штука вроде вот этой  даже еще и не шрам. Швы еще

не сняты. Коннор Грин все объяснил. Пока стежки на месте — это не шрам, а всего-навсего порез. С этим все ясно. Не понимаю, как это мне раньше в голову не пришло.

* * *

Знаешь, кто такие супергерои? Это особые люди, которые тебя защищают. У них есть магическая сила. Они используют ее, чтобы сражаться с плохими людьми. Они очень классные. Немного похожи на Ананси[14], правда, не устраивают тебе шуточек всяких и свою магию только для добрых дел применяют.

Некоторые супергерои прилетели с другой планеты. Некоторых сделали на фабрике. Кое-кто родился нормальным, но после несчастного случая у него появился магический дар. Обычно такое происходит после радиоактивного облучения.

В мире и сотни супергероев не наберется. Алтаф знает всех по именам. Он их всех нарисовал. Вышло даже круче, чем автомобили. Алтаф в

[14] Примечания: 14

Хитроумный паук Ананси — герой многих сказок в Западной Африке и странах Карибского бассейна. Ананси может перехитрить любого зверя и всегда выйдет победителем из любого спора.

подробностях знает биографию каждого супергероя. Это у него фишка такая. Человек-паук — супергерой.

Потому что он может лазить по стенам, как паук.

Алтаф:

— Он стал таким после того, как его цапнул радиоактивный паук.

Я:

— Круто!

У каждого супергероя своя магия, специальная. Кто-то умеет летать, кто-то бегает как ветер. От некоторых отлетают пули, а другие испускают лучи. Какой у кого дар, сразу понятно — по имени. Человек-паук ползает, как паук, Шторм может вызвать шторм, а Росомаха кусается и царапается, как росомаха (это зверь вроде волка, только ну с очень длинными когтями, которыми он запросто покоцает любого в клочки).

Мы разговаривали про супергероев, и оказалось, что Алтаф придумал своего собственного и даже нарисовал. С виду — крутейший, настоящий супергерой.

Алтаф:

— Это Человек-змея. Он превращается в змею и плюется во врагов ядом.

Я:

— Чума! Ты его сам придумал?

Алтаф:

— Это только набросок. Надо будет прорисовать как следует язык и придумать ему заклятого врага.

Все называют Алтафа педрилой за то, что он такой тихий и губы у него девчачьи. Он их не красит, они сами по себе такие розовые.

Иногда его дразнят Губешки. Я представил, что его губы — особый дар и, если враги будут чересчур на них пялиться, окаменеют.

Я умею пукать, словно дятел стучит. Это правда. В первый раз вышло случайно. Иду себе спокойно, как вдруг — бац! За одним большим пуком последовало много мелких. Даже маме понравилось.

Мама:

— У тебя прямо дятел в попе!

В точку! С тех пор стараюсь всегда пукать как дятел. Иногда получается, иногда не очень. Конечно, это не магический дар, а все-таки уметь надо.

З-Омби наставил на меня палец, будто пистолет. Прямо мне в голову прицелился со ступенек кафе. Дикость какая-то. Будто он хочет убить меня, и никто не в силах ему помешать.

З-Омби:

— Бах!

Он выстрелил. В животе у меня сделалось холодно, и дятел забарабанил. На этот раз было совсем не так забавно. Хоть бы кто-нибудь прикрыл меня от пули, но тут я вспомнил, что пистолет ненастоящий. Просто жохан.

Шиззи:

— Ты куда это усквозил, очкозавр? Мы запомнили, ломоть говна.

З-Омби:

— Держи хлебало на замке, сечешь, Гана? Без шуток.

А мне и сказать нечего. Кое с какими понятиями меня уже ознакомили. Пистолет из пальцев означает: проболтаешься — убьем. Только врагов мне и не хватало, да еще таких могущественных. Надо быть настороже. Жалко, глаз на затылке нет.

Терри Шушера давно уже размахивал ногами — лупил Эшафотку. Бьет и бьет. Чокнуться можно. Собачка нашла в кустах мясо. Чью-то ногу, что ли. Терри и так барбоску пинал, и этак, но Эшафотка только скулила и не желала уходить. Я хотел вмешаться, ну, там, убить Терри Шушеру, но куда мне. Силы наши неравны, ничего у меня

не получится.

Мы подошли поближе, и картина прояснилась. Терри Шушера не пинал Эшафотку, вовсе нет! Наоборот. Это собачка вцепилась ему в ногу. Ржака та еще. Эшафотка хотела вытащить мясо из кустов, но вместо этого ухватила ногу Терри Шушеры, да так, что не стряхнешь. Мясом от него пахло, что ли, вот собака и решила, что он — кусок говядины.

Терри Шушера:

— Пошла, пошла! Брось! Фу! Эшафотка!

Терри Шушера лягался и вопил, а собаке по барабану. Сейчас обглодает ногу до кости.

Терри Шушера:

— Гарри, помоги! Палку возьми! Вон там!

Дин поднял с земли ветку и помахал перед носом Эшафотки. У Эшафотки клыки как у акулы. Дин потыкал веткой ей в зубы, чтобы выплюнула ногу Терри Шушера подхватил мясо и швырнул в кусты. Эшафотка кинулась за мясом и выпустила Терри. Он был весь красный и потный и все хватался за ноги. Хотел убедиться, на месте ли они.

Терри Шушера:

— Пасибки, балабоны. Увидела мясо и словно взбесилась. Тупая сучка.

Эшафотка показалась из кустов с мясом в зубах,

гордая и счастливая. Мы попробовали выхватить кусок у нее из пасти, да фигу вам! Может, там в кустах покойник? Откуда мясу-то взяться?

Я:

— Ты, случаем, не пришил кого?

Терри Шушера:

— Да вроде в последнее время нет. Ты это к чему?

Я:

— Да тут все готовы друг друга поубивать. Прямо никуда не деться. Полиция его схватит?

Терри Шушера:

— Кого?

Дин:

— Типа, который убил пацана.

Терри Шушера:

— Шутишь? Схватят они, как же. Насморк разве что. И то вряд ли.

Я:

— Точно. Мы сами его поймаем.

Дин:

— Назначено вознаграждение.

Терри Шушера:

— Удачи.

Дин:

— Тут не обойтись без собаки-ищейки, такие

все вынюхают. Они даже страх чуют.

Эта мысль пришла нам в голову обоим, только у меня мозги вертелись быстрее. Я первый и сказал.

Я:

— А собаки могут унюхать зло?

Дин:

— И я про то же подумал.

И мы произвели эксперимент. Терри Шушера тоже участвовал. Он взял Эшафотку на поводок, чтобы не убежала, а та прямо вгрызлась в свое мясо. И уж такое оно оказалось вкусное, что собака забыла про все на свете, и про нас тоже. Я закрыл глаза и постарался думать о плохом: кровь льется, ножи кромсают руки-ноги, гремят выстрелы, тело рвут когти, вампиры впиваются в горло. И еще представил, что я — убийца, вышедший на дело. Весь этот ужас я мысленно скатал в плотный шарик, открыл глаза и типа швырнул этот шарик прямо Эшафотке в нос. И еще вскрикнул при этом, чтобы эффект был посильнее. Сработало. Эшафотка насторожила уши и испуганно посмотрела на меня. Значит, шарик угодил куда надо. Теперь собака знала, как пахнет зло. Ну, правда, потом она снова принялась за мясо.

— Теперь как унюхает убийцу сделает вот та-

кую стойку.

Терри Шушера:

— Она и так делает стойку Когда пердит.

Я:

— Но если она при этом делает стойку на человека, то в голове у этого человека зло. Он преступник. Подозреваемый. Можешь вязать его собачьим поводком до прибытия полиции.

Терри Шушера:

— Целый план, надо же.

А вот сейчас мы этот план и проверим. По лужайке топали З-Омби, Шиззи и Убейца. Я даже не испугался, ведь с нами был Терри Шушера, а уж он бы им показал, случись что. Он в армии служил, пока не запил. Мы с Дином подпрыгнули, отвлекли внимание Эшафотки, и Терри забрал у нее мясо и швырнул обратно в кусты. Собака была на поводке, за мясом не побежишь. Тут З-Омби пихнул меня. Он всегда меня толкает при встрече. На этот раз я был даже рад, пусть Эшафотка принюхается как следует.

З-Омби:

— Чел, убери сучку.

Терри Шушера:

— Гляди, куда прешь. Проблемы?

Эшафотка принялась за дело. Сопела так, будто

свежее мясо прибыло. Мы во все глаза смотрели, не сделает ли она стойку — уши торчком, глаза мрачные — в знак того, что дело тут серьезное. Троица попробовала быстренько прошмыгнуть мимо, но Терри Шушера отпустил поводок подлиннее, и Эшафотка прыгнула на Убейцу. У того глаза на лоб полезли. Вот молодчина! Уткнулась носом прямо ему в яйца.

Убейца:

— Эй, чел, убери барбосину!

И достал отвертку Своими глазами видел.

Терри Шушера:

— Себе в жопу засунешь?

З-Омби:

— Убери, баклан.

Терри Шушера:

— Ага, слушай кореша. И чеши домой, пока мороженое не растаяло.

Те пошли своей дорогой. Уши у Эшафотки стояли торчком. Преступные мысли прямо в воздухе порхали, как мошки после дождя. Парни хотели нас убить. Эксперимент закончился успешно. Правда, вопросов появилась масса: если они всех хотят убить, то почему выбрали именно того мальчика? как отличить один грех от другого, если с виду они так похожи? Нелегко быть сыщи-

ком, весь день новые и новые вопросы приходят в голову Хорошо бы этих типов связать, только кто мне позволит?

Домой мы шагали вместе с Терри Шушерой. Эшафотка трусила впереди, время от времени оглядывалась, а вдруг мы куда-то делись? Прикольная собачка.

Терри Шушера:

— Твоей мамуле чайник не нужен? Новенький, восемь монет. С фильтром и прибамбасами. В магазине двадцать стоит.

Я:

— Вряд ли. Она не берет краденого.

Терри Шушера:

— Флаг ей в руки. Шесть монет? А ты что скажешь, ржавая башка?

Дин:

— Нет, спасибо.

Терри Шушера:

— Да ты не стесняйся. Эшафотка, ко мне!

Если Эшафотка поможет поймать убийцу, часть вознаграждения ее по праву. Пусть собачка потратит денежки на большую косточку и на специального слугу, чтобы всю жизнь чесал пузо!

* * *

Тех, кто не с Богом, называют неверующими. Они заблудились во мраке и ничего не чувствуют, у них внутри пусто, как у роботов, из которых повыдергали провода. Когда происходит что-то хорошее, они об этом даже не знают и не понимают, когда делают плохое. Чесслово, тоска. Вампиры — они такие же. У вампиров нет души и крови, потому они вечно такие мрачные.

Пастор Тейлор:

— Это страх заставляет их творить такое. Они боятся истины обетования Господня. Мы должны простить их и помолиться за них. Они в руце Божией.

Мистер Фримпонг:

— Еще раз увижу их, то головами столкну. Хьюлиганы!

Мистер Фримпонг очень смешно произнес «хулиганы». Он, конечно, не хотел смешить, просто так получилось. Я едва сдержался.

В церкви стало тихо, как и полагается. Мистер Фримпонг сегодня не пел. Плохо дело. Он даже не попробовал. Вот что получается, если тебя сбили с ног, ты тогда всех сил лишаешься. Мистер Фримпонг показал свое колено, в нем огромная

дырища со сплошной заразой. По-моему, он гордится.

Мистер Фримпонг:

— Посмотрите только. Повязка содержит серебро, против инфекции. Никто даже не пытался их остановить, ни один человек. Так-то.

В Англии упадешь, так к тебе никто не подойдет. Не спросит, вы всерьез упали или придуриваетесь. Мне даже не хватало песен мистера Фримпонга. Как-то не по себе в церкви без них. С Агнес тоже так, она попрощается со мной, а ее голосок еще долго звенит у меня в ушах. Даже щекотно от него. Так здорово.

Я:

— До свидания, Агнес!

Агнес:

— …Свиданя!

И когда я ложусь спать, голос ее все еще щекочет мне ухо.

Мама:

— У Харрисона даже куртку украли. Слыханное ли дело! Они на все способны.

Мистер Фримпонг:

— Наверное, те же мальчишки, что сбили меня с ног. Хьюлиганы!

Окно в церкви отмыли, но ругательства все

еще угадываются. Словно шепот самого дьявола, притаившегося в засаде. Я вот никак не мог сосредоточиться на молитве, в голове все эти мерзкие слова вертелись. Пастор Тейлор-то слова молитвы правильно произносил, а у меня в башке черт-те что получалось.

Я:

— Сраный Боже, мать-твою-блядь, избави нас от всего этого говна. Благодарю. Аминь.

Хорошо еще, я вслух этого не произнес! Мой сверхчеловеческий дар — это, наверное, умение превращаться в невидимку. Зуб крокодила оказал свое действие. Потому-то мистер Фримпонг меня не увидел, когда его сбили с ног. Я там был, а он и не знает. Это все крокодилий зуб, не вижу другой причины. Он волшебный, поэтому папа и дал его мне.

Бикса, давала и соска — это все одно и то же. В Англии, если у леди есть татуировка, значит, она бикса. У мамы Джордана на плече татуировка — скорпион. Она ее даже и не прячет, щеголяет в жилетке, всем все видно. Обалдеть можно. У мам не должно быть татуировок (даже таких крутых, как скорпион), они ведь не мужчины. Если моя мама сделает себе татуировку, уйду из дома и поселюсь у реки в палатке. Буду из рогатки белок

стрелять.

Ты бы посмотрел, как далеко я пасую новый мяч. Куда пластиковым футбольным мячам до кожаных! Новый мяч не улетает незнамо куда, а летит до самого конца коридора, причем на бреющем полете, словно крылатая ракета. Так говорит Джордан.

Джордан:

— Ну точно крылатая ракета!

Джордан влупил мне мячом по ногам. Со всей дури влупил. Попадет в меня и радуется. Я стараюсь увернуться, но мяч будто намагниченный. Засада прямо.

Джордан:

— Есть! Попал! Пошевеливайся, ботан, Куряга Лил идет! Пасуй!

В дверях появляется Куряга Лил. Я отпасовываю Джордану.

Джордан:

— Сделай вид, что не заметил ее.

Куряга Лил живет на втором этаже. Собирает на улице окурки, отсюда прозвище. Видел собственными глазами. Она их, правда, не курит, только складывает в карман. Ей лет двести, такая старая. Когда она была маленькая, автомобилей еще не изобрели и каждый день шла война. Она всегда

одета одинаково, ни пальто, ни чулок, даже если идет дождь. Ноги у нее тощие-претощие, как у птицы. И она вечно повторяет одно и то же.

Куряга Лил:

— Мать-твою-блядь!

Чесслово, такой жохан. Ей меня убить — раз плюнуть. Поубивала уже массу детей, а полиции дыму в глаза напустила. Поколдовала легонько и скрыла ужасную правду. Я притворился, что не заметил ее, на мяч уставился. Куряга Лил нажала кнопку лифта. Я был готов за одну секунду слинять.

Джордан ударил по мячу Прямо ей в ноги попал. Она так и оторопела. Послышался хруст костей.

Куряга Лил:

— Мать-твою-блядь!

Джордан:

— Извините! Я не нарочно!

Подъехал лифт, и Куряга Лил вошла в кабину Джордан опять пнул мяч. И снова угодил в старушенцию.

Джордан:

— Кочерыга вонючая!

Пока двери не закрылись, Куряга Лил не сводила с меня голубых психанутых глаз. Подумала, это я постарался. Несправедливо это. Я только

пасы принимал. Что по мячику без толку лупить, терпеть не могу Теперь Куряга Лил мой заклятый враг (так Алтаф называет злодеев, которые стремятся уничтожить супергероя). Вся надежда на то, что мой дар сильнее, чем ее.

Я:

— Что ты натворил, она нас теперь поубивает!

Джордан:

— Не бзди. Пусть только рыпнется. Я ее на ленточки порежу.

И Джордан показал мне нож. Я даже не заметил, откуда он его достал. За миллион лет бы не догадался. У ножа была зеленая ручка, как у маминых. Ни дать ни взять ее нож для помидоров. Даже, пожалуй, круче.

Джордан:

— Это мой нож для военных действий. Пусть только попробуют ко мне прикопаться, когда начнется война. Мало не покажется.

Он посмотрел на нож такими глазами, словно это его самая любимая вещь на свете, и показал мне, куда его спрятать, чтобы никто не заметил. Удобнее всего — в штанину, только надо придерживать за ручку, чтобы не вывалился. Если пояс на резинке, то можно и не придерживать. Или клади в карман.

Джордан:

— Смотри, какой острый.

И принялся царапать на стене. Вырезал писюна, да так, словно ручкой это делал.

Джордан:

— Тебе без ножа никак. Я тебе принесу, у мамы их немерено.

Я:

— Спасибо, не надо. Мне не нужно.

Джордан:

— Еще как нужно! Всем нож нужен. Раздобудь такой же, как у меня, и мы будем братья по оружию, чел. В чем дело, не хочешь побрататься со мной?

Он покрутил ножом у меня перед носом, словно замок хотел открыть. Типа я и был этот замок. Все поплыло у меня перед глазами, как в замедленной съемке.

Джордан:

— Ну и рожа! Обосрался, что ли?

Я:

— Ничего подобного! И не смешно!

Все трындят, что очередная война объявлена, а я ее признаков не вижу. Столько войн кругом, со счета можно сбиться.

Войны

Ученики против учителей.

Средняя школа «Нортвелл Мэнор» против средней школы «Либридж».

Сонная Лощина против банды из Льюси-Хилл.

Эмо против гопников.

Турция против России.

«Арсенал» против «Челси».

Черные против белых.

Полиция против детей.

Бог против Аллаха.

«Цыплята Джо» против KFC.

Кошки против собак.

Чужие против хищников.

И все эти войны проходят мимо меня. Не понимаю. Ни одно окно не разбито, с вертолетов не стреляют, только светят прожекторами. Какая же это война? Ничего похожего.

Я даже не знаю, на чьей я стороне. Мне никто ничего не сказал.

Пока мама мылась в душе, я вытащил из набора помидорный нож. Просто опробовать. С острым концом надо быть поосторожнее. Я ловко держал нож и кромсал воздух, будто передо мной враг. Потом спрятал нож в штанину и прошелся с ним, типа на самом деле кругом война. Вообразил, что

Господь забыл про меня и я могу действовать, как в бою, и мне все сойдет с рук.

Я:

— Идет война! Господь забыл про меня! Папа забыл про меня! Все фонари на улицах разбиты, и за нами гонятся волки! Каждый за себя! (Все это произносил мой внутренний голос.)

В конце концов я положил нож на место, а то получалось как-то чересчур. Острый он очень. Запросто может ноги отчекрыжить. Забудешь, что в штанах нож, усядешься на лезвие и пропорешь. Если начнется война, я лучше убегу Я быстрее всех бегаю во всех седьмых классах, разве что Бретт Шоукросс способен меня догнать.

* * *

Росс Келли получился такой, потому что в раннем детстве кто-то добавил в его молоко кислоты. Все так думают. Вечно он высовывает язык, когда пишет контрольные, говорит, это помогает ему сосредоточиться. А по-моему, вид у него делается дебильный, только и всего. Я пробовал высовывать язык, но быстрее все равно не пишется. Зато язык мерзнет и сохнет.

Если Росс Келли опять обзовет Поппи четырехглазой, я его в окно выкину. Я ему позволил

посмотреть в мой бинокль только потому, что он чуть не на коленях умолял.

Я:

— Сейчас очередь Поппи!

Росс Келли:

— На что ей бинокль, она и так четырехглазая.

Поппи:

— Отвали!

Я:

— Отвали, вонючка!

Я подошел к окну кафе, а Поппи поднялась по библиотечной лестнице и посмотрела на меня в бинокль. Пусть теперь расскажет, что я делал.

Поппи:

— Ты двигался, будто под водой сидишь. Я все видела.

Я:

— Ничего подобного. Я изображал робота.

Поппи:

— Какая разница. Со стороны одно и то же.

Я:

— Я не двоился и не троился? Бинокль здорово меня приблизил?

Поппи:

— Ага.

Я:

— Вот видишь. Бинокль — это вещь.

Поппи:

— Ага!

Я положил бинокль обратно в портфель, а то еще разобьется. Никто и не подозревает, для чего он мне на самом деле, знаем только я и Дин. Я даже Поппи ничего не сказал про дело, которое мы расследуем. Преступники — они всегда так: похитят у детектива жену и отрезают ей пальцы на ногах по одному, чтобы сыщик согласился на их условия. Если Поппи спросит, я скажу, что смотрю в бинокль на птиц и наблюдаю с расстояния за играми.

Так оно безопаснее. Поппи теперь моя девушка. Я у нее и спрашивать не стал, просто решил, и все.

Пока в моей базе данных пять отпечатков пальцев: Маника, Коннора Грина, Росса Келли, Алтафа и Салима Хана. Я попросил отпечатки у Чевона Брауна, Бретта Шоу-кросса и Шармен Де Фрейтас, но они послали меня подальше.

Дин:

— Нам нужны отпечатки тех, кто в этом деле не замешан, чтобы сравнить с пальцами убийцы и подтвердить, что их обладатели ни при чем.

Я:

— Есть, инспектор. Будет исполнено.

Куски клейкой ленты с отпечатками я спрятал в тайник вместе с крокодильим зубом, в бумажку завернул, чтобы пыль не налипла или посторонние волоски. Штаб теперь в моей комнате, без пароля не войдешь, а его никто не знает («голубь», в честь моего голубя, никогда не догадаешься).

Отпечатки пальцев вообще-то не для того созданы, чтобы человека легче было найти. Это так случайно вышло, что они у всех разные. На самом деле благодаря отпечаткам пальцев у тебя есть осязание, ты различаешь текстуры, отличаешь гладкую поверхность от шершавой, и все такое. Нам мистер Томлин сказал.

Мистер Томлин:

— Отпечаток состоит из крошечных гребешков на коже. Когда проводишь пальцами по поверхности, возникают колебания, а гребешки их усиливают, сигналы на чувствительных нервах делаются четче, и это позволяет мозгу вернее определить текстуру материала.

Я:

— И ты при помощи осязания чувствуешь, каков данный предмет на самом деле.

Мистер Томлин:

— Верно.

Жечь свои пальцы — это не по мне, лучше я их заморожу. Отличный способ ничего не чувствовать. Надо же узнать, как у тети Сони обстоит с осязанием. Я соскреб иней из морозилки и сложил кучкой в чашку.

Я:

— Можно отморозить пальцы инеем из морозилки?

Лидия:

— Мозги включи. Конечно, нет.

Я:

— А если держать их долго? Типа целый час? Наверное, получится. Не заморозить совсем, чтобы отвалились, только чуть подморозить. Последи, чтобы я не перестарался, скажи, когда пройдет полчаса. Тридцати минут, наверное, хватит.

Куча времени ушла, чтобы пальцы у меня занемели. Даже больно стало, а жгучий холод взаправду обжигал. Избавиться от отпечатков — дело хорошее, но пальцы тоже еще пригодятся. Лидия смотрела «Холлиоукс». Опять парень с парнем целовались. Меня затошнило, но я сделал вид, что кино ни при чем, стал придуриваться, что не чувствую своих пальцев. Что они вроде как уже и не мои.

Я:

— Время засекла?

Лидия:

— Отстань! Дай посмотреть!

Когда пальцы наконец занемели, мне показалось, это на всю оставшуюся жизнь. Прямо жуть. Я взял дыню, погладил и ничего не почувствовал. Сработало! Пальцы у меня стали словно не из кожи, а не пойми из чего. Чесслово, такой шизотени со мной еще не было.

Я провел рукой по подушке дивана и снова ничего не почувствовал. Ни узора, ни фига. Надавил посильнее — тот же результат Словно это и не я вовсе, а призрак. Пощупал перья на попугайском костюме Лидии. Жесткие, негнущиеся. Дотронулся до лица Лидии, провел по носу, по губам, по щеке, по уху Все какое-то нездешнее, будто я сплю.

Я:

— Прямо жуть! Попробуй сама!

Лидия:

— Ну тебя! Отвяжись! Холодно!

Земляной орешек не ухватить, пальцы не слушаются. Вот он, арахис, вот мои пальцы, а не взять. Не держится, выскальзывает. Идиотство какое. Я пробовал, пробовал и плюнул. К тому же Лидия уже давным-давно перестала следить

за временем.

Я:

— Эксперимент увенчался успехом!

Лидия:

— Ты все-таки дебил!

Ну и жохан был, когда вдруг показалось, что я лишился осязания навсегда. Мне стало жалко тетю Соню. Какие из себя предметы на ощупь, мои пальцы еще помнили. А если попадется что-нибудь новое? Я представил, что на самом деле я — это тетя Соня и попал в новую страну, где все вокруг незнакомое. И пальцы мои ничего вообще не чувствуют.

Я:

— А если ночь, темно, света нет и вдруг пожар? Как она выберется?

Лидия:

— Откуда мне знать? Такого никогда не случится.

Я:

— А вдруг случится? Она сгорит как тост.

Мне совсем страшно стало, даже не хотелось думать про это. Хорошо, что онемение начало проходить и осязание вернулось. Его вроде как даже больше стало. Вот глупо было бы, если бы пальцы остались бесчувственными. Пришлось

бы, как собаке, нюхать и совать все в рот. И все бы меня звали Мальчик-пес. Не хочу об этом думать, а то еще станет все так на самом деле.

Лидия злится, потому что на детектива она не тянет. Когда вырастет, хочет податься в парикмахеры. Все девчонки только и мечтают, что ножницами чикать.

Я:

— Моя работа круче. Детективы преследуют преступников и плюют на ограничения скорости.

Микита:

— Только детектив безоружен. А плохие парни все с пушками. И не спрашивают ни у кого разрешения, делают что хотят. А детектив вкалывает, и вообще на него все шишки валятся. Никому такой работы не пожелаю, чел.

Микита утюжила Лидии волосы. Мама узнает, мало не покажется.

Я:

— Спорим, загорятся.

Лидия:

— Ха! Еще чего!

Я:

— Спорим.

Лидия:

— Не З-Омбижай!

Я:

— Хочу и смотрю.

Лидия мне не запретит. Я — мужчина в доме.

Лидия:

— Только не обожги меня, о'кей?

Микита:

— Не волнуйся. У меня богатый опыт.

Шанель:

— Ага, два раза.

Микита:

— И что? Я способная, подруга. Мне тетя показала, ее в тюрьме научили.

Тетя Микиты — фальшивомонетчица. Только она не монеты подделывала, а билеты, вообще-то она их просто рисовала сама.

Длится девчачья возня как ишачья свадьба. Просто тьму времени нужно потратить, чтобы волосы отутюжить. Кудряшки разглаживаются по кусочку, сначала с одной стороны, потом с другой. Торопиться нельзя, а то сожжешь. Я прямо чуть не заснул. Мы устроили перерыв. Девчонки пили яблочный сок и представляли, будто это шампанское.

Говорю вам, девчонки ужасные тупицы.

Прикольно наблюдать, как Лидия пытается

быть окаменелой. Просто сконцентрирована на этом. Она боится утюга. Когда он оказывается совсем близко к лицу, она зажмуривается.

Лидия:

— Уши!

Микита:

— А чё с ними такое?

Лидия:

— Подальше от ушей.

Волосы у Лидии и вправду делались прямые, на глазах. Кайфно получалось. Лидия просто умирала от счастья, все пялилась в зеркало. Влюбилась сама в себя.

Я:

— Поцелуй сама себя. Давай, целуйся с собой!

Лидия:

— Не З-Омбижай!

Микита:

— Сиди смирно, а то обожгу.

И держит утюг прямо возле уха Лидии. От утюга дым валит. А лицо у Микиты вдруг делается свирепое. Ни с того ни с сего хиханьки-хаханьки кончились.

Микита:

— Ты с нами?

Лидия:

— Ты о чем?

Микита:

— Сама знаешь, о чем я. Ты или с нами, или против нас.

Утюг переехал поближе к глазу Лидии, еще чуть-чуть — и коснется. Дым валит ей в лицо. В животе у меня делается холодно. Шанель дожевывает последнюю печеньку.

Шанель:

— Хватит уже. Она все понимает, подруга.

Микита:

— Помалкивай. Не заставляй меня сама знаешь что. Ты не при делах. Ясно?

Все так медленно происходит. Микита то поближе поднесет утюг, то отодвинет. Я вижу, что Лидия перепугана, оттого и сам перепугался. Готов уже применить свой план против непрошеных гостей: схватить с кухни нож, выколоть налетчикам глаза и вытолкать чужаков к лифту. Один из нас позвонит в полицию. Если орудовать ножом в темпе, не страшно. Это всего лишь самооборона. Лидия закрыла глаза. В воздухе уже висел запах горелой кожи. Словно все птицы вмиг погибли и рухнули на землю.

Лидия:

— Прошу тебя. Я ничего не знаю. Я с вами, с

вами.

Лидия открыла глаза и посмотрелась в зеркало. На щеке у нее осталась красная блестящая полоска. Лидия медленно погладила ее, будто это след от поцелуя. Обожаю, когда раны заживают, новая кожа делает тебя сильнее. Порезы и ожоги на пользу.

Лицо у Микиты разгладилось. Злость вся куда-то делась, и она снова стала нормальной. Так быстро все. Я даже подумал, что мне померещилось.

Микита:

— Смотри прямо перед собой, а? Если хочешь стать красоткой, слушайся. Не дергайся — я тебя не обожгу. Если бы не дергалась, все бы обошлось.

Лидия:

— Извини.

Я снова начал дышать. И весь мир задвигался. С распрямленными волосами Лидия смотрелась шикарно. Ждать пришлось долго, но результат того стоил.

Я:

— Хо! Вид дурацкий! Вылитая буйволица! (Это я нарочно загнул. Если говоришь девчонке, что она хорошенькая, значит, втюрился по уши.)

Шанель:

— Ничего подобного. Клево смотрится.

Микита:

— Я крутая! Прям не верится, какая крутая!

Я достал клейкую ленту и взял у них отпечатки. С Шанелью дело пошло легко, а Микита заартачилась. Тут мне припомнились слова Дина.

Дин:

— Если не хотят давать свои пальцы, предложи им попить. Отпечаток останется на стакане. Просто как два пальца.

Микита вечно притворяется, будто яблочный сок — шампанское. Вот тупица. Отпечатки пальцев Лидии мне не нужны. Она никакой не подозреваемый, она моя сестра. Даже не заплакала, когда ее обожгли.

Лидия расправилась со своим костюмом из танцевального клуба. Схватила ножницы — и только клочья полетели. Прямо сбрендившая акула. Глаза мокрые, едва не плачет. На кошмар было похоже. Я так и застыл, только смотрел, что будет дальше. Ну прямо Абена, которая засунула в нос проволоку от вешалки, чтобы походить на обруни (ей казалось, белые именно так меняют форму носа). Все вокруг знали, что это не сработает, и только ждали, что произойдет. Абена тогда

точно из ума выжила.

Я лягнул дверь, чтобы привести сестру в себя, пока не рехнулась совсем.

Лидия:

— Доволен теперь?

Я:

— Что ты творишь?

Лидия:

— Нравится, да? А ты не верил, что это не кровь. Думал, я врунья. Веришь теперь?

Я:

— Может, хватит уже резать? Я думал, тебе нравится костюм.

Лидия:

— Нет, дурацкий он! Ненавижу танцклуб, вот. Сплошная тупость.

Я так и не понял, в чем тут дело, но принялся ей помогать. Мы вынесли попугайский костюм на балкон. Он был весь изрезан и похож на труп. Падать ему высоко. Шлепнется обрывок внизу об асфальт — значит, все кончено и можно швырять следующий кусок. Мы смотрели, как разноцветные клочья медленным дождем летят вниз. Дождь обязательно смывает кровь. Внизу носились детишки, ловили клочки, цепляли на себя перья, гонялись друг за другом будто ненор-

мальные попугаи, швырялись лоскутами, как цветными бомбочками.

Лидия:

— Только не говори никому, что я сделала, ладно?

Я:

— Ты хоть знаешь, от кого оно к тебе попало?

Лидия:

— Ей-богу, нет. Я просто отнесла одежду в прачечную, вот и все. Это была проверка.

Я:

— Мою куртку не украли. Я бросил ее в мусоропровод.

Лидия:

— Зачем?

Я:

— Ты мне не говоришь, вот и я тебе не скажу.

Лидия:

— Ну и прекрасно.

Я:

— Джордан как-то бросил в мусоропровод кошку.

Лидия:

— Врет он все. Ты такой доверчивый.

Мы смотрели вниз, пока детишкам не надоели перья и они не побросали клочья на землю. Раз-

ноцветные лоскуты усеяли асфальт совсем уже неживые. «Соболезную», — сказал я про себя, но грустно мне не было. Я вдруг почувствовал себя сильным как никогда. Сила защитит нас от того, что впереди, как крокодилий зуб защитит.

* * *

Лучше тебе не видеть, как мы приближаемся, поверь мне. Тебе есть чего добиваться, у тебя имеются обязательства, человек есть человек. Ты суетишься, притворяешься, что смерть не поджидает тебя за углом и что от твоей суетни зависит, какое у нее будет лицо, когда ты налетишь на нее. Давай, жми, успокаивай себя. Делай свой выбор, отвечай на звонки. Проживай минуту за минутой, а памятники сами позаботятся о себе и после твоего ухода облекутся в мрамор или в глину вечной жизни.

У меня новые кроссовки. «Диадора». Слышали про такие? Крутейшие. Мама заметила, что я сделал со своими «Спорте».

Мама:

— Что стряслось с твоими кедами? У них ужасный вид.

Я:

— Хотел, чтобы было похоже на «Адидас».

Лидия:

— Хоть бы линии прямо нарисовал. Криво-косо все. Педешный фасон.

Я:

— Рожа у тебя педешная.

Мама:

— Хо! А ну прекратили! Педешный да педешный! Чтоб больше не слышала этого слова!

Мы отправились в раковую лавку там и кроссовки есть. «Диадора» были самые лучшие. Только они оказались мне впору Просто жутко повезло. Они все белые, а фирменный знак «Диадоры» — голубой. Он похож на стрелу или космический корабль. Сразу ясно, в таких будешь бегать супер-быстро.

И нигде не жмет. А пара царапин не в счет. Первый хозяин хорошо следил за ними. Он просто из них вырос. Мы постарались представить, какой он был из себя.

Лидия:

— Спорим, это был урод с вонючими ногами в болячках.

Я:

— Не умничай. Они даже не пахнут. Спорим, он отлично играл в футбол и бегал.

Я представил, что часть его духа осталась в кроссовках и поможет мне всегда отдавать точный пас и не уставать при забегах.

Лидия:

— Не говори никому, где ты их купил, на смех поднимут.

— В раковой лавке, ну и что? В них-то никакого рака нет.

Все вокруг бухтят, что товары из раковой лавки заражены раком. Глупость какая. Обуви быстрее, чем мои новые кроссовки, у меня никогда не было. Так бы мчался и мчался без остановки. И еще они прикольно скрипят на натертом полу в коридоре.

Тот самый звук получается — «ффа-аззи, вва-аззи». Только надо прислушаться. Так что не только у медсестер туфли скрипят. Мои кроссовки тоже!

Поппи нравятся мои кроссовки. Говорит, они шикарные. Вот почему мы вместе, нам нравится одно и то же. Кроссовки «Диадора», Майкл Джексон, красный виноград, а не зеленый. Иметь подружку — это просто. Все, что требуется, — иногда за руки держаться. А так можно вести себя, как ведут обычные одноклассники. На перемене мы сидим рядом на ступеньках у корпуса естествознания. Иногда Поппи дает мне задания, и я

изображаю «лунную походку», или пою песенку, или рассказываю анекдот. Поппи нравится, когда я что-нибудь делаю для нее. Иногда мне хочется поиграть в камикадзе, а Поппи не желает, чтобы я куда-то от нее уходил. Я не против. Мне хорошо с ней.

Поначалу я складывал ладонь лодочкой, когда подавал ей руку. Поппи терпеть этого не могла.

Поппи:

— Так бэбики ходят! Вот как надо, гляди.

Оказалось, надо, взявшись за руки, сплести пальцы. Девчонкам так больше нравится. Сексуальнее потому что. Ладони, правда, потеют, но все равно здорово. Только вот насчет подружек существуют кое-какие особые правила. Нельзя гоняться за ними и сбивать с ног. Вместо это нужно держаться с ними за руку. Это им почему-то больше по душе.

Поппи дала мне померить свои очки. Она их надевает только для чтения. Очень красивые и маленькие, не то что у других. Даже в очках Поппи — самая красивая.

Я:

— Я их не разобью.

Поппи:

— Я знаю. Тебе идут. А мне?

Я:

— Чума!

Если у тебя нормальное зрение, в очках все расплывается. Ошизеть. Не видишь, куда идешь, не понимаешь, какой предмет близко, а какой подальше. У меня даже голова закружилась, и я чуть не врезался в стену. Очки надо носить, только если плохо видишь. Если видишь хорошо, очки мешают. Прикольно, будто открыл глаза под водой.

Поппи:

— Все видится таким странным потому, что тебе не нужны очки. А когда я их надеваю, все нормально.

— Лучше бы мне они были нужны, а не тебе.

Поппи:

— Какой ты милый. Спасибо.

Хотел сказать ей, что она все равно самая красивая, хотел сказать, что она для меня — солнышко, но вокруг народ тусил.

Границ вообще-то не видно, но они везде. Просто они проведены у тебя в голове. Подземный переход за торговым центром — одна граница. Не вздумай за нее зайти. Я ее никогда не перешагиваю. Там вечно темно, даже если светит солнце, и вода в лужах грязная и ядовитая.

Дорога за школой — вторая граница. За ней — запретная зона. Я как-то добрался до автобусной остановки у холма, дальше никогда не заходил.

Еще одна граница — дорога у реки. «Макдоналдс» — на том берегу Один я там никогда не был, только с мамой на автобусе. Туда тоже не стоит соваться. Дорога принадлежит банде из Льюси-Хилл.

Последняя граница — это железная дорога за рекой. Так далеко я еще не забирался. У железной дороги проходят все битвы. Это территория военных действий. В один прекрасный день там сошлись Лощина и банда из Льюси-Хилл. Не меньше тысячи человек, все с ножами, бейсбольными битами и мечами. Кое-кого убили до смерти. Давно это было, еще до моего прибытия.

Джордан:

— Они друг у друга отрубали руки-ноги и прочие части тела. До хренищи там валялось. Что отрубили, так там и осталось, до сих пор на деревьях руки-ноги висят. Оставили как предупреждение.

Понятия не имею, правда это или нет. Даже не знаю, как выйти к железной дороге.

Границы составляют квадрат. Выходить за его пределы опасно. Это твой дом, здесь тебя не

убьют. Да и всегда дома можно спрятаться. Если за тобой гонятся, всегда найдешь местечко, где тебя не найдут, столько всяких закоулков. Надо только правильно держать курс и быстро бегать.

Можно спрятаться в кустах, что вокруг лужайки. Они густые. Был такой случай: покойник провалялся в кустах целый год, и никто его не заметил. Труп обнаружили, только когда кинули собаке палку, а та принесла назад руку.

Можно спрятаться в мусорных контейнерах, никто не будет тебя там искать из-за вони. Если задерживать дыхание, то хоть вечность просидишь.

Церковь — дом для каждого. Там тебе никто ничего не сделает, священное место. Еще можно спрятаться между торговых палаток. Если умеешь хорошо лазить, можно забраться на крышу гаража или на дерево.

Ветка или крыша гаража не выдержат твоего врага, придется ему аркан кидать. Но дом — самое безопасное место для каждого, главное, дверь держать на запоре.

Шиззи заприметил меня у главных ворот, я и не подозревал ничего. Да оно и к лучшему, что не подозревал. Догонялки лучше устраивать вне школы.

Шиззи:

— А, лошак! Щас я тебя убивать буду! Дергай отсюда!

И я дернул. Им меня не догнать, черепахам. Иной раз я бегу прямо домой, словно спасаясь от голода. Но если я хочу, чтобы за мной побегали, закладываю кольца, словно змея. Я помчался мимо стоянки к забору из пик. Полной скорости не развивал, пусть Шиззи думает, что может меня поймать. Остановился возле надписи:

Подождал, пока Шиззи подбежит поближе, нарочно вцепился в прутья забора, будто я — заключенный. У Шиззи глаза еще больше налились кровью. Как бы не лопнули.

Шиззи:

— Ты со мной не играй! Я тебя затрахаю до смерти!

Я подпустил его еще немного и опять сорвался

с места. Пробежал вдоль забора, через ворота, потом вниз по холму к подземному переходу Обернулся. Шиззи все еще на вершине холма, пыхтит как паровоз. Спекся. Еще сто очков Харрисону Опоку! Я же говорил, мои кроссовки — самые быстрые!

По-настоящему я разогнался только когда налетел на З-Омби. Он переходил улицу, а я выскочил из подземного перехода. Увидел меня, глаза выпучил — и за мной.

З-Омби:

— Ты покойник, ушлепок!

Кровь у меня закипела. Бегу к церкви. Заперто! Огибаю центр «Юбилей» и большую библиотеку Мчусь по прямой, чтоб быстрее. За собой слышу топот З-Омби. Его злые мысли дождем льются на меня.

З-Омби:

— Убью, урод!

Подбегаю к магазинам. Передо мной выкатывается леди в инвалидной коляске. Чуть было не врезаюсь в нее. У меня секунда на размышления. Действую молниеносно, не то что подумать, даже испугаться как следует не успеваю. Цепляюсь за ее коляску сзади.

Леди в коляске:

— Что это ты затеял? Пошел вон!

Я:

— Не могу! Прошу прощения!

З-Омби не отстает. Быстрее! Не тянет мотор. Вот досада! Такое впечатление, что пешеходы двигаются быстрее нас. Ну и тащимся! Сдохнуть можно.

Я:

— Жмите на газ, мисс!

Леди в коляске:

— Убирайся!

Рядом с нами бежит мелюзга, показывают мне грязные пальцы. Решили, что это игра такая.

Мелюзга:

— Придурок!

Леди в коляске:

— Ну погоди! Сейчас получишь!

Она ударяет по тормозам, и я шлепаюсь на тротуар. Быстро оборачиваюсь, как там мои преследователи. З-Омби стоит неподвижно, Шиззи рядом с ним. Оба покатываются со смеху. Да и все вокруг ржут как чокнутые.

Шиззи:

— Улетные колеса, слюнявый! Как же ты без прав-то катаешься?

З-Омби:

— Эй, Гана! Передай тому мудаку, что еще раз увижу его собачонку — пришибу на месте!

Только их и видели. Исчезли в торговом центре, и все зло с ними исчезло. Мне даже обидно стало, что погоня закончилась так скоро. Я немного отдышался и побежал дальше. Секунда — и я догнал леди в инвалидной коляске. Сделал ей ручкой, пробегая мимо.

Я:

— Спасибо за покатушки! Извините за беспокойство!

Леди в коляске:

— Мотай отсюда, невоспитанный маленький ублюдок!

В Англии никогда не поймешь, прикалываются над тобой или все серьезно. Наверное, за приколами успели забыть, что такое «серьезно». Когда состарюсь, коляску мою фиг кто догонит. И колеса будут побольше, чтобы ухабы не мешали.

Июнь

Наша база — это лестница возле моей башни, та, что ведет на первый этаж. Тут мы в безопасности. Сюда забредают одни доходы, а они до того сонные, что нас даже не замечают. Мы с Дином устраиваем здесь засады, наблюдаем за плохими парнями, дожидаемся, пока что-нибудь не произойдет, хоть бы пришлось сутки торчать. У нас с собой вишневая кола и чипсы «Скипе» на случай, если дело затянется.

Я с биноклем, а Дин ведет протокол — фиксирует на бумаге все, что я увижу.

Дин:

— Утащить у мамы телефон не получилось. Камера у него все равно говно, всего три мегапикселя. Придется работать по старинке.

По старинке мне даже больше по душе. Пробовали «Скипе»? Отличная штука. Вкус как у креветок, и язык пощипывает. Готично.

Я:

— Мне сообщать обо всем, что вижу?

Дин:

— Нет, только о том, что кажется подозритель-

ным или странным.

Я:

— Иисус подходит?

Дин:

— Нет. Он вне подозрений. Убийцы не раскатывают на роликовых коньках. Чересчур бросается в глаза.

Я:

— Я так и думал.

Мимо проехал Иисус на роликовых коньках. Кататься он мастер, приятно посмотреть. Его так прозвали за бороду и длинные волосы, — правда, седые. Все вокруг говорят, что настоящий Иисус, доживи он до наших дней, был бы в точности такой же. Вносить в протокол мои слова про Иисуса мы не стали.

Я:

— Мимо дома проехал Иисус на роликах. Чуть не свалился на колдобине, но ничего, устоял. Какой-то сопляк показал ему грязный палец. Время?

Дин:

— Двенадцать ноль восемь.

Я:

— Пиши. Никаких подозрительных происшествий. Детектив Опоку продолжает наблюдение.

Наблюдать из засады — просто чума. Никто не догадывается, что за ним смотрят. К тому же в бинокль видны всякие мелочи, на которые обычно не обращаешь внимания. Клево так. У Иисуса на плече татушка — змея. Я раньше не замечал. Еще я приметил на крыше автобусной остановки детский трехколесный велик. Никогда бы не подумал.

Хорошо видно баскетбольную площадку но на ней никого. Мне почему-то сделалось грустно, что она такая пустая и заброшенная.

Но самое классное — это то, что я увидел голубиное гнездо. Птицы живут в окнах Цыганского дома, это большой старый дом, когда-то, еще до моего прибытия, тут был приют для сирот, но сгорел. Птички спят себе на подоконниках. Моего голубя среди них не было, зато его товарищи так и порхали туда-сюда. Наверное, доставляли обед женам и детишкам.

Голубь:

— Я дома! Пора обедать!

Голубята:

— М-м-м-м! Червячки, наши любимые!

Дин:

— Забудь ты про голубей! Сосредоточься, у нас важное задание. Или, может, протоколом зай-

мешься?

Я:

— О'кей, о'кей! Я сосредотачиваюсь!

Мы уставились на фургончик «Горячо и остро». Вечно он торчит напротив моей башни на той стороне улицы. Всякий, кто покупает их тухлятину, попадает под подозрение. Такая гадость только криминалам может нравиться.

Дин:

— Это прикрышка для наркодилеров. Они прячут товар в обертку или запихивают в гамбургеры. Я как-то спросил у них картошки, так чувак даже обслуживать меня не стал. Топай в «Макдоналдс», говорит.

Я:

— А у него был золотой зуб?

Дин:

— Нет, зато он курил. Попробуй закури за прилавком обжорки, муниципалитет твое заведение в два счета закроет. Опасно для здоровья клиентов. Тут точняк дело нечисто.

По ночам к фургончику съезжается гопота, врубает в своих машинах музыку и курит. Ехать за тридевять земель ради гнилого гамбургера! Я в эту тошниловку и пешком-то не пойду, даже если голод прихватит. Бинокль не дрогнул в моих

руках, я был весь внимание, только пригнулся, чтобы не выдать себя. Так мы проторчали черт-те сколько времени. У меня спина заболела, но я не двинулся с места. Мне даже понравилось. Все, как у настоящего детектива.

Дин:

— Ну как там?

Я:

— Пока никак. Подошел неизвестный белый мужчина, купил гамбургер, удалился. Никакого криминала.

Дин:

— Не дай обмануть себя! Сорви с них маску!

Я:

— Приказ понял. Будет исполнено!

Признаки возможного криминала:

Человек суетится, места себе найти не может.

Человек слишком быстро говорит.

Человек все время озирается, будто потерял что-то.

Человек слишком много курит.

Человек не контролирует себя, плачет.

Человек чешется.

Человек грызет ногти.

Человек плюется.

Человек сам не свой от внезапной ярости.

Человек пускает ветры (это значит, что пукает как чокнутый).

Человек в религиозном припадке.

Дин все это узнал из телевизора. То есть невиновный тоже может вести себя странно, ну, там, переминаться с ноги на ногу А ему всего-навсего нужно пойти поприветствовать вождя. Нас интересуют люди, которые проявляют сразу три таких признака или даже больше. «Три» — волшебное число.

Дин:

— А как тебе вот этот? Курит и вроде бы ногти грызет. Приблизь-ка.

Я повертел колесико бинокля.

— Нечего беспокоиться, это всего лишь Терри Шушера. Он вечно так курит.

Дин:

— Можешь за него поручиться? По-моему, он маскируется. У него совесть нечиста. Гляди в оба.

Я:

— Только два признака, и оба для него характерны. Он остановился прикурить. Думаю, он вне подозрений.

Дин:

— Уверен?

Я:

— Абсолютно. Он мой друг.

И тут Терри Шушера заметил меня. Наверное, Эшафотка приметила меня первая, натянула поводок, и Терри поглядел в мою сторону. Сложив ладони рупором, он во всю глотку крикнул.

Терри Шушера:

— Ништяк, Гарри!

Терри нравится вот так пугать народ, чтобы ты подпрыгнул от неожиданности. Считает, это забавно.

Дин:

— Мать твою, мы засыпались. Задание провалено. Блин.

Я:

— Прошу прощения, инспектор, виноват.

Дин:

— Не бери в голову. В следующий раз я на бинокле, о'кей?

Я:

— О'кей.

В следующий раз изменю свою внешность, чтобы гражданские не узнали. На рынке можно купить фальшивый нос и очки всего за фунт. Гражданские — это все, кто не криминалы и не полицейские.

Я:

— Может, его давно уже здесь нет. Если бы я кого-нибудь убил, смылся бы подальше, чтобы полиция не нашла.

Дин:

— Полиция наблюдает за аэропортами. Он, наверное, залег на дно и ждет, пока полиция перестанет суетиться. Убьют еще какого-нибудь мальчишку, и копы переключатся на другое дело. Тогда наш убийца выйдет из укрытия и заживет как ни в чем не бывало.

Я:

— Вот облом.

Дин:

— Ну да. Вот зачем нам нужны вещдоки. Надо действовать, приступить к сбору ДНК. Кровь, слюни, даже говно. Козявки из носа. Все, что выдает организм человека и что ты можешь незаметно позаимствовать. Если держать в холодильнике, не испортится. Понадобятся только пакетики под образцы, больше ничего.

Я:

— Погоди.

Достаю из кармана черносмородиновый «Чуит», запихиваю в рот, затем выковыриваю из носа самую шикарную козявку и кладу в пустую обертку Подходит идеально. Масса места, есть во

что завернуть, козявка в целости и сохранности.

Я:

— Отлично!

Швыряю завернутую козявку в Дина, тот уворачивается. Даю ему еще один «Чуит», Дин повторяет мои действия, выкапывает козявку, заворачивает и кидает в меня. Так и говно можно завернуть, если мелкими кусками. Вот только как его раздобыть незаметно? Честно говоря, и знать не хочу Пусть начальник полиции заплатит дополнительно за это!

Я:

— Что такое ДНК?

Дин:

— Это вроде отпечатков пальцев, только внутри организма. У всех твоих клеток есть клеймо, что они твои. У любых клеток, все равно, где они, в слюнях или хоть в говне. Это клеймо можно прочесть только при помощи микроскопа.

Я:

— И что это клеймо показывает?

Дин:

— Просто набор цветов. Цвета следуют в определенном порядке, который у каждого свой. Например, у моей ДНК может быть зеленый-синий-красный-зеленый, а у твоей — зеленый-си-

ний-зеленый-красный, только цветов не четыре, а миллион. И их порядок определяет, умный ты будешь или не очень, быстрый или не очень, какого цвета у тебя будут глаза, какие преступления ты совершишь. Ты еще даже родиться не успел, а в ДНК уже все записано.

Вот круто! Понятно, почему я такой быстрый, Господь заранее знал, чего я хочу, и в милости своей даровал мне способности. И вообще ДНК — великое изобретение. Хорошо бы увидеть свои цвета и разузнать, какие еще таланты у меня прорежутся в будущем. Вдруг к баскетболу. Я раскопал еще козявку и посмотрел на нее в бинокль, но ничего не увидел, краски слишком глубоко запрятаны.

Плохо, что убийца не увидел вовремя своих цветов и не понял, что зарежет паренька. Взял бы тогда и замазал один цвет другим. Поппи все время так делает. Накрасит ногти, а цвет ей не понравится. Все, красим по новой. Ей бы остановиться на конкретном оттенке, а то так и будет вечно красить ногти, времени не останется на то, чтобы любить меня!

* * *

Лидия влюбилась в «Самсунг Джет». Это мобильник такой. Только о нем и трещит. Надеется, тетя Соня подарит ей на день рождения. Даже молилась об этом в ванной. Я подождал, пока она выйдет.

Я:

— Говорю тебе. Нельзя молиться о мобиле.

Лидия:

— Не лезь! О чем хочу, о том молюсь!

Я:

— Сатанистка!

Лидия:

— Жополиз!

Вряд ли Лидия получит свой «Самсунг Джет», он сто монет стоит. А если получит, попрошу «Экс-Бокс». Иначе несправедливо будет. Тетя Соня любит нас одинаково.

Мне нравится подслушивать разговоры по мобильному. Треплются на каждом шагу: на прогулке, в очереди в кассу супермаркета, на скамейке в сквере. Удобнее всего подслушивать в автобусе: звонящему никуда не деться, и тебе все слышно. Какую только чушь люди не несут! Едем на автобусе в раковую лавку и прямо уши вянут.

А шофер сидит за пуленепробиваемым стеклом. Зверски круто. Пуля не возьмет, и собаки не покусают, если вдруг взбесятся.

Однажды мне попался дядька, который вел разговор про сыр. Я, мол, купил для вас сыр.

Дядька с телефоном:

— Сыр у меня. Каламбура у них не было, пришлось взять «Ври».

Чесслово, так и сказал! Ржачка. А одна девчонка расписывала, как проколола пупок, вставила кольцо и подхватила заразу.

Девчонка с телефоном:

— Да знаю, знаю, надо помыть. Я помыла. Соленой водой, да. А он все равно грязный. Гной течет из дырки. Пришлось кольцо вытащить, пока оно меня в могилу не свело. А рак пупка бывает?

Такая вот байда на ушах виснет! А мне все равно нравится, хоть мама и говорит, что все это — вздор. Только не показывай, что подслушиваешь, а то болтуны замолчат и все удовольствие пойдет насмарку.

Лидия:

— Я буду пользоваться им только в экстренных случаях. Фактически он для тебя, будешь всегда в курсе, где я в данный момент. Безопасность превыше всего!

Я:

— Врунья. Он ей нужен, чтобы с Микитой базарить о всяких пакостях.

Лидия:

— Еще чего!

Мама:

— Каких еще пакостях?

Лидия:

— Никаких!

Я:

— Как с парнями лижутся.

Мама:

— С какими еще парнями?

Тетя Соня:

— У Лидии есть кавалер!

Лидия:

— Нет! Врет он все!

Я:

— А как ты разбила нос?

У тети Сони на носу пластырь, а под глазом синяк всех цветов радуги. Будто на войне побывала. Ох и показал бы я тому, кто это сделал! Ножомпилой порезал бы, чтобы больнее было.

Мама:

— Да, как ты умудрилась? Рассказывай.

Тетя Соня:

— Сама, дура, виновата. Искала платье, полезла за чемоданом, а он на гардеробе сверху. Чемодан поехал, свалился и меня по носу. Прямо искры из глаз посыпались.

Лидия:

— Вот дебильство!

Мама:

— Надо быть осторожнее.

Тетя Соня:

— Знаю.

Тетя Соня примолкла, когда вернулся Джулиус, ходивший приветствовать вождя. Он усадил ее себе на колени, словно бэбика, и притворился, будто он — живые наручники. Так вцепился ей в руки, будто она вот-вот убежит. Ладони у него громадные, обе ее руки разом обхватит. Джулиус думал, мы все про Агнес разговариваем. У нее температура, но она не умрет, Господь этого не допустит, если мы все дадим обет вести праведную жизнь.

Джулиус:

— Если ей нужны лекарства, я достану самые лучшие. А не те, у которых срок годности истек. У меня друган живет в Легоне[15], один звонок — и

---

[15] Примечания: 15
Пригород Аккры, столицы Ганы.

все в порядке.

Мама:

— У нас все хорошо. Вы и так достаточно для нас сделали, благодарим.

Джулиус:

— Джулиус всегда хочет людей счастливыми сделать, верно?

Он мерзко хихикнул и оттянул на тете Соне колготки. Та чуть с кресла не свалилась. Из-под колготок показались трусы. Гадость какая.

Мама:

— Мне пора на работу. Идем на кухню, передам вам булочку к чаю.

— А я и не знал, что у нас остались булочки.

Мама:

— А последняя осталась. Завтра еще испеку.

Послышался скрип потайного ящика. Он один так скрипит. Никакой булочки там нет, только куча денег и шоколадка «Дэйри Милк». Я утром в него заглядывал. Ничего не взял.

Я:

— Когда подозреваемый вернулся с кухни, крошек у него на губах не было. Мой детективный нос чует крысу.

Все это я произнес про себя.

Джулиус обычно уносится как вихрь. А тетя

Соня бежит за ним, прямо собачонка. И лицо у нее какое-то окаменелое, будто нанюхалась вонького ветра из метро. Только пахнет Мастером Уговоров и тем вырви-глаз, что он пьет.

Мама:

— Не забудь: лифт сломан. Осторожнее на лестнице, а то еще упадешь.

Тетя Соня:

— Не волнуйся за меня, все хорошо. Какого цвета телефон ты хочешь?

Мама:

— Нет, Соня. Не нужно этого.

Лидия:

— Красного!

Тетя Соня:

— Посмотрю, что смогу сделать.

Лидия:

— Спасибо!

Я:

— Не наступи в лужу! Некоторые на лестнице писают.

Лидия:

— А Гарри в эти лужи плюет!

Мама:

— Это еще что такое?

Я:

— Вовсе нет! Богом клянусь, мам!

Джулиус:

— Давай живее!

Джулиус уже в самом конце коридора. Толкнул дверь — и нет его. А дверь чуть не стукнула тетю Соню по лицу. За один день два раза получить по носу — вот был бы мировой рекорд для невезучих! Я не смог снять отпечаток пальца со стакана Джулиуса, наверное, испарения «вырубона» разъели отпечатки. Я как-то нюхнул его стакан и ослеп на целый час.

* * *

Если Коннор Грин опять назовет Поппи «давалкой», воткну ему в ногу циркуль. Врет, что видел груди Поппи. И вообще груди всех девчонок из седьмого класса.

Коннор Грин:

— На плавании. Пустили меня в раздевалку, когда училки не было, и показали. И жопы тоже. Я их не просил, они сами захотели. Ты их попроси.

Я:

— Обязательно попрошу.

Коннор Грин:

— Не согласятся. Не захотят, чтобы ты понял, какие они все давалки.

Коннор Грин все врет. Не видел он грудей Поппи. Треплется только, хочет стать ее парнем. Как увидел, что мне написала Поппи, так у него прямо глаза кровью налились. Так что я знаю. Он сам бы не прочь получить такое.

П.М. + Х.О.
Е.С.В.Р.П.

Это значит, что я и Поппи принадлежим друг другу П.М. — значит Поппи Морган, а Х.О. — Харрисон Опоку Знак + показывает, что эти двое типа слагаемые. Вот что мне Поппи передала.

Поппи:

— Е.С.В.Р.П. — это Если Сотрешь Все Равно Правда.

То есть даже если уничтожить буквы, это ничего не изменит. В них — вечная истина.

Поппи написала это на своей парте. На уроке английского. Знаете, что такое «Типпекс»? Это специальная краска, чтобы замазывать ошибки. Белая, как бумага. Если ляпнул ошибку, замажь и исправь. Никто ничего не заметит. Очень клево. Было бы здорово, если бы замазка подходила не только к бумаге, а вообще ко всему на свете.

Поппи:

— А теперь ты напиши. Такими же большими

буквами, как и я.

Я:

— А если миссис Боннер увидит?

Поппи:

— Не увидит. Я папкой закрою.

Поппи прикрыла меня своей папкой, пока я писал. Этот «Типпекс» вдыхать нельзя, яд потому что, как и химический карандаш. Кисточка совсем крошечная, удобно писать, выходит мелко и аккуратно. А высохнет, фиг сотрешь. Клево. Хоть бы целый свет увидел. Только пока замазка не подсохла, надо помалкивать.

Х.О. + П.М.
Е.С.В.Р.П.

Что она написала, то и я, только поставил свои буквы впереди, Х.О. вместо П.М. До конца урока я прикрывал надпись пеналом, а когда уходил из кабинета, прочел еще раз. Зверски круто получилось. Сообщение особой важности. Поппи явно тоже так думала, улыбалась от уха до уха. Теперь любой, кто сядет за мою парту, узнает, что я и Поппи принадлежим друг другу И это уже не отменить. Типа поженились. Даже лучше, потому что обошлось без секса.

Когда женишься, вся семья, твои мама и папа и

ее мама и папа поджидают у дверей комнаты для секса. Муж и жена туда заходят и делают там это. А выйти могут только после того, как сделают. А как сделали, то становятся мужем и женой перед Господом и во веки веков. И тогда можно начинать праздновать. Но если из женской «тото» не выпрыгнет рыбка, значит, жена уже занималась этим с другим парнем. Выходит, она порченая, жениться на ней нельзя и следует вернуть обратно к ее родным. Это очень кстати, если девчонка уродина, но плохо, если она красотка и ты хочешь оставить ее у себя.

Коннор Грин:

— Я как-то смотрел видео, где женщина трахается с собакой. Думаю, это немецкая овчарка была. В твоей стране можно трахаться с собаками?

Я:

— Трахаться с любым животным — грех, все равно, собака это, цыпленок или червяк. За это Бог лишит тебя глаз.

Коннор Грин:

— А трахаться с малышней? Наверное, это еще хуже. Что Бог тебе сделает, если потрахаешься с малышней?

Я:

— Тогда Бог нашлет на тебя мерзкую болезнь. С

тебя облезет кожа, мозги закипят, глаза выскочат и покатятся по земле, а кишки вылезут через задницу.

Дин:

— Класс!

Одна малахольная девчонка боится всего на свете словно крольчонок, потому что дед ее трахает. Это Дин сказал. Она живет с дедушкой, и тот трахает ее с утра до вечера. Поэтому она ходит как-то криво и пугливая как кролик.

Я:

— А что она маме не расскажет?

Дин:

— Мама у нее умерла. Остались только девчонка и дед.

Я:

— В полицию бы сообщила.

Дин:

— Тогда деда заберут и ей негде будет жить.

Мне стало жалко малахольную.

«Пусть тогда живет со мной», — чуть было не сказал я, но вовремя прикусил язык. Еще подумают, что я в нее втрескался.

Коннор Грин:

— Некоторые трахают дырку в стене. Просверлят стену и суют свой хрен в дыру. В туалете.

Чесслово, не верю я в такое! Чокнуться можно. Ну кто может вообразить, что дырка в стене — это женщина! Правда, по другую сторону стены, может, леди сидит. Видит, из дырки шишка высунулась, и сразу целовать ее начинает.

Я:

— А зачем вообще стена?

Коннор Грин:

— Чтобы они друг друга не видели.

Я:

— Почему? Они уроды?

Коннор Грин:

— Ну да.

Я:

— Тогда зачем они трахаются друг с другом? Трахались бы со стеной.

Дин:

— Ну они же не хотят, чтобы люди подумали, что они извращенцы какие.

Поппи этому Коннору Грину и одной груди не показала бы. Она считает его полным дауном, а дауны девчонкам не нравятся. Думаю, Коннор Грин вообще никаких титек не видел. Спорим на миллион фунтов.

Некоторые мочатся на лестнице, за миллион миль можно унюхать. Надо ступать осторожно,

чтобы не вляпаться в лужу. Если прыгаешь в нормальную лужу, то просто дебил, а если скачешь по ссакам, — значит, сам ссыкло.

Если наступишь на иглу от шприца и она проткнет кожу, подцепишь СПИД. Надо уметь двигаться очень-очень быстро, но все время смотреть под ноги. Это очень трудно. Пусть это будет моим следующим супергеройским даром.

В лифте теперь не поездишь. Лично я больше в него не войду. А все Куряга Лил. Я слишком поздно ее заметил, дверь уже закрылась, а старуха торчала у меня за спиной. Пока ехали наверх, она не сводила с меня своих чокнутых белесых глаз. Убить меня хотела, точно. Она ведь считает, что это я в нее мячом попал.

А на самом деле не я, а Джордан. Примаячилось ей, что это я. Я по мячу даже не бил, только паса ждал.

Лифт остановился.

Куряга Лил:

— Мать-твою-блядь!

Все, думаю, конец мне. Хорошо, лифт опять поехал. Ложная тревога. А то она бы меня чуть когтем царапнула, и — готово дело, яд в организме. Лишился бы чувств, а она меня на куски и в пирог. Я уж хотел извиниться, да слова не

выговаривались. Паралич напал. Жохан такой. Нащупал в кармане зуб крокодила и помолился.

Лифт тащился и тащился. В животе у меня заледенело. Я чувствовал на себе взгляд голубых злющих глаз Куряги Лил. Оглянусь — плюнет мне в лицо ядовитой слюной и утащит к себе в берлогу Ужасно не хочется умирать.

Лифт опять встал.

Я:

— Мать-твою-блядь!

Богом клянусь, какое же это было облегчение, когда двери разъехались! Куряга Лил вышла. Я посмотрел ей вслед, вдруг оглянется, но она не повернула головы. Тут дверь закрылась, и я запустил дробь дятла. Воздал тем хвалу Господу и всем ангелам его. Конец был близок! С сегодняшнего дня ноги моей в лифте не будет! Только лестница, там хоть безопасно! А если бежать быстро, вонь за тобой не угонится.

Если диктор лондонских новостей делает серьезную рожу, значит, надо слушать. Тут все без обмана. Если сообщает про мертвого пацана, значит, ему тоже его жалко. Прямо видно, как диктор его любит. А твой долг слушать внимательно. Лидия тоже так думает. Даже попросила меня сделать погромче.

Диктор:

— Сегодня ровно четыре месяца со дня гибели возле ресторана быстрого питания еще одной жертвы поножовщины, эпидемией захлестнувшей столицу В страхе перед преступниками лица, обладающие ценной информацией, так и не обратились в полицию. Сегодня мы задаемся вопросом: что может разрушить стену молчания и развязать людям язык? Мы хотим услышать ваше мнение. Номера телефонов вы видите на своем экране.

Я:

— Надо назначить награду. Купить людям то, чего они хотят больше всего на свете. Тогда они заговорят. Например, новый велосипед или кучу фейерверков. А если любимая вещь у человека уже есть, он будет только рад и больше уже не пойдет убивать. Подумали бы об этом.

Лидия:

— И кто им все это купит?

Я:

— Королева. У нее куча денег. Они ей даже ни к чему, она ведь старая совсем.

Лидия:

— Так напиши королеве, попроси новый велосипед. Увидишь, что она скажет.

Я:

— И напишу. Отправлю мэйл. И попрошу, чтобы сменила лицо. Старое очень уж страшное.

Лидия:

— Хорош выделываться. Попроси лучше новые мозги для себя. Твои совсем размягчились.

Я:

— Или новый зад для тебя. Твой совсем растолстел. Как баобаб стал.

Лидия:

— А у тебя вместо башки типа толчок.

Я:

— А у тебя даже и не типа. Толчок и есть. И воняет какашками.

Я подождал, что Лидия на это скажет, но она смотрела на фото мертвого пацана в телевизоре. И лицо у нее такое грустное, будто они были знакомы. Я-то хоть немножко его знал, не то что она.

Я:

— Взасос не поцелуешь, он в могиле.

Лидия:

— Включи мозг! У меня и в мыслях такого не было. Ты такой отстой, ужас один!

Парню даже повезло. Один поцелуйчик Лидии — и все дурацкие микробы на свете, считай,

твои.

Интересно, а на что все-таки похожи небеса? Они что же, одни и те же для взрослых и для детей? Типа кто-то и там говорит тебе завязывать с футболом, а то уже совсем темно? Мертвый пацан умел обращаться с мячом, отдавать пас пяткой, чеканить до кучи времени, подавать угловые и даже играть головой. А есть на небесах собаки вроде Эшафотки, которые больше всего любят хватать мячик? Было бы прикольно. Надеюсь, на небесах все животные умеют говорить, там не надо ломать голову, что им приятно, а что нет. Конечно, по глазам можно угадать, но только у зверей побольше, не у голубей или мух. Они всегда такие грустные.

Диктор:

— Это все, что мы хотели вам сказать. Доброй ночи!

Я:

— Доброй ночи!

Я всегда отвечаю. А что такого? Надо быть вежливым.

Лидия:

— Он не к тебе обращается!

Я:

— Нет, ко мне. Прямо на меня смотрит.

Лидия:

— Но он же тебя не видит. Даже не знает, что ты здесь.

Я:

— Понимаю. Не дурак.

Вечно Лидия лезет! Ясно, что диктор меня не видит. Но он говорит со мной. По телефону ты тоже не видишь собеседника, и что? Все по справедливости. Я ответил на его любезные слова. Ничто не дается так дешево, как вежливость, говорит мама. Лидия все-таки тупица.

Я:

— Спасибо! Завтра увидимся!

* * *

Когда я был маленький, то гонялся за птицами, но сейчас нет. Попробуй их поймай. В руки дадутся разве что цыплята, но это слишком легкая добыча, не счетово.

У этого голубя только одна лапка. Он почти такой же милый, как мой. И ходит бойко, прыгает себе по краешку газона, червяков ищет.

Я:

— Ты потерял ногу в голубиных боях или кошка отгрызла? А может, ты такой родился? Не волнуйся, ты в безопасности, если появятся хулиганы, я

тебе непременно скажу, не дам тебя в обиду.

Голубь:

— .....

Знаю, Иисус сказал, я стою сотни воробьев, ну а если пересчитать на голубей? Пожалуй, цена нам будет одна. Голуби даже больше потянут, ведь они умеют летать, а я не умею. Одна лапка или две, все равно люблю их.

Там, где росло дерево, теперь трава. Когда дерево повалило ветром, рабочие выкорчевали его и засыпали яму землей. А сейчас на месте ямы трава, уже густая, земли почти не видно. Удивительное дело. Откуда она взялась? Траву никто не сажал, я не видел. Взяла и сама выросла, будто по волшебству.

Ну, семена мог принести дождь. Это все, что приходит мне в голову.

Сажусь на новую траву и слушаю, как ветер шумит в ветвях. Звук похож на море. Мне нравится, когда ветер звучит, будто прибой, это очень успокаивает. Иногда делаешься такой маленький внутри, усыхаешь, что ли. Хочется побыть у моря рядом с птицами.

Если Агнес умрет, я поменяюсь с ней местами. Пусть берет мою жизнь, а я возьму ее смерть. Я не против, ведь я уже пожил. А Агнес всего-то годик

с небольшим. Надеюсь, Бог мне позволит. Ну, попаду на небеса пораньше, ничего страшного. Я готов. Успеть бы только попробовать «Смесь Ужастиков». (Из всех конфет «Харибо» эти мне нравятся больше всего. Тут есть мармеладки в форме летучих мышей, пауков, привидений. Мама говорит, они богомерзкие, но она слишком близко принимает все к сердцу.)

Мама:

— Не глупи. Агнес не умрет, у нее всего-навсего температура.

Я:

— У сестры Мозеса Эйджимана тоже была температура. Померла.

Мама:

— Это совсем другое.

Лидия:

— Она померла, потому что ее мама обратилась к «джу-джу» знахарю. Это всем известно.

Все равно мне очень страшно. Всякий может умереть, даже маленький ребенок. Мертвый пацан никому ничего плохого не сделал, а его зарезали. Я видел кровь. Его кровь. Если это случилось с ним, может случиться с кем угодно. Ждал я, ждал, когда Агнес скажет мне «Привет», да так и не дождался. Посопела в трубку, и все,

совсем не то. И тихо, и торопливо, и хрипло.

Бабушка Ама:

— Она поправится. Бог не оставит ее.

Я:

— Где папа?

Бабушка Ама:

— Работает. Хочешь ему что-то передать?

Я:

— Скажи ему, чтобы захватил одеяло для Агнес, когда будете улетать. Одеяла в самолете колючие и электричеством бьют.

Бабушка Ама:

— Обязательно скажу. Не волнуйся.

Вешая трубку, я слышал, как Агнес дышит мне в ухо. Погромче бы. А то очень уж далеко. Даже не знаю, почему так: сначала помрешь с концами и только потом попадешь на небеса. Тут не помешала бы особая дверь, чтобы можно было ходить туда-сюда, вернуться когда захочешь, типа в отпуск. А то вечность — это уж очень долго, несправедливо как-то.

Акулы никогда не спят. Плыви или умри, но не смей заснуть даже на секундочку По-моему, я это вычитал в своих «Порождениях морских глубин», а может, мне приснилось. Сон у меня был черный-черный. Я упал в море, и это море

было Смертью, той самой, куда попадет Агнес. Все Внематочные и Нежеланные были там. Они плакали и толкали меня, когда я проплывал мимо. Я никого не мог взять с собой, у меня не было на это сил, плыл себе и плыл, будто акула, и слышал, как Агнес зовет меня.

Агнес:

— Гарри!

Но я не мог остановиться. Она была совсем одна, а я плыл дальше и надеялся только, что волна подхватит ее и вынесет на берег. Иначе ей не спастись.

Проснулся, а у меня ноги устали, наверное, брыкался во сне и барахтался. Надеюсь, мне удалось поднять большую волну Ей будет где разогнаться, путь неблизкий.

В Кокробите[16] на море папа учил меня плавать. Мы как раз отвезли в отель на берегу стулья, которые он сделал. Поначалу я боялся акул, но папа знал, как их отогнать, если подплывут слишком близко.

Папа:

— Надо всего-навсего стукнуть их по носу. У них очень нежные носы. Акула чихнет, зажмурится,

---

[16] Примечания: 16

Город неподалеку от столицы Ганы, где находится Академия африканской музыки и искусства (AAMAL).

а ты тем временем уже далеко.

Папа придерживал меня за живот, а я молотил по воде ногами. Плевое дело. Мне нравилось поднимать волны, они нам типа не давали разлучиться. Казалось, я вот-вот уплыву далеко, но папа подхватывал меня, поворачивал к себе, и я снова был в безопасности. Море оказалось очень большим, в голове не умещалось. Смотришь вдаль и не понимаешь даже, где начало, а где конец. Один из рыбаков то и дело прыгал в море и тоже поднимал волну, и она смешивалась с нашей волной, они не разбегались, как можно было подумать, а смыкались, словно пальцы в сплетенных ладонях. Волны накрывали друг друга, и море становилось таким, как прежде, ровным и гладким. Очень умно. Волны подталкивают вас друг к другу, чтобы вы не потерялись. И остается лишь держать курс и молотить по воде изо всех сил.

Я проснулся слишком резко и тебя не увидел. Еще не открыв глаза, я почувствовал: ты за окном, но стоило мне разжмуриться, как ты уже далеко-далеко! В следующий раз не улетай, мне хочется поговорить с тобой. Расспросить, есть ли действительно небеса.

Голубь: Есть.

Я:

— А мертвый пацан там? Так и знал! А Агнес, она поправится? Не хочу, чтобы она умерла тоже. Смерть ей не понравится, ей одной будет очень страшно.

Голубь: Она поправится. Мы не оставим ее в одну, обещаю.

Я:

— А откуда мне знать, что ты говоришь правду? Что, если ты только у меня в голове?

Голубь: А в животе у себя ты меня не ощущаешь?

Я:

— Бывает. Если налопаюсь до отвала. Или когда слишком многого хочу.

Голубь: Нет это я, Верь мне, Гарри, я не лгу тебе. Спи снова.

Я:

— А давай ты мне приснишься, и мы улетим куда-нибудь вместе, словно я — один из вас? Хочу наделать на голову какому-нибудь плохому человеку, круто будет!

Голубь: Посмотрим, что можно будет сделать. А сейчас закрывай глаза.

* * *

Брейден Кэмпбелл чихает как мышь. Думаешь, что сейчас этот громила даст череду залпов, а выходит один-единственный писклявый чих. Еле слышно. Совсем не похоже на залп. Чесслово, ухохочешься.

Коннор Грин:

— Ну будто оргазм у мышонка!

Только смеяться нельзя, иначе Брейден устроит тебе ад на земле. Оргазм — это мышкин чих. На сегодня это мое любимое слово.

Брейден Кэмпбелл:

— Апчхи!

Я:

— Оргазм!

Брейден Кэмпбелл:

— Отвали!

Брейден Кэмпбелл в седьмом классе самый крутой. Его никто еще никогда не побил. Он здоровенный, но быстрый. У него есть особый прием — захват головы. Это когда он зажимает твою голову под мышкой, и ты не можешь видеть и дышать. А как он бьет! Другие только машут руками, воздух месят, но если Брейден Кэмпбелл стукнет — второй раз не захочется. Видел соб-

ственными глазами. Как трахнет Росса Келли по затылку у того изо рта аж слюни вылетели. Чокнуться можно. Брейден Кэмпбелл вырубит тебя одним ударом.

Чевон Браун второй по крутости. Он поменьше Брейдена будет, но, пожалуй, побыстрее. И он ничего не боится. Лупит куда попало, по животу, по яйцам. Ему плевать, убьет он тебя или нет.

Кайл Барнс вечно исподтишка толкается. Плевать, куда ты отлетишь, в стену, в кусты или куда похуже. Затаится и — раз! Настоящее трусло. На него есть только один способ — держаться подальше. Тогда он не сможет тебя пихнуть, а больше он ничего не умеет. С ним я готов потягаться. Я для него чересчур быстрый. Ему до меня не добраться.

Кайл Барнс:

— А ну двигай сюда, кисуля!

Я:

— Извини! Мне и тут хорошо!

А я круче Гидеона Холла. Он в другой половине седьмого класса. Все говорят, что он крутой, но это все из-за его компании. Сам по себе он слабак. Одно время Гидеон Холл мне проходу не давал. А я как-то на бегу локоть выставил, так Гидеон чуть не свалился. Даже не погнался за мной. Какая уж

тут крутизна.

Латрель побил парня из девятого класса. Я его не видел, только слышал о нем.

Руку ему что ли, сломал. Даже полиция приезжала.

Все вокруг:

— Как навалится, рука и треснула. Чума! Кость наружу торчит, все такое. Этот парень больше не сможет играть в баскетбол. И руку над головой поднять не сможет, и вообще рука останется кривая.

Бретт Шоукросс моментально выходит из себя и забывает, как надо драться. Носится по кругу и без толку кулаками машет. Но пока его не разозлишь, он очень даже крутой: ударит расчетливо, подножку подставит. А как взбеленится, так сразу придурком становится. Тогда можешь считать себя в безопасности, он тебя даже не стукнет как следует. Глаза нальются кровью, и он потеряет сразу и зрение, и разум.

У Дина есть секретный приемчик — апперкот. Это когда бьешь в подбородок снизу вверх. Он его просто так не применяет, только в исключительных обстоятельствах.

Дин:

— Это очень опасный удар. Можно мозг повредить. Я им пользуюсь, только если нет выбора.

А у меня нет никакого особого приема. У меня лучше выходит защита, чем нападение. В седьмом классе я — один из самых крутых, номер четыре или даже три. Я очень быстрый. Коннор Грин как-то попробовал дать мне в ухо, а я ему ответил блокировкой тэквондо. Сработало! Все вокруг видели и теперь думают, что я знаю тэквондо. Поэтому ко мне никто не лезет, бесполезно, я ведь применю блокировку или смоюсь.

В обед был махач. Зачетный, я такого еще не видел. Думал, это понарошку, так, для смеху, пока не увидел выдранные волосы. Я и представить себе не мог, чтобы девчонки так зверски дрались. Месили друг друга Микита и Шанель. Никто не знал, чего это они, мы просто стояли и смотрели. Крутняк! Микита со всего маху шарахнула Шанель по башке, ничего себе ударчик, мужику под стать. Шанель в ответ вцепилась Миките в волосы. Та завыла как полоумная ведьма. Шанель — та помалкивала. Экономила силы. Лицо словно нарумяненное, глаза мечут молнии. Себя не помнит, сразу видно.

Микита:

— Уродка траханая! Что за дерьмо несла!

А Микита ухватила Шанель за волосы и вырвала клок. Волосы полетели во все стороны. Послышался визг: на кого-то попало. Вот гадость-то.

Все собрались в круг и смотрели, как девчонки мочат друг друга. Друзья Микиты болели за нее, подбадривали, призывали убить на фиг Шанель. За Шанель никто не болел. Мне стало ее жалко, это несправедливо, когда поддерживают кого-то одного.

А Шанель припасла бомбу. Сжалась как пружина и боднула Микиту в живот. Та полетела спиной вперед, чуть не повалила зрителей, но ее моментально подхватили и выпихнули на середину круга. Всем хотелось, чтобы битва продолжалась до чьей-то смерти. Микита ударила, целясь в глаза Шанель, но ничего не вышло: та вовремя зажмурилась. Тогда Микита вцепилась Шанель в ухо и дернула. Шанель как завизжит.

Шанель:

— Сережки!

Микита выпустила ухо и провела захват головы. Получилось. Шанель осталось только лягаться. Она попробовала было оттоптать Миките ноги, но все время промахивалась, наверное, вслепую действовала. Я подумал, что эти дуры

сейчас точно поубивают друг друга, уже было не смешно, весь кайф пропал, хотелось их остановить. Но все орали как чокнутые.

Все вокруг:

— Убей ее! Убей ее!

Без Лощины и тут не обошлось. Стояли, гоготали, орали. Шиззи снимал драку на свой мобильник.

Шиззи:

— Так ее! Сдохни, стерва!

Убейца не смеялся. Стоял с каменным лицом. Наверное, волновался за Микиту, желал ей победы. А потом и вовсе плюнул и усвистел в кафе.

З-Омби:

— Ты куда это? Сам замутил, а теперь в кусты.

Убейца:

— Иди нах. Ничего я не мутил.

У Шанель джинсы сползли, сопли летели во все стороны. Девчонки крутились на месте, и мне стало казаться, что эта вертушка уже навсегда. Микита пихала Шанель поближе к окну кафе, и все вокруг понимали, какой у нее план.

Шиззи:

— В стекло ее, в стекло!

Микита так и собиралась. Правда, Шанель упиралась изо всех сил, скребла ногами по зем-

ле. Типа жертвенного козла волокли на… как его? — заклание. Козел знает, что сейчас умрет, и сопротивляется. Шанель старалась, Микита тоже.

Микита:

— Добилась?! Дотрындела? Сука!

Я хотел закрыть глаза и не смог. Очень уж круто. В толпе зрителей с другой стороны заметил Лидию. Она не знала, кого поддерживать, Микиту или Шанель, болела за обеих сразу. Лицо у нее было серьезное и испуганное.

И тут появились учителя, прорвались в круг и растащили девчонок. Сразу стало тихо. Всех вокруг охватило разочарование: до убийства дело так и не дошло. Толпа быстренько рассосалась.

На земле среди соплей обрывком мерзкой паутины валялся клок волос Шанель. И еще ноготь. Кто-то наступил на него и вдавил в землю, я даже пискнуть не успел. А то бы приобщил к вещдокам. Весь день я не мог сосредоточиться, да и все прочие переживали, словно кино прокручивали в голове отдельные куски драки, что поразили больше всего. Ну и битва была! С одной стороны, не верилось, что она произошла на самом деле, а с другой — что никого не убили. А жалко, казалось — вот-вот ненавистную гадину кокнут, ты будто

растворялся от предвкушения.

Все бильярдные шары в молодежном клубе щербатые и даже не катятся куда надо. Их швыряют как попало, хоть это и запрещено. А у некоторых киев наконечник обломан. Прямой удар не получается, шар вихляется и крутится. Такая досада. От столов несет гнилью, сукно прожжено сигаретами. Лизнешь — подцепишь миллион микробов. Даже у Натана Бойда не хватило бы смелости лизнуть.

Сперва вошла Лидия, посмотреть, вдруг З-Омби тут, осторожно выглянула из-за угла. Я скрестил пальцы (это быстрее, чем читать молитву, если ситуация прижмет).

Я:

— Чисто?

Лидия:

— Да! Входи, не то весь вечер тут проторчим!

Это наш единственный шанс. З-Омби считает, что стол — его собственность, никому близко не подойти, когда он играет. Это если Дерека нет. Дерек даже здоровее З-Омби и знает тэквондо. Он научил меня паре приемов. Я умею блокировать атаку сверху и атаку снизу. Это нетрудно. А приемам нападения Дерек меня не стал учить, чтобы я не вздумал опробовать их на Лидии. Он

со всеми так, у кого есть сестры, — учит только оборонительным приемам.

Мы поиграли, пока поганые шары окончательно нас не задрали. Лидия даже не старалась. Нарочно загнала белый шар в лузу — показать, что проиграла.

Лидия:

— Игре конец. Ты выиграл.

Я:

— Хо! Это ты специально поддавки устроила!

Лидия:

— Что хочу, то и делаю. Игра все равно дурацкая.

Играть не умеет, вот и строит из себя. Но поддаваться-то зачем? Мама говорит, поддаваться — это грех, все равно что лгать. Даже хуже, потому что врешь самому себе.

Мы вышли на улицу, и я посмотрел в бинокль, вдруг враги рядом и не дремлют. Микита с Убейцей сидели на ограде. Она курила толстенную сигарету, а Убейца запустил руку ей в трусы. Гадость какая. Меня затошнило.

Микита:

— Приветик, сочный.

Я:

— Отвянь.

Микита:

— Хламидия, вмажешь?

И протягивает Лидии окурок. Дым воняет потом. У меня сердце заколотилось.

Лидия:

— Нет, спасибо.

Микита:

— Хорошая девочка, блин. Соображает, когда надо промолчать, не то что Шанель. Нужно было укантовать эту сучку. Знает она что-то, скажите пожалуйста! Ни хера она не знает, понты одни. Повзрослеть пора.

На ладонях у Микиты темнели пятна от зажигалки. Вот это понты так понты, куда там ожогам тети Сони. Но у тети Сони хоть серьезная причина, а Миките наставил отметин Убейца, только чтобы понравиться. Мне даже стало его жалко. Я вот не подпаливал Поппи, а понравился. Заставил ее смеяться, и все. Подсказал бы ему кто, что рассмешить девчонку — способ куда надежнее.

Убейца:

— Кончай пялиться, пока я тебе эту хер-ню не расколотил.

Ну и дурацкий же вид у его губ в бинокль. Огромные такие, шлепаются друг о друга, вылитый мультяшка. Совсем не страшно. Убейца

вообще не очень крутой. Даже свое прозвище не умеет произнести как следует. По правде надо говорить «Убийца». Глаза у него были мрачные, в них все время дым попадал. Еще как щиплет, я-то в курсе.

Убейца:

— Слышь, мелкий, скинься в тюбик. Вали отсюда, пока цел.

Вскочил, глаза налились кровью. Я быстро повернулся к нему спиной и принялся рассматривать центр «Юбилей». Тени грубых слов все еще виднелись на стенах: «иди на х...», «пососи мои яйца». Я не заметил, как Убейца подкрался ко мне, у меня и в мыслях не было. Схватил меня сзади за руки, сжал, бинокль полетел на землю. Убейца пнул его, бинокль ударился о стену и разлетелся на миллион кусочков.

Убейца:

— Не въехал, мать твою? Довыеживаешься.

Тут появился Дерек.

Дерек:

— Что происходит?

Убейца тут же отвалил. Микита засеменила вслед за ним по переулку, ее большой жирный зад колыхался, мышцы перекатывались под кожей, словно бешеные мыши в мешке.

Я:

— Ты заплатишь за бинокль! Скажу полицейским, что это ты его разбил!

Все, теперь не склеить. Без бинокля я снова гражданский.

Лидия:

— Я тебе другой куплю.

Я:

— Такого не купишь. Я на карнавале его выиграл.

Лидия:

— А что это он типа в камуфляже? Я:

— Мне нравится камуфляж. Проще спрятаться.

Лидия:

— А ты не прячься.

Я:

— Не могу. Надо выполнить задание. Лидия:

— Пошли домой, поздно уже.

Признаки возможного криминала:

Человек суетится, места себе найти не может.

Человек слишком быстро говорит. Человек все время озирается, будто потерял что-то. ✓

Человек слишком много курит. ✓

Человек не контролирует себя, плачет.

Человек чешется.

Человек грызет ногти.

Человек плюется. ✓

Человек сам не свой от внезапной ярости. ✓

Человек пускает ветры (это значит, что пукает как чокнутый).

Человек в религиозном припадке.

Я записал в протокол для Дина: «Детектив Опоку заметил у подозреваемого по кличке „Убейца“ четыре признака возможного криминала. Подозреваемый чинил препятствия детективу Опоку. Детектив Опоку считает его подозреваемым номер один. Следует опасаться сообщницы подозреваемого Микиты Синклер (она же Жирные Руки, она же Микита Говноедка), стервы, не склонной к сотрудничеству. Приближаться с осторожностью. Конец связи».

У преступников бывает по нескольку имен, что я и указал.

* * *

Все леди очень озабочены, вдруг им негде будет брать мясо.

Одна леди:

— Где же я теперь мясо куплю? Всегда брала только у Ниша.

Другая леди:

— У него мясо самое лучшее. А у мясника жесткое и заветрившееся.

Первая леди:

— Я в курсе. Что нам теперь делать? А что тут сделаешь? Ниша арестовали.

Он дергался и вопил, будто у него внутри чужой поселился. Полицейские его тащат, а Ниш цепляется за свою будку на колесах. Пришлось полисменам ему пальцы разжимать. Слышно было, как косточки хрустят. Чесслово, слишком жестоко это.

Часовщик:

— Оставьте его в покое! Сволочи! Фруктовый человек:

— Наконец-то! Давно пора! Отправьте его домой!

Прямо жуть. Несправедливо. Его товаром даже никто не отравился. Я хотел ему помочь, но дорогу заступили полицейские. Возьмут еще и брызнут кислотой в лицо!

Жена Ниша упала. Ее полицейский толкнул, я сам видел. У нее даже туфля с ноги свалилась, я подобрал и протянул ей. Жена Ниша плакала. Ногти у нее покрашены красным лаком, очень красиво и клево. Губы тоже красные. Повсюду валялось мясо, люди его потихоньку растаскивали.

Поубивал бы их на месте.

Нодди:

— А ну положи обратно, ты, ворюга!

Придурок:

— Пошел нах, лысый!

Набежали еще полицейские и разогнали воров. Заперли будку Ниша, чтобы никто не залез внутрь, и забрали Ниша с женой. Наручники на них надели. Ниш с женой теперь плакали на пару. У меня в животе похолодело. Ниш — пакистанец, я видел флаг у него на фургончике, звезду и полумесяц, мой второй любимый флаг после ганского.

Звезда на флагах — это символ свободы. Лучи у нее расходятся в разных направлениях, значит, можешь отправляться, куда захочешь. За это я и люблю звезды.

Я:

— Они кого-нибудь отравили?

Нодди:

— Да нет, никого.

Я:

— За что их забрали? Не понимаю.

Лидия:

— Включи мозг. Совсем жизни не знаешь.

Нодди:

— Они потеряли свое разрешение, вот и все.

Я:

— Какое разрешение?

Мама Дина:

— А я и не знала, что они не в ладах с законом. У мясника фарш просто дрянь. Жир сплошной.

Нодди:

— Наверное, кончилось их везение. Три фунта, любезная. Купите еще, сделаю скидку. Три пары за четыре фунта.

Мама Дина:

— Валяйте.

Мама Дина покупала носки. На упаковке разные спортсмены: теннисист, футболист, велосипедист. У меня у самого такие. Спорю на миллион фунтов, покупает их для Дина.

Я:

— А что с ними теперь будет, отправят на родину? А в Пакистане рынок есть?

Лидия:

— Конечно, есть, болван какой. Рынок везде есть.

Я:

— А подземные поезда там есть?

Нодди:

— Не слыхал.

Надеюсь, есть. Надеюсь, в Пакистане так же замечательно, как здесь. Если меня отправят домой, больше всего буду скучать по метро. И по своим друзьям. Поппи любит, когда я разгоняю для нее облака. Уставлюсь на тучку, раз-два — и вот уже из-за нее выглядывает солнышко. Только Поппи не верит, что это я, считает, ветер. А мне все-таки кажется, что я.

Я:

— А про какое разрешение они говорили? У нас оно есть?

Лидия:

— Он имел в виду визу. Назвал ее разрешением, потому что дурак. Ой, забыла, это же ты у нас дурак.

Я:

— Это виза вроде тех, которыми Джулиус торгует? Я как-то слышал, он по телефону говорил: могу уступить визу за пятьсот. Почему Нишу не купить, остался бы здесь.

Лидия:

— Они вообще-то не продаются. Те, что у Джулиуса, плохие.

Я:

— А что с ними не так?

Лидия:

— Недействительные. Подделка. Забудь про Джулиуса. Он жулье. Купишь у него цыпленка, так тот по пути домой опять в яйцо превратится.

Я:

— А у нас виза хорошая?

Лидия:

— Да.

Я:

— Уверена?

Лидия:

— Да, уверена! Отстань!

Надеюсь, наша виза работает. Если нас будут высылать, стану невидимкой, проскользну полицейским за спину, вытащу у них аэрозоль с кислотой и буду брызгать, пока они не расплавятся. Жалко, мне это раньше в голову не пришло, пока не взялись за Нишеву жену.

Обязательно спрошу у Дина, как ему новые носки. На мой взгляд, шикарные. На его, наверное, тоже.

Коннор Грин говорит, что на самом деле мистера Стейнса звать Моряк, потому что он служил в военном флоте. Что-то не верится. Мистер Стейне слишком толстый для флота, он моментально пойдет ко дну. Я теперь могу разговаривать по-французски, не заглядывая в учебник. Мистер

Стейне говорит, у меня хорошее произношение. Я пока знаю только один разговор. Встречаешься в первый раз с человеком и рассказываешь ему о себе.

Я:

— Je m'appelle Harrison Opoku. J'ai onze ans. J'habite a Londres. J'ai deux soeurs. J'aime football.

Знаешь, что это значит? Меня зовут Харрисон Опоку. Мне одиннадцать лет. Я живу в Лондоне. У меня две сестры. Я люблю футбол.

Когда произносишь вслух, выходит прикольнее. Написанное как-то не так.

Кто приехал во Францию, первым делом лезет на Эйфелеву башню, набирает побольше слюны и со всего маху плюет вниз. Все так думают. Один Коннор Грин не согласен. Он считает, что лучше пописать вниз.

Коннор Грин:

— А люди внизу бросились бы ловить во что-нибудь струю. Ведь французы пьют мочу. Считают, дольше проживут. Тупые придурки.

Первую пробу слюны я решил взять у Джордана, он обожает плеваться и с ходу должен был согласиться.

Джордан:

— Плевать вот сюда? Да пошел ты!

Я:

— Здесь все чисто.

Джордан:

— Ну и что? Зачем тебе моя слюна, что ты с ней будешь делать?

Я прикусил губу, чтобы скрыть улыбку. Для благой цели можно и соврать.

Я:

— Это мой проект по естествознанию, хочу проверить, как микробы выживают в слюне. Возьму кучу проб слюны, посажу в нее бактерий, и чем быстрее микробы погибнут, тем слюна лучше. Значит, в ней содержится вещество, которое их убивает, лечит болезни. Кучу денег можно заработать.

Джордан:

— Насрать мне на болезни, если кто заболел, пусть подыхает. Отсохни.

Пришлось выбросить бутылку в корзину и сделать кое-какие выводы. Никто не желает сотрудничать со следствием. Складывается впечатление, что у всех совесть нечиста, кроме разве меня. От этого так одиноко. У меня даже верного пистолета нет, я еще всерьез не задумывался над этим. Пожалуй, надо купить крутую водяную пушку, на рынке продается. Струя летит далеко.

Только надо попросить разрешения у того, кого собираешься облить, чтобы не вышло драки. Летом куплю обязательно.

У Джордана любимый пистолет — «глок».

Джордан:

— Он есть у самых крутых гангстеров. Видел когда?

Я:

— Нет. А какой он?

Джордан:

— Он самый продвинутый, самый мощный. Выстрел из «глока» тебе башку снесет. Стреляет пулями «дум-дум».

Я:

— Что еще за «дум-дум»?

Джордан:

— Это особые пули, пробивают стены и любые преграды. Смертельное оружие. Появятся деньги, куплю в первую очередь.

Я:

— Я тоже.

Джордан:

— «Глок» — мой, не твой. Ты и не знал про него ничего, пока я тебе не сказал.

Я:

— Все равно мне нравится.

Джордан:

— Мне больше. Я от него прямо торчу.

Мы ждали автобуса. На остановке напротив наших домов. Спрячешься под крышу, и тебя никто не видит. Когда автобус подъедет, неожиданно выскакиваешь. Никто и ахнуть не успеет.

Попал в автобус — десять очков. Попал в окно — пятьдесят очков. Попал в лобовое стекло, за которым водитель сидит, — сто очков. А разбил — так целая тысяча.

Если пробил шину и автобус угодил в аварию, миллион очков. Только ни у кого пока не получалось. Практически невозможно.

Джордан лучше кидает, дальше, сильнее. Все потому, что по условиям игры у меня камни самые мелкие и корявые. Форма у них совсем не аэродинамическая. Угловатые, они плохо летят. То есть воздух их плохо обтекает.

Джордан реально видел «глок». Даже в руках держал. Ему Лощина поручила закопать пистолет.

Джордан:

— Все оружие у них в землю зарыто. Понадобится — откопают. Пушек у них немерено.

Я:

— А почему дома не держат?

Джордан:

— Дебил? А если полиция найдет?

Я:

— А ты стрелял из него?

Джордан:

— Нет, он был незаряженный. Патроны следует держать отдельно, это правило. Но механизм был в порядке, я проверял. Потянул за спуск, и все такое. Чума.

Чесслово, Джордан и вправду обожает эту пушку. Глаза у него сделались большие-большие. Он сказал, пистолет безопаснее всего закопать в чьем-нибудь садике, куда посторонние не ходят, а не в сквере, например. А то как бы его кто-нибудь не нашел и не унес. Ты не знаешь хозяина сада, а он не знает тебя. Какой-нибудь старичок, который тут вовсе ни при чем. Его и спрашивать не надо, пусть спит спокойно. Если начнут допытываться насчет оружия, он честно слыхом не слыхивал. Так оно надежнее.

Джордан:

— Закапывать лучше всего ночью, и чтобы фонарей рядом не было. Ямку рой неглубокую, запомни место, цветок или камень будут в самый раз, чтобы пометить. Не тяни время, а то спалишься, заметит кто-нибудь. Тогда тебя свои

же и пришьют. Я всего два раза прятал оружие.

Посадить в землю пистолет — это зверски круто! Если сеешь семена, из них вырастают растения. А из пушки что вырастет? Я представил, что мой пистолет дал всходы, на кусте выросла куча детских пистолетиков и я продаю их на рынке.

Я:

— Налетай! Детские пушки! Два фунта за штуку! Прямо с грядки!

Прикольно. Прямо жуть. Никогда раньше о таком не слыхал, Господом Вседержителем клянусь.

Оружие должно быть более-менее под рукой, не прячь далеко, мало ли что. Война там или гоп-стоп. С пистолетом легко пойдет.

Джордан:

— Увидят пушку — и лапы вверх, бери что хочешь. Легко!

Даже и стрелять не надо, прицелился — и все. Пистолет здорово облегчает жизнь.

Джордан:

— Вот бы застрелить кого. Прямо в рожу выпалю. Чтобы башка разлетелась на кусочки, глаза выскочили и мозги разбрызгались… Автобус!

При виде автобуса мы изготовились. Я сжал в каждой руке по камню. Вот сейчас Джордан крикнет, и брошу. Сердце у меня колотилось. Я целился в боковые окна, Джордан — в лобовое стекло. Пока все камни не израсходовал, убегать нельзя. Я ждал. Автобус замедлил ход.

Мне надо было разбить стекло, получить тысячу очков.

Джордан:

— Давай!

Мы выпрыгнули из укрытия. Джордан первым бросил камень и угодил в лобовое стекло, но оно не разбилось. Я даже не целился, только размахнулся со всей силы. Первый мой камень не попал, второй ударил автобус в бок и отскочил. Выходящие из автобуса люди даже не пытались нас остановить.

Джордан:

— Мудилы!

Джордан метнул второй камень и чуть не попал какому-то дядьке в голову. Камень шмякнулся в самый край лобового стекла. Глаза у водителя потемнели. Вот сейчас выйдет из себя. В смысле — из кожи выскочит. Зверски круто. И тут меня пробрала дрожь. Из автобуса вышла мама. Она не сводила с меня глаз. Вот уж вляпался. Непруха

какая.

Джордан:

— Ноги!

Мы бросились наутек. Я до того перепугался, что не мог заставить себя обернуться.

Меня затошнило. Бежали мы до самого подземного перехода. Еле отдышались.

Джордан:

— Все мои попали. Один в середину стекла, второй в край, парочка в бок. А как там твои?

Я:

— Не знаю. Кажется, один в бок, и все.

Джордан:

— Ты обосрался! Я выиграл!

Я:

— Мои камни корявые и плохо летят, в этом все дело.

Мне уже было все равно. Не нужны мне эти очки! Мы прошли по переходу. У того конца нас дожидалась мама. У меня опять похолодело в животе. Все кончено!

Мама:

— Хо! Чем это ты таким занимался? Я глазам своим не поверила. Что скажешь?

Я:

— Прости, мама.

Мама:

— Какой же ты глупец! Живо домой!

Мама подтолкнула меня. Джордан захохотал. Мне хотелось умереть.

Мама:

— Держись подальше от этого парня.

Я:

— Это вышло случайно. Мы просто играли рядом с остановкой.

Мама:

— Нет, вы только подумайте. Увижу этого парня с тобой еще раз, ты у меня живьем поджаришься!

Мама пихнула меня к двери нашей башни. Я обернулся, и в лицо мне полетел плевок. Прямо в глаз.

Джордан:

— Вот тебе проба слюны, кишкарь!

И показал мне и маме грязный палец. Я быстренько вытер глаз, пока микробы не просочились в мозг. Теперь мы с Джорданом кровные враги. Очень быстро все получилось.

Я:

— Иди на хуй!

Сам не знаю, кому я это сказал, Джордану или маме. Мне было все равно. Слова вылетели сухие

и такие острые, будто ножи.

Мама:

— Что?! Ну я из тебя дурь выбью!

И как мне врежет. В ушах загремело. Прямо день рождения бога неба.

Мама:

— Чтобы я больше такого не слышала! Надо же! Где твой ум, Харрисон! Подумай над тем, что натворил!

Я хорошо понимал, что натворил: все разрушил. Своими собственными руками. Все кончено. Никуда не денешься. Я сошел с пути истины, и теперь Бог покарает нас. Наверное, начнет с того, что убьет Агнес, просто чтобы преподать мне урок. У меня прямо дыхание отшибло. Вот и потренируюсь, каково приходится покойникам. Я нарочно еще задержал дыхание, но что-то уж слишком круто получилось. В голове помутилось. Пришлось опять начать дышать. Пусть у меня в гробу будут просверлены дырочки, и побольше. Так оно пойдет легче. Понаделать в ящике иллюминаторы, будто в самолете, и все.

* * *

Твои суеверия веселят меня, они постоянно сквозят в том, как ты нажимаешь кнопки, как

рассыпаешь соль. Ты считаешь, если переодеть смерть, исполнить ритуал, она перекинется на твою сторону. Это так умиляет. Ты считаешь, смерть можно отвлечь, если поднатужиться, пойти по стопам предков и пустить пыль в глаза. Не кидайся камнями, мы ведь не лезем из кожи вон, не выделываемся. Все естественно: я надуваю горло, кланяюсь, взмахиваю хвостом, и она попадает под мои чары. Видишь этот раскрас, эту сильную грудь? Наши дети будут победителями, их не коснутся все эти бациллы и вирусы, что губили твоих предков. Так-то. Вложи свой клюв в мой, хотя бы на несколько секунд. Бинго!

Столько стараться ради скудной награды, даже не знаю, что вы испытываете по этому поводу. Я в долгу перед мальчиком, в долгу перед всеми вами, я вступил в низкопробный заговор против разномастных песчинок, скользящих в часах. И потому я кидаюсь в борьбу. Цель ее — заходящее солнце.

Дул легкий ветерок. Дождь совсем закончился, показались звезды. Я вышел на балкон. Надо постараться припомнить, каким был мир, пока Агнес еще не родилась. Звезда — это свет из далекого прошлого, даже «Гугл» подтверждает: смотришь на звезду — глядишь на миллион лет

назад. Миллион мне ни к чему, мне бы годика два. Выбрал звезду посимпатичнее и попросил показать мне. Если почувствую, в чем заключалась разница, то, может быть, пойму, что именно поломалось и как этот кусочек восстановить. Так я спасу нас. Всей своей кровью я попросил звезду. Смотрел, не мигая, чтобы ничего не прервалось и не пришлось начинать заново.

Когда накрылось электричество, вот было здорово! На улице темным-темно. Я, папа и Патрик Кюффур допоздна ездили по городу на пикапе и наполняли всем лампы керосином. Каждый хотел пригласить нас к себе, но мы не могли задерживаться, а то никуда бы не успели. Мы с Патриком тряслись в кузове пикапа, будто солдаты, едущие на важное задание.

Патрик Кюффур:

— Следи за деревьями, на них могут прятаться снайперы. Смотри в оба. Мы обязаны выполнить задание, а то потом не расплатимся.

Опрос населения вели мы с Патриком: сначала спросим, не нужен ли, мол, керосин, а потом папа нальет из канистры. Весь народ высыпал на улицу. Никому не хотелось спать. И неожиданно получился большой праздник. Эта мысль, хоть и не сразу, пришла в голову абсолютно всем.

Аварии с электричеством всегда превращаются в праздник. Так здорово.

Все повесили свои керосиновые лампы на окнах, на крышах, на заборах. Будто звезды упали на землю, а мы их вновь зажгли. Радостные люди танцевали прямо на дороге. Я сообщил Агнес благую весть. Девочка еще была у мамы в утробе, но я знал: она меня слышит.

Я:

— Я зажег для тебя звезды! Они дождутся, пока ты появишься на свет.

Мама:

— Спасибо, милый! (Тоненьким голоском, будто это Агнес говорит.)

Выполненное задание мы отметили пивом, выпили по глоточку. И представили, будто напились допьяна. Патрик Кюффур съехал по стеночке на землю и, лежа на спине, принялся шевелить руками-ногами, будто жук. В жизни не видел ничего смешнее.

Потом мистер Кюффур включил свой генератор, и миссис Кюффур, мама и бабушка Ама натушили для всех стручковой фасоли. Мы ели ее в свете фонарей, мотыльки путались у нас в волосах, а из транзистора мистера Кюффура неслась музыка. Шикарно было. Далекая музыка ласкала

уши легким ветерком. Все забыли, что давно уже ночь. Девчонки скакали через веревочку, мы швыряли им под ноги скорлупу от кокосовых орехов, чтобы сбить с ритма. В конце концов они попадали на землю, будто опавшая листва.

Когда взошло солнце, мне было грустно и радостно вместе. Хоть бы эта ночь никогда не кончалась! Мистер Кюффур выключил генератор, и все понарошку заплакали. Музыка оборвалась, пора расходиться по домам. Я отправился спать с широкой улыбкой на лице, солнце светило в глаза и наполняло теплом. Это была самая замечательная ночь в моей жизни. Жалко, что она закончилась и что не осталась со мной навсегда.

Но оказалось, где-то глубоко память ее сохранила. Закрываю глаза и жду, пока блаженство не охватит меня всего. Теперь я знаю, что делать. Выскальзываю за дверь. Мама и Лидия храпят без задних ног. Вот папа, он бы меня понял, даже одобрил бы. Это единственный способ поправить положение.

Кидаю зуб крокодила в мусоропровод. Слышу, как он ударяется обо что-то внизу. Это моя жертва богу вулканов. Это дар самому Господу. Если я отдам ему свой талисман, Бог избавит нас от всех несчастий, болезней, поножовщины, мерт-

вых младенчиков и снова сведет вместе. Иначе несправедливо будет. Достойный обмен, никто с этим не поспорит. Это обязательно сработает, я знаю. Спасибо тебе, голубь, что указал мне нужную звезду!

* * *

Возле церкви мы наткнулись на З-Омби с Шизи. Я понимал, что они привяжутся, и даже не пытался убежать. Я знал: они постараются разделаться с нами на раз-два, а то опоздают на перекличку. И я шагнул на церковную лужайку.

Я:

— Идите сюда, здесь они особо не разойдутся.

Дин и Коннор последовали за мной и встали на самом краешке лужайки. Если стоишь обеими ногами на священной земле, тебя не тронут.

Шиззи:

— А нам плевать. Выросли уже из глупых сказочек.

Он и не подумал остановиться. Все цветы истоптал. Сейчас как врежет, рожа вон какая злющая. А все потому, что у меня больше нет крокодильего зуба. Это часть сделки: теперь Господь в первую очередь защищает других, а я должен сам о себе позаботиться. Что ж, я не против. Схожу с церков-

ной лужайки обратно на тротуар.

— Не трогай их, они ни при чем.

Шиззи:

— Как скажешь.

И как приложит меня два раза в плечо. Совсем не больно. Я нарочно вскрикнул, чтобы он оставил Дина и Коннора в покое. Шиззи загоготал как тупая обезьяна.

Шиззи:

— Ссыкло!

З-Омби:

— Давай живее, хватит с недоноска.

Мы подождали, пока они отойдут к подземному переходу, и показали им грязные пальцы. Прикольно получилось.

Коннор Грин:

— Мартышки голожопые!

Дин:

— Вафлеглоты!

Я:

— Пихаешься как девчонка!

Они нас не слышали. Даже мне уже нечего было бояться. Это все понты. Сплошные понты, я так и знал.

Я:

— Говноеды!

Дин прочел мой протокол, и я быстренько сложил листок, чтобы не увидел кто. Мы стояли возле входа в актовый зал прямо напротив крыльца кафешки. На наш невооруженный глаз, все казалось мелким. Нужен был бинокль.

Дин:

— Четыре признака возможного криминала — это немало, но прямых улик как не было, так и нет. Чтобы получить признание, надо провести допрос с пристрастием, а орудия пыток где? Нужны аккумуляторы, провода, молотки, масса всего. Считаю, надо заняться ДНК. Ты пробы взял?

Я:

— Нет. Я собирался взять пробу слюны у Джордана, но он отказался.

Дин:

— А как насчет мочи?

Я:

— Попытаюсь раздобыть в больнице. Возьму у мамы бейджик и проберусь в хранилище, где держат анализы. Их в холодильнике держат.

Дин:

— Очень уж опасно. Охрана. Погоди. Чем это они занимаются?

Шиззи, Резак и Убейца толклись возле кафешки. Шиззи поставил Убейцу лицом к окну, руки

на стекло, и изображал полицейского, что производит личный досмотр. Убейца и ноги расставил, и руки растопырил. Обе ладони упирались в стекло. Отпечатки всех пальцев — вот они, прямо на блюдечке! Резак — тот как бы наставил на обыскиваемого пистолет, чтобы не вздумал сбежать.

Дин:

— Это наш шанс. Теперь или никогда. Как считаешь?

В животе у меня заледенело, кровь обратилась в металл. Я готов. Деваться-то некуда. План очень простой: я как бы убегаю (как самый быстрый), Дин за мной гонится. Вытаскиваю из портфеля клейкую ленту и передаю ему.

Дин:

— Ты его толкаешь, отвлекаешь внимание, а я тем временем снимаю со стекла отпечатки. Если он за тобой погонится, несись со всех ног.

Я:

— Готовность номер один.

Потихоньку направляемся к кафешке. Хотя с другой стороны, надо успеть все провернуть, пока эти не разбежались. Пусть орут что угодно, не останавливаться. Дин как ни в чем не бывало подходит к окну и замирает. Подбираюсь к Убейце сзади и толкаю из всех сил. Времени на страхи

нет. Раз — и готово. Лови меня теперь.

Убейца:

— Ты че творишь, малявка?

Я:

— Псих! Псих!

Шиззи:

— Хватай его!

Шиззи и Резак бросаются за мной. Убейца стоит обалдевший, с безумнными глазами. Дин прижимает клейкую ленту к отпечаткам на стекле и мчится к актовому залу.

Убейца никак не может взять в толк, что делать и за кем гнаться. Вертит головой в разные стороны, словно крыса в подземном переходе.

Убейца:

— Ты че творишь?

Стирает со стекла отпечатки. Опоздал! Не поймаешь! Мы выиграли!

Убейца:

— Недоносок!

Теперь уже все бегут за мной. Я со всех ног лечу к корпусу естествознания. Врываюсь в кабинет мистера Томлина. Он готовится к уроку, расставляет рядком лимоны. Значит, кто-то сегодня узнает про лимонные батарейки. Жалко, не я. А то прошел бы все по новой, будто в первый раз.

Мистер Томлин:

— В чем дело, Гарри? Куда спешим?

Я:

— Ни в чем. Заблудился. Кабинет потерял.

Мистер Томлин:

— Так и голову потерять недолго. Хотя вроде бы она у тебя привинчена как следует.

Я:

— Да уж!

Убейца и Шиззи замерли в дверях. Увидели учителя и затормозили. Правда, Убейца пнул дверь. А что ему остается? Плохие парни в конце всегда проигрывают.

Убейца:

— Ты покойник!

Мистер Томлин:

— До конца перемены еще четыре минуты. Успеете найти другую жертву.

А из мистера Томлина ничего бронежилет получился, прикрыл меня от злобы плохих парней. Я пулей пронесся по корпусу естествознания и выскочил с другой стороны. Теперь надо держаться от них подальше на переменах и на улице, в оба смотреть.

Мы торчали в компьютерном клубе, пока все не разошлись по домам. Слыхал про «YouTube»? Там

показывают сплошь ролики, где все только и делают, что друг друга едят. Дин показал мне змею, что пожирала мальчика. Целиком проглотила. Дело было где-то на краю света. Односельчане принялись колотить змею палками, пока она не выплюнула жертву. Весь покрытый слизью из змеиного живота мальчик свернулся клубком, но руки-ноги были на месте. Он был младше нас.

Дин:

— Вот бы посмотреть, как змея глотает автомобиль. Где-то это было. Чума!

Я:

— Вот бы посмотреть, как змея глотает саму себя. Типа исчезает на глазах в воздухе.

Дин:

— Чума!

Мы подождали, пока берег очистится, и достали для проверки отпечаток ладони. Дин посмотрел его на свет.

Я:

— Не разобрать ничего. Сплошная грязь. Черт!

Дин:

— Снимал-то в спешке. Сам бы попробовал!

Кое-какие линии были видны, но как следует пропечатались они только ближе к середине, а по краям сливались и расплывались, будто кар-

тинку резко дернули в сторону. Указательный, средний и краешек большого пальца. Нам бы клейкую ленту потолще, посолиднее.

Дин:

— Блин. Не расстраивайся, образец-то мы все-таки добыли. Может, полицейский компьютер почистит изображение. Увеличит его, и все такое. Тогда награда наша.

Я:

— Все о'кей, босс.

Ленту с отпечатками я тщательно завернул в тетрадную страничку и написал имя подозреваемого. Убейца. Буду держать с прочими вещдоками, и в один прекрасный день обязательно понадобится. Мне было немного страшно. И весело тоже. Жохан, в общем. Словно кусок жизни Убейцы оказался вдруг в моем распоряжении. Теперь ему даже не спрятаться как следует, отпечатки пальцев все расскажут, хочет он того или нет.

Когда змея выплюнула мальчика, он словно заново родился на свет. Может, так и должно было случиться. Может, из него вырастет Человек-змея. Обязательно расскажу Алтафу, ему понравится, если такое произойдет на самом деле. Мне тоже. В общем, набери «змея ест мальчика» в «YouTube»

и посмотри сам. Просто крышу снесет!

Агнес:

— Гарри!

Чесслово, это самое прекрасное, что я слышал в жизни! Слушал бы и слушал. Без передыху!

Я:

— Привет, Агнес! Тебе лучше?

Бабушка Ама:

— Скажи «да»!

Агнес:

— Да!

Мама расплакалась от радости, Лидия вслед за ней.

Лидия:

— Она может говорить! Скажи «Лидия».

Агнес:

— Лидя!

Лидия:

— Мы любим тебя!

Я:

— Мы любим тебя, Агнес!

В животе у меня сделалось тепло и приятно. Я спас ее! На глаза у меня тоже навернулись слезы, но не лить же слезы при Лидии.

Бабушка Ама:

— Она поправилась. Проснулась утром и по-

просила банан. И с аппетитом покушала.

Мама:

— А какая у нее температура?

Папа:

— Нормальная. У нас все отлично. Не волнуйся.

Мама:

— Так хочется к вам.

Папа:

— Я знаю. Скоро увидимся, ведь так?

Я:

— А крыша цела?

Папа:

— Целехонька! Вчера была буря, а ей хоть бы хны!

Я:

— Ты уж не делай ничего больше, ладно? Продавай то, что у нас уже есть. Поскорее сюда приедешь. Хорошо?

Папа:

— Хорошо.

Я:

— До свидания, Агнес!

Агнес:

— Виданя!

Кричит Агнес лучше всех на свете. Я предста-

вил, что это ее супердар. Когда она подрастет, получит имя Суперкрик. Я даже возьму ее себе в оруженосцы (это типа супергероя рангом пониже, помощник главного супергероя и его лучшего друга).

Я не стал говорить папе, что потерял крокодилий зуб, не хочу опять все испортить.

* * *

На столе высилась целая гора паспортов. Джулиус смахнул их в портфель, я ни одного и раскрыть не успел. Мне было интересно, какие там фотографии, улыбаются на них люди или нет, и какие у них прически — вдруг смешные, и есть ли у них на носу очки, а на лице шрамы.

Тетя Соня:

— Я тебе доверилась. Оплати все как полагается.

Джулиус:

— За все платим наличными. Правильно ведь?

И шлепнул ее по попе.

Лидии на день рождения подарили «Самсунг Джет». Она визжала как маньячка. У телефона даже камера есть.

Лидия:

— Улыбочку!

Тебя снимают — улыбайся. Лидия щелкала все вокруг. Я скалю зубы. Я возле своей машины. Мама и тетя Соня обнимаются. Дерево тети Сони. Джулиус со свирепым видом пьет свой вырви-глаз. Плакат Наны Ачимпонг на стене кухни. Вид в замочную скважину (сплошная муть).

Я уже хотел попросить ее сфоткать тебя, но вовремя вспомнил, что ты не любишь сниматься. Никто не заметил твоей тени за окном, только я. Не попадайся им на глаза, хочу, чтобы ты был только мой. Мне так больше по душе, вот и все. Если мама тебя увидит, наверняка прогонит.

Я получил автомобиль с дистанционным управлением, хоть сегодня и не мой день рождения. Шикарная машина, такая быстрая. Пульт без проводов. По виду — «багги», ни окон, ни дверей, одна голая рама, и человечек внутри. Цвет красный, хром сверкает на солнце. Скорость — сто миль в час.

Поначалу машина меня не очень-то слушалась, чуть зазевался — шарах в стенку.

Я:

— Прекрати фоткать, я из-за тебя стукаюсь!

Лидия:

— Прекрати стукаться, я из-за тебя фоткаю!

Хорошо, у машины спереди мощный бампер и

ей ничего от ударов не делается. Я потренировался в коридоре, куда выходит дверь тети Сониной квартиры. Машина отлично себя ведет на любом покрытии, и на ковре, и на кафеле. Колеса большие, ребристые, нигде не застрянет. Надо будет испытать ее на реальном грунте, в песке, в грязи, на траве. Готов поспорить, отлично получится и на снегу. Ей-богу, когда выпадет снег, прибегу первым. Весь снег будет мой, пока не затоптали. Первый снежок запущу в Вилиса. Постараюсь попасть в лицо. Вот классно будет!

А голуби улетают зимой на юг?

Я летаю, где хочу.

Здорово! Тогда сядь на дерево и смотри, как я кидаю снежки.

Джулиус наводил лоск на Мастера Уговоров, наматывал новую ленту на рукоятку в том месте, где старая лента засалилась и начала отставать, трудился неторопливо и аккуратно, будто перед ним одноногий голубь и Джулиус приделывает ему недостающую лапку.

Я:

— А такой штукой можно целиком снести голову?

Джулиус:

— Насчет этого не знаю, но шороху навести

можно нехилого. Главное, ударить в нужное место. Я одного типа стукнул по голове, так у него сразу взгляд сделался тупой-тупой. Будто свет выключили. Я ему мозги повредил. Язык стал заплетаться. С одного удара. В нужную точку попал. Чел был сам виноват, надо долги отдавать, как все приличные люди. Он сейчас типа овощ, под него пеленку подкладывают, как под младенца.

Джулиус громко загоготал. Мама оттирала тарелки с такой яростью, словно хотела отскрести с них грех. Лично я бы предпочел, чтобы меня убили Мастером Уговоров, а не ножом. Нож очень уж острый, он режет и кромсает дух. А бита круглая, дух остается в целости и сохранности. Быстрей попадешь на небо, и меньше грязи, убирать-то маме. Ничего, если мозги будут набекрень, там тебе все вправят, как было. Дух куда важнее.

Крошечное дерево тети Сони стало еще меньше. Листья на нем блестели словно ожоги. Их и дождик-то не мочит, вечно под крышей. Я потихоньку полил деревце, пока никто не видит. Вода моментально впиталась между камешков, будто и не поливал.

Мне надо передать сообщение мистеру Смиту. Я не хотел за это браться, но деваться-то некуда. Бывает, учитель просит что-то передать, только

чтобы тебя проверить.

Энтони Спайнер:

— Как-то мистер Смит вручил мне записку. Я ее развернул и — угадай, что там было?

Я:

— Что?

Энтони Спайнер:

— «А ну брось меня читать!» Больше ничего. Такой прикол.

Линкольн Гарвуд:

— Западло. Терпеть не могу мистера Смита. Говорящая задница.

Я не стал разворачивать сообщение, честно отнес его в учительскую. По-моему, надо мной никто не прикалывался. На обратном пути я увидел ее. Она, наверное, класса из десятого, никогда мне на глаза не попадалась. Стоит на полу на коленях. Даже газетку подстелила. На голове белый платок. Глаза закрыты. Я так и замер.

Стоял и глазел на нее. Так успокаивающе. Я старался не шевелиться, чтобы не разрушить. Даже не дышал. Лишь бы это продолжалось.

Губы у нее шевелились, но слов было не разобрать. Время от времени она наклонялась вперед, почти касаясь головой пола. Медленно так, у меня даже глаза стали слипаться. Чуть было не

спросил ее, что она просит своей молитвой, но вовремя прикусил язык.

Уж конечно, не о бомбах молит. Наверняка о чем-то хорошем.

Я стоял у стены и смотрел. Никого рядом. Тишь и благодать. Я даже забыл, что надо возвращаться в класс. С радостью бы помолился вместе с ней, да не получится. Даже пробовать не стоит.

Девчонка в платке закончила молиться, открыла глаза и встала. Я быстренько повернулся и отступил в коридор. Я старался не издавать ни звука. Не хотел, чтобы она узнала, что я смотрел на нее, тогда все было бы испорчено. Я дождался, когда она уйдет, и только тогда вновь начал дышать. Подошел к тому месту, где она молилась, но за невидимую черту заступать не стал. И опять почему-то задержал дыхание.

Я завернул за угол и наткнулся на Убейцу. Он сразу меня заметил, я и сделать-то ничего не успел. Убейца запихнул меня в дверь туалета и зажал между раковинами, тыча в грудь ножом для пластилина, видать, у них урок изобразилки.

Убейца:

— Гони назад мои отпечатки. На хрена они тебе понадобились?

Я:

— Я их выкинул, они плохо получились. Это была шутка.

Убейца пихнул меня к стене. Голова моя стукнулась о держалку с бумажными полотенцами. Свет из окна блеснул на ноже и ослепил меня. Я зажмурился, готовясь к смерти. Стало тихо. Мир словно замер. Убейца заговорил каким-то надтреснутым голосом. А может, мне показалось. Так всегда бывает, когда храбришься изо всех сил и кровь в жилах стынет.

Убейца:

— Не лезь в чужое говно, сечешь? Это не твое дело. Все равно ничего не докажешь. Выброси эту херню, иначе проблемы, ясно?

И ушел. Но сначала снова приложил меня о держалку с полотенцами. Я пощупал голову. Крови вроде нет. Я подождал, когда выровняется дыхание. Меня немного трясло. На рубашке остались следы от грязных пальцев Убейцы. Надо запретить, чтобы тебя мазали чужой грязью. Надо запретить, чтобы твое спокойствие нарушали, это несправедливо. Мокрое пятно у меня на брюках — это потому что раковины все в брызгах, ничего такого.

Наступление лета в Англии празднуют так: все широко распахивают окна и заводят музыку по-

громче. Такая традиция. Ты так сообщаешь, что наступило лето. Ты обязан это проделать, когда показывается солнце. И все вокруг обязаны.

И еще надо вывесить флаг, если он у тебя есть, конечно. Так ты как бы заявляешь «я свой» и «лето пришло».

Музыка самая разная, особенно возле наших башен. Настоящий музыкальный ад, самые разные мелодии, перепутавшиеся вместе. Обожаю. И мне хочется танцевать. Я улыбаюсь от уха до уха, ничего с собой поделать не могу.

Прихожу домой и тоже врубаю музыку. Забираю сидюк из маминой комнаты и ставлю Офори Ампонсу. Моя любимая вещь — «Разбитое сердце». Пусть все вокруг ее послушают. Ставлю проигрыватель на окно.

— Привет! Я — Гарри! А это — моя музыка! Надеюсь, вам понравится!

А вдруг сидюк свалится вниз? Не стоит его высовывать так далеко. Надеюсь, мою песню все услышали, наш проигрыватель не очень-то громкий. К тому же Лидия его требует. У нее день рождения, и она хочет послушать два новых диска.

Лидия:

— Давай же!

Я:

— Несу уже, несу! Не ори!

Мама:

— Не зли ее! Вот тебе кусок торта, угости своих голубей.

У Лидии торт сплошь из шоколада. На свой день рождения я попрошу торт «Человек-паук». Из дома прибыли подарки для Лидии, в огромной коробке. Я первым выскочил к двери. Мы оба поджидали с нетерпением, но Лидия как раз пошла поприветствовать вождя, когда в дверь постучали. Почтальон отдал посылку мне. Если бы не день рождения сестры, я бы первый вскрыл ящик.

Лидия:

— Руки прочь! Я все слышу!

Я:

— Ага, в мечтах!

Лидию с ящиком я сфоткал на ее телефон. В посылке оказался не один подарок, их было много.

От Абены два диска: Майкл Джексон и Квав Кесе.

Бабушка Ама подарила Лидии серьги-кольца. Серьги были из чистого золота. (Для проверки попробуй металл на зуб. Если никаких следов не осталось — золото настоящее.)

Лидия:

— Не суй мои сережки в рот! Ну вот, обслюнявил!

Я:

— Хочешь, чтобы я их проверил, или нет?

Лидия:

— Нет!

Еще в ящике был отпечаток ладошки Агнес. Обожаю. Намазали ей ручку краской и приложили к бумаге. Агнес и имя свое написала. То есть за нее написали, водили по бумаге ее пальчиками с зажатым карандашом. Меня тоже так учили. Буквы получились такие милые, только кривые, будто следы паучка.

Папа сделал для Лидии деревянную плясунью. Пожалуй, фигурка изображала мою сестру, только лицо было другое. Папа не знал, что Лидия совсем забросила танцы, а когда танцевала, забывала улыбаться.

Сестра разревелась.

Я:

— Не нравится, я себе возьму. В школе махнусь. Сменяю на диско-часы.

Лидия:

— Не приставай!

Я:

— Чего это она?

Мама:

— Скучает по папе, вот и все. Не зли ее.

Я:

— Не грусти. Ведь сегодня твой день рождения. Чего рассопливилась-то?

Лидия:

— Заткнись!

Мама:

— Харрисон, отстань от нее.

Позарез было нужно Лидию рассмешить.

А то весь день насмарку. Я постарался припомнить всякие смешные слова, которые могли бы ее развеселить. Буду произносить их одно за другим, пока какое-нибудь не сработает.

Я:

— Ну же, возлюбленная моя. Выше носик.

Мимо. Даже не поморщилась.

Я:

— Пусть, о пусть уйдет подальше твоя грусть.

Опять мимо.

Я:

— Ты — солнечный лучик, ты одна светишь мне, освещаешь дорогу в кормёшной тьме.

Мама:

— Харрисон! Что еще за «кормёшной»?

Лидия:

— Перестань!

Она чуть-чуть улыбнулась, я видел. Только не сдаваться. Еще одна попытка.

Я:

— Мяу-мур-му, горевать ни к чему. За что я тебя так люблю, не пойму.

Лидия:

— Прекрати!

Я:

— Попалась! Я выиграл!

Лидия расхохоталась, не в силах больше сдерживаться. Мне все-таки удалось спасти сегодняшний день. Лишние очки мне теперь даже и не нужны. Пусть Лидия запишет их на свой счет.

Я:

— А от меня подарочек хочешь? Тогда следуй за мной, он не дома.

Лидия:

— Иди ты знаешь куда? Нашел девочку для приколов.

Я:

— Это не прикол, клянусь.

Мама:

— Не смотри так на меня. Я тут ни при чем.

Я:

— Идем же, котишка-трусишка.

В конце концов Лидия сдалась, любопытство победило. Я шагал впереди, она за мной. Проходя по лестнице, мы оба старались не дышать.

Лидия:

— Мы куда?

Я:

— Увидишь. Доверься мне.

Мы обошли нашу башню и остановились. Лидия вертелась волчком, высматривая свой подарок, и ветки деревьев осмотрела, и окна домов, и под машины заглянула, и даже под мусорный контейнер. Места себе не находила. Никак не могла сообразить, что ей искать. Круто.

Лидия:

— Давай гони свой подарок и идем уже! Где он?

Я:

— Прямо перед тобой.

Сзади к нашему дому пристроили пандус для инвалидных колясок, чтобы спокойно съезжали-въезжали. Утром из муниципалитета прибыл строитель со своей бетономешалкой. Дин все подбивал меня забраться в бетономешалку, но я не подписался. Вляпаешься в бетон, а он как схватится, не обрадуешься! Зато я с самого на-

чала знал, что сделаю. Правда, хранить тайну и целый день никому ни словечка — это чокнуться можно!

Цемент еще не застыл. Строитель ушел обедать. Если уж проводить задумку в жизнь, так прямо сейчас. Лучшего момента не выберешь.

Лидия:

— Зачем ты меня сюда притащил?

— Прыгни сюда. Будет зверски круто. Отпечатки твоих ног затвердеют и останутся здесь навсегда. Тогда пандус будет принадлежать нам, и все вокруг об этом узнают. Да не один только пандус, вся башня. Только топни со всей силы, чтобы четкий след остался.

Лидия:

— Вот дурость-то! Не стану я никуда прыгать.

Я:

— Ну же, давай! Это займет одну секунду! Оставишь отпечатки ног, а я напишу рядом твое имя, чтобы все знали. Постараемся на пару. Чур, я первый.

Я собрался с духом, встал в стойку и скакнул на пандус, стараясь обе свои ноги вдавить поглубже в цемент.

Лидия:

— Со стороны может показаться, что ты типа

обгадился.

Я:

— Зато классно получилось. Учись.

Я досчитал до десяти, покачался с носка на пятку, чтобы отпечатки вышли поглубже, и, резко оттолкнувшись, отпрыгнул в сторону. Ничего не смазал. Отлично получилось, ровно и четко. Даже надпись «Диадора» с подошвы кроссовок пропечаталась, не говоря уже об узоре. Супер!

Я:

— Выскочить обратно трудно. Бетон липнет. Надо напрячься как следует. Твоя очередь.

Лидия:

— Вот дурак.

Я:

— Давай, лень ходячая! От подарков не отказываются! Не оскорбляй дарителя!

Лидия:

— Ладно уж, ладно!

Она попробовала сделать злое лицо, но получилось плохо. Согнула ноги в коленках, сгруппировалась и прыгнула. Ее ноги впечатались во влажный бетон как раз около моих. Она и до десяти досчитала, шевелила губами, я видел.

Я:

— А теперь покачайся с носка на пятку.

Лидия:

— Качаюсь, качаюсь!

Выпрыгнуть обратно у нее никак не получалось, бетон прихватил здорово. Она чуть не свалилась и завопила как маленькая.

Лидия:

— На помощь!

Я:

— Без паники, сейчас я тебя вытащу.

Я потянул ее изо всех сил, и Лидия выпрыгнула. Теперь наши отпечатки были рядом, четкие и красивые. Все контуры вышли отлично. Лидии понравилось. Она даже притвориться не успела.

Лидия:

— Питии быстрей наши имена, пока не застыло совсем.

Я присел у пандуса и написал наши имена под отпечатками. Пришлось давить на палец изо всех сил, чтобы буквы можно было прочитать. Чесслово, шикарно вышло.

Лидия улыбалась от уха до уха.

Я:

— С днем рождения. Я же говорил, тебе понравится!

Цемент, прилипший к моему пальцу, смахивал на тесто, правда, воняло от него блевотиной.

Если его не отодрать вовремя, палец окаменеет. Мы вымыли кроссовки в луже, я палочкой выковырял бетон из каждой щели. Теперь все вокруг про нас узнают. Я дождаться не мог, пока следы высохнут. Постереги их за меня, пока не затвердеют, хорошо?

Постерегу. Всем охота испортить праздник, урвать побольше, я нагажу на всякого, кто сунется чересчур близко. Хочешь знать, что я думаю? Я тут торчу достаточно давно, чтобы составить свое мнение по ряду вопросов. Ваша беда в том, что ты, как и все вы, хочешь быть морем. А ты не море, ты всего лишь капля дождя. Одна капелька из нескончаемого числа. Если ты это примешь, жить станет намного легче. Повторяй за мной: я — капля в океане. Я — сосед своего соседа, я — нация, я — север, я — все и ничто. Я — один из многих, и все мы падаем вместе.

Или же я просто крылатая крыса и сам не понимаю, что несу.

* * *

Я люблю приятные сюрпризы. Вот вроде бетона, который, казалось, только и ждал, чтобы мы отметились. Или если типа уверен, что человек — бестолочь в каком-то деле, а оказывается, он

мастер. Так получилось с Маником, никто и думать не думал, что он хороший вратарь (ну как же, толстый такой), а Маник — просто находка. Кипер он классный, его не прошибешь. Ловит все, что летит в его сторону. Я как-то случайно со всей силы шарахнул мячом ему по голове, так он и не поморщился, играл, будто ничего не случилось. Только глаза сделались какие-то не такие. После этого мы прозвали его Суперруки. Прозвище ему нравится, как услышит, улыбается во весь рот.

Все вокруг:

— Очередной сэйв Суперрук! Парень зажигает!

Никогда бы не подумал, что Дин так хорошо лазает по крышам, он ведь рыжий. А Дин просто скалолаз-профи. Карабкается не хуже Патрика Кюффура (Патрик забирался на крышу управы за три секунды. Мы прозвали его Обезьянья Кровь).

Дин:

— Не волнуйся, я его живо достану. Вмиг заберусь.

Мы пинали мячик между мусорными баками, и он улетел по дуге на крышу гаража. Сам не понимаю, как мне удалось запулить новый мяч так далеко. Есть чем гордиться. Дин вспрыгнул на контейнер на колесиках, подтянулся на руках и — раз! — оказался на крыше гаража и скинул мне

мяч. Будто нет ничего проще. Я на него только посмотрел, и у меня голова закружилась. Правда, солнце в глаза светило. Шум крыльев-то я слышал, но не видел, с какой стороны.

Дин:

— Забирайся, не дрейфь. Я тебя втащу.

Я:

— Кто-нибудь мяч стырит.

Дин:

— Не стремайся!

Я:

— Я не стремаюсь. Слезай. Счет девять-девять. Кто забьет следующий гол, выигрывает.

Но Дин не хотел спускаться. Ему и наверху было неплохо. Он прохаживался взад-вперед, будто король. Он насмехался над опасностью.

Дин:

— Ну-ка, ну-ка, а это что за штуковина такая?

Он нагнулся и поднял какой-то сверток. Мокрый, промасленный. На скомканную шмотку похож.

Дин:

— Развернуть?

Я:

— Валяй!

Дин:

— Нет, серьезно? А вдруг там бациллы сибирской язвы?

Я:

— Не зли меня! Разворачивай!

Дин послушался. Внутри оказался кошелек. Хоть солнце и резало мне глаза, я хорошо его рассмотрел. Синий и с черной застежкой-липучкой.

Я:

— Деньги внутри есть?

Дин:

— Погоди, он весь слипся. Спускаюсь.

Он спрыгнул вниз и показал мне кошелек, весь в темных пятнах. От кошелька пахло дождем. Дин раскрыл его и осмотрел. Ни гроша. В одном из карманчиков что-то было. Дин осторожно вытянул раскисшую бумажку наружу. Фотка. Я как увидел, у меня в животе похолодело.

Я:

— Так это же мертвый пацан!

Дин:

— Ты уверен?

— Богом клянусь! На нем даже футболка «Челси»!

Фотка была маленькая, насквозь мокрая. Мертвый пацан снялся с белой девчонкой, в кадр поместились только головы и плечи. Парочка

улыбалась. А я и не знал, что у него была подружка. Почти такая же хорошенькая, как Поппи, только немного косая. Хотя, может, она это нарочно один глаз вытаращила, для хохмы. Мне сделалось грустно. Я представил, что мертвый пацан угодил в фотку типа как в ловушку, и его уже не вытащишь обратно. Жалко, меня не было рядом, когда его зарезали. Я бы не дал убийце совершить преступление, позвал бы полицию, бросил камень или заморозил злодея своим дыханием. Не понимаю, почему никто ничего не сделал.

Дин:

— Я бы ему показал, что такое кун-фу. Мигом бы в морг отправил.

Я:

— Я тоже.

Дин передал мне кошелек. Он был липкий-прелипкий. Я помолился про себя — выразил сожаление. Это все, что я помнил из молитвы.

Я:

— А что это он так липнет? Думаешь, это кровь?

Дин:

— Похоже на то. А может, масло. Где-нибудь должен остаться отпечаток. Надо провести экс-

пертизу.

Дин обошелся без пароля, пароль только для гражданских. Для большей безопасности мы приперли дверь моей кроватью. Дин крепко держал кошелек, а я лепил на склизкий кошелек клейкую ленту. Аккуратно накладывал, чтобы ни морщинки, осторожно снимал. Поднес кошелек к свету. Никаких пальцев, никаких улик, одно здоровенное бурое пятно. Почти черное.

Дин:

— Не бери в голову, сразу было понятно, что шансов немного. Надо провести анализ ДНК, если это кровь.

Я:

— Попробуй на вкус, тогда узнаешь.

Дин:

— Не буду я пробовать. Вдруг в крови СПИД? Спрячь это пока, ладно? У меня при виде крови мороз по коже.

Следы крови остались у меня на пальце. Липкая какая. Надо бы облизать, чтобы в меня перешел дух покойного. Я бы так и сделал, если бы не страх перед СПИДом. А так подождал до вечера и вымыл руки. Я бы и дольше прождал, только начало чесаться.

Яма на том месте, где росло дерево, исчезла, будто не было. Там теперь трава и какие-то ростки. Эшафотка сделала большую кучу на новую траву. Это ее любимое место, чтобы гадить. Увидит меня, так хвостом завиляет, что, кажется, вот-вот задница отвалится. Она меня любит, потому что я говорю с ней ласково. Так животные определяют, кто им друг.

Терри Шушера:

— Хочешь подержать пса? Подойди сюда.

И Терри передал мне поводок, а с ним и собаку. Эшафотка очень сильная. Она не стала смирно дожидаться, взяла и сразу потянула меня за собой, да так, что того гляди свалишься.

Терри Шушера:

— Скажи ей «рядом», она перестанет.

Я:

— Рядом.

Терри Шушера:

— Громче. Рядом!

Подействовало. Эшафотка перестала тянуть и пошла рядом.

Я:

— Ай, браво.

Всегда говори собаке «Ай, браво!», если она хорошо себя ведет. Ей понравится, и она будет

послушной. Только повторяй каждый раз, чтобы собака не забыла. Терри Шушера показал мне, как правильно держать поводок. Если сделать его коротким, собака будет идти вплотную к тебе, больше ей деваться некуда. Если сделать его слишком длинным, пес забудет про поводок и попробует убежать. В конце концов я приспособился, собака стала меня слушаться и прекратила тянуть в сторону. Иду — Эшафотка рядом со мной. Останавливаюсь — она тоже. Зверски круто. Будто я — ее хозяин.

Я:

— Эшафотка, ищи зло! Нюхай как следует! Почуй его мерзкую вонь!

Эшафотка заозиралась, словно взаправду вышла на задание. Мимо проходил какой-то мужчина, она понюхала ему ногу. Я следил за выражением ее морды: уши не натопорщились, глаза не расширились. Мы спустили Эшафотку с поводка. Она было отбежала в сторону, но сразу же вернулась. И стала описывать круги. Бегать она любит даже больше, чем я. И штуки умеет делать.

Терри Шушера:

— Сидеть.

Эшафотка села, не сводя с нас глаз. Ждала, какие

еще команды мы подадим.

Терри Шушера:

— Лежать.

Эшафотка улеглась на траву и перевернулась на спину. Все соски выставила. Собака была в восторге. Игра ей нравилась.

Терри Шушера:

— Дай лапу.

Самая классная команда. Эшафотка протянула мне лапу. Мы обменялись с ней рукопожатием. Так прикольно. Она даже выполняла мои команды. Скажу «Сидеть!» — сидит. Скажу «Дай лапу!» — дает. Чума! Мне так захотелось, чтобы она была моей собакой. Ничего забавнее в жизни не видел.

Июль

Узоры на пальцах нужны для осязания и для того, чтобы удерживать скользкие предметы. Никакой другой роли они не играют. Без отпечатков пальцев ты бы мог стать кем только захочешь.

Брови не дают поту попасть в глаза. Мне-то всегда казалось, что у бровей нет особого назначения. Оказалось, есть, они отводят в стороны струйки пота и дождя. Иначе вся эта влага попала бы тебе в глаза и ослепила.

Ресницы защищают глаза от пыли и мошек.

И вообще те части тела, в которых, по-твоему, нет проку, на самом деле приносят пользу или защищают от чего-то. Волосы на голове защищают мозг от перегрева и от холода, они куда умнее, чем ты думаешь. И эти средства защиты есть у каждого: брови, ногти, ресницы. Волосы у всех растут в одних и тех же местах. Так что всем даны равные шансы для выживания. Это справедливо. А по-другому вышло бы несправедливо.

Коннор Грин:

— А зачем тогда мужчинам соски?

Мистер Томлин:

— Без них у мужчин вид был бы дурацкий. Еще вопросы есть?

Мистер Томлин переиграл Коннора Грина по части юмора. Коннор такого терпеть не может. Вот опять хотел схохмить, но куда ему до мистера Томлина.

Коннор Грин:

— Как получается, что когда купаешься, то вода не проникает в организм через дырку в заднице и не заливает тебя изнутри?

Мистер Томлин:

— Потому что внутренний сфинктер автоматически перекрывает анальный канал. Еще вопросы?

Коннор Грин:

— Вы сказали «анальный». В нашем присутствии нельзя употреблять такие слова, это сексуальное оскорбление.

Мистер Томлин:

— Замолкни, Коннор. У кого еще есть вопросы?

Дин:

— А после смерти волосы растут? Мой дядя говорит, что растут. И ногти тоже. Это правда, сэр?

Мистер Томлин:

— Нет, это заблуждение.

Коннор Грин:

— Сэр, а у вас есть карандаш?

Мистер Томлин:

— Так. Коннор, выйди вон из класса, будь любезен.

Коннор Грин:

— Но, сэр, я только спросил про карандаш.

Мистер Томлин:

— ВОН!

Пришлось Коннору подчиниться. Покраснел весь. Я был даже рад, что мистер Томлин на него прикрикнул. А то иногда как разойдется, реально мозг выносит. Сам бы ему рот заткнул.

На естествознании столько всего любопытного узнаешь. Мистер Томлин говорит, что космическая станция сейчас на орбите. На первый взгляд она кажется еще одной яркой звездой, но если присмотреться, то видно, что звезда движется. Сам я наблюдал ее только один раз, небо недостаточно темное, мешают уличные фонари и свет из окон. Астронавты на станции гадят в особую трубу, которая выбрасывает дерьмо в открытый космос. Вот почему у шаттла на лобовом стекле есть дворники. Все вокруг так думают.

Возле моей квартиры очень здорово запускать «багги». Пол такой ровный и блестящий, машина катит со страшной скоростью. Самому начинает

казаться, что мчишься вместе с ней, хотя на самом деле стоишь на месте. Надо успеть вовремя смигнуть, пока голова всерьез не закружилась.

Я уставился на дверь Джордана: откройся наконец! Я даже нарочно стукнулся в нее машиной и притворился, что случайно. Дверь распахнулась. Поначалу Джордан ничего не говорил, только смотрел. Долгодолго. Мне даже не по себе сделалось, и машина слушаться перестала.

Ну, скажешь ты хоть слово?

Джордан:

— Дай попробовать.

Это все входило в мой план, только пусть подождет еще немного.

Я:

— Минуточку.

Рулю дальше. Пусть думает, что я с ним расплевался. Пусть раскается. Пусть я выйду победителем в последней игре. Я чувствовал на себе его взгляд и жал на кнопки как ни в чем не бывало. Джордан стал переминаться с ноги на ногу. Класс! Продлись, мгновение.

Джордан:

— Будь человеком, дай попробовать. Не наигрался еще?

Я:

— Ты ее сломаешь.

Джордан:

— Не сломаю. Я крутой гонщик. В аварии не попадаю.

Я:

— Мы вроде как больше не дружим.

Джордан:

— Кто сказал? Ну дай же.

— Еще две минуты.

Джордан:

— Одна минута. Я тебе покажу, как делать сальто, такой кайф.

Этого-то я и дожидался. Пусть ему захочется так, что прямо невмоготу. Пусть попросит как следует. Тем жальче ему будет, когда заберу игрушку. Мне хотелось наказать его. Это мой долг.

Темнело. Все затихло. Сердце мое стучало часто, пока я ждал нужной минуты. Я знал: будет зверски круто. Вот и моя дверь. Все складывается отлично. Я прикусил губу, чтобы не расхохотаться.

Я:

— Не могу. Мне пора обедать.

Подхватываю машину, вхожу к себе и захлопываю за собой дверь. Настроение отличное. Ловко я провернул дельце. У него даже времени

на подозрения не оставалось. Полная для него неожиданность. Теперь я в вечном выигрыше.

Поппи и краситься-то ни к чему, она и так красивая. А вот Микита, Шанель и все прочие мажутся вовсю. Штукатурят свои некрасивые места. Получается только хуже. У Микиты на веках непременно зеленые тени. Вылитая лягушка.

Уродина уродиной, да еще и зеленая. Вот дура. Но я помалкиваю. Чего мне с ней связываться?

Микита мазала себе губы вишневой помадой. Сердце у меня екнуло. Отступать-то некуда.

Микита:

— Подготовился? Почистил зубки? Да нет, я шучу. Ты такой чистенький. Сладкий мой мальчик.

Микита собиралась научить меня целоваться. Она перецеловала взасос чуть не сотню парней и полностью в теме. Если я научусь правильно целоваться, Поппи никогда не бросит меня ради другого.

Не хочу, чтобы Поппи меня бросила. Она должна быть моей навсегда. Буду защищать ее от бед, как тогда с осой. Поппи такая благодарная. Когда она мне улыбается, в животе становится тепло и щекотно.

Вот ведь фигня, надо стоять смирно. Забыть, что терпеть не можешь Микиту, и вызвать в памяти

ее пышный зад, большие груди и пухлые губы. Она как тренажер.

А Лидия смеялась. Ей понравилось.

Лидия:

— *Хочу любовника*

Не Казанову.

Я:

— Да отстань ты!

Лидия:

— *Каждый день отдадим любви.*

Ты будешь мой любовник[17].

— Заткнись! Слушать тошно!

Микита:

— Стой смирно, сочный мой. Расслабься.

Микита уселась на меня сверху и притиснула к дивану. Захочешь — не выскочишь, в ней целая тонна. Облизала губы. Рыба рыбой, огромная, жуткая. Я закрыл глаза, чтобы дело пошло быстрее.

Микита:

— Открой ротик чуть пошире. Успокойся. Тебе понравится, обещаю.

Все происходило жутко медленно. Микита пододвигалась все ближе, я чувствовал. Тепло ее

---

[17] Примечания: 17

Строки из популярной песенки, которую исполняет ганский певец Нана Ачимпонг.

дыхания касалось моего лица, грудь скользила по руке. И тут она как поцелует меня прямо в губы. Поцелуй оказался такой нежный. Все шло совсем неплохо, пока она не пустила в ход язык.

Я:

— Нннтыничегоненнногворилаппнпроннязык!

Микита замерла. Я смог вдохнуть.

Микита:

— Что это было?

Я:

— Ты ничего не говорила про язык!

Микита:

— Но все тащатся от моего языка! Учись, как надо целоваться по-настоящему, а то смысла нет.

Лидия:

— Они же всего-то в седьмом классе, на что им язык?

Микита:

— Засохни, подруга, тебе-то откуда знать? Дай мне сделать дело. Ты же не хочешь, чтобы у тебя был голубенький братик?

И снова засунула свой язык мне в рот. Горячий и слюнявый, гадость. Я попробовал вывернуться, но она меня только сильнее притиснула к дивану и при этом мычала и чмокала, словно влюблен-

ный зомби. Ее язык мерзкой змеей елозил мне по губам. Я представил себе Поппи, ее желтые как солнце волосы, и мне стало теплее.

Тут кто-то как схватит меня за руку. Я дернулся. Оторвут ведь на фиг.

Лидия:

— Микита.

Микита:

— Расслабься. Дай сюда.

Ущипнула меня и засунула мою руку себе в трусы. Я ощутил под пальцами волосы. Стало колко и щекотно. Тогда все и слетело с катушек. Чем хочешь клянусь, мне сделалось плохо. Она прижала мой палец к своей «тото», там было влажно и пружинило, потом прижала другой палец, и следующий, а потом принялась моей рукой гладить себя по этому месту. Чмокала губами и жарко сопела мне в лицо. Я ничего не мог поделать. Ненавижу все, что похоже на вишни. Меня затошнило, как на море в качку.

Я:

— П-п-перестань! Лидия, п-п-помоги! П-п-прогони ее!

Лидия:

— Хватит с него. Он задохнется!

Микита:

— Это я скажу, когда хватит, Хламидия. Кончай брыкайся, чел! Я думала, тебе урок нужен.

Я:

— Я передумал. Слезь с меня!

Я поднатужился и спихнул ее. Взгляд у Микиты был сонный и тупой, и она тяжело дышала, будто с кем подралась. Джинсы расстегнуты, вцепилась мне в руку, а ладонь моя у нее в трусах. Я еле выдернул. Кожа зудела от волос, пальцы мокро блестели. Хотелось умереть.

Микита:

— Неплохо для новичка. Только зубы не облизывай, девушки этого не любят. Еще попытка?

Я:

— Отстань! Ни за что! Отвали от меня!

Я смылся, пока она снова меня не зацапала. Вымыл руки и губы. Облегчился, но вышло как-то странно, наверное, Микита мне что-то повредила. Лидия должна была остановить ее. Я сам должен был не даваться ей в лапы. Плохая была идея. Если Поппи узнает, что я лизался с другой девчонкой, она точно со мной порвет.

Я:

— Тупая сучка! Гадина!

Микита поджидала у двери ванной. Улыбалась словно безмозглая жирная жаба.

Микита:

— Мы еще не закончили, это только первое занятие. Я подняла твою штуку? Как там у тебя, свербит?

Я:

— Нет!

Лидия:

— Что ты несешь, он еще маленький. Оставь его в покое.

Микита:

— А ты ему кто, мамочка? Если сама еще ни с кем, не думай, что все такие. Доска — два соска.

Лидия:

— По крайней мере, мой парень — не убийца.

Все замерло. Лидия резко захлопнула рот, но было слишком поздно, слова уже вылетели, не вернуть. Лицо у Микиты сделалось жестким.

Микита:

— Что ты сказала?

Я подумал, что Лидия сейчас заплачет. Она не двигалась. Вид такой, словно в ловушку угодила. За миллион лет бы не подумал, что такое возможно. Тишина стояла жуткая, кто-то должен был нарушить ее. И почему мамы вечно нет, когда она нам нужна.

Я:

— Ты не должна позволять себя жечь.

Микита:

— Что?

Лидия потрогала ставший почти незаметным ожог от утюга на лице. Мои слова придали ей храбрости. Она ожила.

Лидия:

— Скажи ему, пусть притормозит. Посмотри на свои руки, как ты можешь разрешать такое? Это просто слабость.

Микита застегнула джинсы. Руки у нее прямо плясали. Ее толстые обожженные пальцы уже не вызывали неприязни, это было бы попросту несправедливо.

Микита:

— Кого ты слабой обозвала? Видела, как я уделала Шанель?

Я:

— Она не Шанель, она Лидия. Только тронь ее. Я тебя зарежу ножом-пилой. Попрошу Джулиуса, и он тебя отметелит, он реальный гангстер.

Лидия:

— Никого ты не зарежешь. И не попросишь никого. Микита, иди домой. Мы не хотим тебя больше здесь видеть.

Микита:

— Ой, как страшно. Сучка тупая.

Ну вот. Землетрясение, которого я ждал, отменилось. Микита не знала, как ей поступить, и свалила по-тихому. Я задвинул за ней все запоры, достал непочатую упаковку шоколадного печенья из маминого потайного ящика и протянул Лидии. Пусть откроет. Самое первое — всегда самое вкусное.

* * *

Я был занят своими делами, лакомился кунжутным семенем, его насыпала леди в инвалидной коляске. Она любит смотреть из кухонного окна, как мы едим, грезит, как купается нагишом в теплых водах и морские коньки покусывают ее нежные пальчики, а их цепкие хвосты щекочут соски. Каждому свое, говорю я, жизнь слишком коротка, чтобы осуждать мечты, такие чистые и неподдельные.

Они появились ниоткуда, у меня не было никакой возможности подготовиться. Четверо. У меня за спиной внезапно зашумело, что-то рассекло воздух и очутилось совсем рядом. Не успел я обернуться, как на меня со спины наскакивает большой самец, тычет куда не надо своим черным клювом, глаза-бусинки злобно блестят, его

дружки уже готовы со мной разделаться за проявленное неуважение (а может, им не по душе моя походка), меня прижимают к земле и окружают с трех сторон. Раздаю направо-налево удары, пытаюсь взлететь, но три ножа вонзаются мне под ребра, три комплекта коготков скребут мне по телу, сдирая перья вместе с кожей. Обращаюсь в бомбу, начиненную гвоздями, но тиски прочно сжимают меня, мир рушится, и мне начинает казаться, что я все-таки смертен. Если меня не будет, кто приглядит за мальчиком?

Я:

— А-а-а-а-а! Кыш! Пошли вон, мерзкие сороки!

С разбегу прыгаю на поле битвы. Сороки улетают прочь. Мой голубь сидит на траве, вид у него перепуганный и жалкий. Поначалу мне хочется заплакать, но крови и кусков мяса что-то не видно.

Я:

— Ты цел?

Голубь:

— …

Я уже собирался взять его в руки, но голубь меня опередил: вспорхнул и улетел на крышу психанутого дома. Крылья у него работали нормально, да и все остальное выглядело целым.

Такое облегчение!

Я:

— Голубь, будь осторожен, они могут вернуться. Смотри в оба! Пойду домой из школы, увидимся, ладно?

Голубь:

— Ладно. Ты хороший мальчик, Гарри. Спасибо за то, что спас меня.

Это я проговорил за него про себя.

Девчонки любят получать подарки. Этим ты показываешь серьезность намерений, что очень важно для них. Иначе они расстраиваются и весь кайф обламывается. Я вручил Поппи Желейное Кольцо — знак своего тайного раскаяния за то, что целовался с Микитой. Поппи надела его себе на палец. Я не просил, она сама.

Поппи:

— Спасибо!

Я:

— Не за что!

Потом она его съела.

Мне даже не хотелось целоваться с Поппи. После того, что со мной учинила Микита, мне ни с кем не хотелось целоваться. Поппи я поцелую, только если попросит. Если займу первое место в День спорта, она меня, наверное, сама поцелует.

Я готов, но только не в губы!

Резак:

— Эй, сосунок! Ты ее уже оттрахал? Показать, как это делается?

Мы проходили мимо. Я даже не смотрел на него, даже не собирался садиться на верхнюю ступеньку. Мне больше по душе ступени, ведущие в корпус естествознания, оттуда много чего видно, и можно поговорить об этом с Поппи. А уж эта лестница… да ну ее.

400 метров — это один круг по беговой дорожке. Немало, между прочим. Я коснулся дорожки на счастье. Бретт Шоукросс тоже коснулся, я видел. Мы с Бреттом — фавориты. Никто не знает, кто из нас выиграет. Зрители бы не против, если бы оба победили, но это невозможно. Победитель может быть только один.

Бретт Шоукросс:

— Можешь рассчитывать на серебро. Мне нужно золото.

Я:

— Удачи.

Бретт Шоукросс:

— При чем тут удача? У тебя надо выиграть, вот и все.

Медалей нет, только грамота. Мне надо побе-

дить, доказать, что я — лучший бегун. Я и папе обещал.

Линкольн Гарвуд был на первой дорожке. Мухлевать собирался, сам сказал. Ему не выиграть, дреды мешают. С ними особо не разгонишься. И вид педешный.

Линкольн Гарвуд:

— Ничего не педешный. А вот бегун из меня не самый быстрый.

Последним он прийти не хотел и разработал план: нарочно упадет и сделает вид, что подвернул ногу. Мы обещали, что никому не скажем.

Ждем свистка. Обстановка нервная. Сердце колотится как сумасшедшее. Народу тьма. Не только друзья-приятели, но и кое-кто из пап и мам.

Только не наша мама. Она опять на работе. Сказала, помолится за мою победу. Не забыла бы.

Постараюсь их всех не подвести. Пусть это будет мой самый лучший забег.

Бегуны собрались в кучку. Кайл Барнс жует резинку. Салим Хан ковыряет в носу. Бретт Шоукросс изображает из себя профи, то одной ногой потрясет, то другой, как настоящий спортсмен перед забегом. Лицо серьезное, решительное. Прямо артист.

Мистер Кенни:

— На старт!

Становимся в стойку. Одно колено подогнуть, руки вытянуть перед собой. Торжественная минута. Все притихли. Понимают.

Мистер Кенни:

— Внимание!

Поза та же, что и при команде «На старт», только чуть приподнимаешься и знаешь, что вот-вот сорвешься с места. Напряжение растет. Готовность номер один. Кто-то пукает. Все смеются.

Мистер Кенни:

— Марш!

Свисток. Забег начался. Линкольн Гарвуд сразу падает. Очень похоже на правду. Катается по земле и держится за ногу. И кричит.

Бегу во весь дух.

Мы с Бреттом Шоукроссом впереди всех. Моя дорожка четвертая, у Бретта — шестая. Не знаю, какая из них счастливая. Они недалеко друг от друга. Жмем на всю катушку. На Бретте «Найки», на мне мои скромные «Диадоры», но я впереди. Смотрю прямо перед собой. Больше всего на свете хочу победить.

Кайл Барнс не выдерживает, задыхается и валится на землю. Все прочие далеко позади.

Все стихает. Хоть я и знаю, что несусь быстро, но мне кажется, что двигаюсь как под водой. А ведь я даже не бегу, а прямо-таки спасаюсь бегством. За мною гонятся. Поймают — разорвут на мелкие кусочки. Быстрее! Еще быстрее! Ты обязан выиграть, иначе все будет кончено!

Последний поворот. Не могу больше, сейчас свалюсь. Чтобы остаться на своей дорожке, снижаю скорость. На финишной прямой опять разгоняюсь и вдруг теряю дыхание. Перед глазами все плывет. Вспоминаю про духа, что живет в моих кроссовках, и обращаюсь к нему с молитвой.

Я (про себя):

— О дух, дай мне свою кровь! Дай мне свою быстроту! Не дай мне умереть!

Финиш близко, я уже вижу линию. Поппи ждет меня, хлопает в ладоши. Ощущаю прилив энергии. Дух входит в мои легкие, ноги поднимаются выше, руки работают быстрее. Я — Усэйн Болт[18], я — Супермен.

Я — живой, и никому меня не догнать. Делаю глубокий выдох и всем телом тянусь к финишной

---

[18] Примечания: 18

Выдающийся ямайский спринтер, трехкратный олимпийский чемпион, трехкратный чемпион мира. Обладатель мировых рекордов в беге на 100 (9,58 с, Берлин, 2009) и 200 метров (19,19 с, Берлин, 2009), а также в эстафете 4 по 100 метров в составе сборной Ямайки (3'ЦО с, Пекин, 2008).

линии. В меня врезается Бретт Шоукросс, и мы оба падаем. Закрываю глаза в ожидании свистка.

Мистер Кенни:

— Первое место — Опоку! Шоукросс — второй!

Я выиграл! Даже не верится. Крикнул бы «Да!», но дыхания нет. Лежу на спине. Надо мной вертится небо и гоняются друг за другом облака. Голова зудит. Наваливается дремота. Хочется глядеть на небо. Хочется повторить забег сначала.

Бретт Шоукросс:

— Ну ты крут. Классно бегаешь.

Чувствую, как на лице у меня появляется широченная улыбка, будто сам Господь нарисовал ее тонкой щекотной кисточкой. Приятно подташнивает. Я самый быстрый в седьмом классе. Это официальный результат. Папе бы сообщить, жду не дождусь. Поднимаюсь на ноги. Всем не терпится пожать мне руку, даже Бретту Шоукроссу и мистеру Кенни. Поппи обнимает меня. Ну, я прямо король. Все мною восхищаются, и никто не поджидает у ворот, знают, что, пока заклинание действует, меня нельзя трогать. Если бы каждый день был таким!

* * *

Тете Соне на корабле придется прятаться. Найдут — выбросят за борт акулам. Порядок таков: сперва тебе нанесут раны, чтобы акулы учуяли кровь, а потом швырнут в море, где тебя и сожрут. За добычу между акулами будет драка. От тебя останутся одни косточки и кровавое пятно на воде.

Мама:

— Зачем тебе ехать неизвестно куда? Живи здесь, пока не найдешь что-то конкретное.

Тетя Соня:

— И чтобы вокруг вертелся Джулиус, который уже всех достал? Ты с ним больше не связывайся. Хватит с тебя и того, что есть.

Мама:

— Слишком поздно. Не надо было брать у него деньги.

Тетя Соня:

— Лучше бы я тебе про него не говорила.

Мама:

— А как бы иначе я здесь устроилась? Авиабилеты на деревьях не растут. Сидела бы дома и

складывала денежку в жестянку: десять песев[19] сюда, пятьдесят — туда. Я сделала свой выбор, никто меня не заставлял. Ради себя, ради детей. Как только расплачусь с долгами, им ничто не будет угрожать. Они добьются куда большего, чем я могла бы им обеспечить. Я тут, под рукой, позволь тебе помочь. Скажи мне, что тебе нужно.

Тетя Соня:

— Твоя плита. Прежняя «я» опять разрастается.

Мама:

— Самое время. Я соскучилась по прежней тебе.

Тетя Соня медленно и печально потерла пальцы. Вот сейчас черная блестящая шкурка отвалится и покажутся новые старые узоры. Если сцинк[20] потеряет хвост, у него вырастет новый. Я прочел это в своей книжке про рептилий. Везет же ящерицам.

Мама:

— Ты не можешь все время находиться в бегах.

Тетя Соня:

---

[19] Примечания: 19

Национальная валюта Ганы — седи, равный 100 песевам (1 долл. США приблизительно равен 2220 седи).

[20] Примечания: 20

Наиболее обширное семейство ящериц, включающее около 130 родов и более 1500 видов.

— В бегах — нет, но я могу начать все сначала. Я заплатила лишние пятьдесят долларов, чтобы попасть на судно, где рулевой в курсе, какая разница между рыбаками и береговым патрулем. Боже тебя сохрани узнать, как пахнет ливийская тюрьма. Мне эта вонь до сих пор снится. Черт, нога чешется как сумасшедшая. Дай мне карандаш.

Нога у тети Сони по колено в гипсе. Мне кажется, это Мастер Уговоров поработал, а Лидия считает, что Джулиус прокатился по ноге на машине. Кто окажется прав, получит сто очков. Тетя Соня помалкивает на этот счет, сказала только, что сама виновата, вовремя не отошла в сторону. Она разрешила мне нарисовать на гипсе картинку, я старался изобразить тебя на счастье, а вышло что-то вроде гуся. Извини!

Тетя Соня:

— Все равно он меня не отпустит, слишком много я знаю. Надо еще прикинуть, какие у меня блага по жизни, вот вроде приличных обезболивающих. «Перкоцета»[21] я глотаю столько, будто это «M&M», такое впечатление, что снова попала в Штаты. Это здорово. Могу я получить эти штуки обратно, доктор? Спасибо!

---

[21] Примечания: 21

Он же «оксикодон» — наркотическое средство, полу синтетический опиоид.

Пришлось вернуть ей костыли. Меня от них так и так мутило. Я открыл тете Соне дверь и проверил, не притаились ли в коридоре враги. Берег был чист.

Тетя Соня:

— Видели, что сделали с вашей дверью?

Она взглядом показала нам, куда смотреть. В дереве были процарапаны большие буквы:

ТРУП

Палочки вышли тонкие и глубокие. Понятное дело, ножом писали, не ручкой. В животе у меня похолодело.

Тетя Соня:

— Кто это сделал?

Я:

— Джанки какой-нибудь. Их тут миллионы шляются.

Я провел пальцем по буквам, как бы стараясь разобраться. Хотя уже знал, кто это написал и для кого. Джордан вечно пускает в ход свой боевой нож, пишет всякую гадость, чтобы показать серьезность намерений и устрашить врага. И еще разбрасывает всюду кожуру от бананов. Я-то ем бананы с кожурой, а Джордан — нет. А что страшного в шкурке, да и в самом Джордане?

На букве У я занозил палец. Совсем чуть-чуть, даже не больно.

Лидия:

— Ты бы видела, что на лестнице понаписано. «Трахал Бога я в зад». (Она произнесла эти слова шепотом, чтобы мама не услышала.)

Тетя Соня:

— Лидия!

Лидия:

— Я просто пересказываю.

Я:

— Кто будет поливать твое дерево, если ты уедешь?

Тетя Соня:

— Могу взять его с собой, оно из пластика.

Меня прямо затошнило. Никто ведь не сказал, что дерево пластмассовое. Мне казалось, оно настоящее. Низость какая.

Я:

— Кому это в голову взбрело делать деревья из пластмассы? Вот уж фигня-то.

Тетя Соня:

— Зато за ним легко ухаживать. Настоящие деревья надо поливать, подкармливать, обеспечивать условия. А пластиковое можно брать с собой куда угодно, оно не загнется, если вдруг

забыл полить. Товар в самый раз для тех, кто не может позаботиться о живом дереве.

Мама:

— Не говори так.

Тетя Соня:

— Это правда, сама знаешь.

Вообще-то, если разобраться, придумано неплохо. Удобнее выходит. А если с самого начала знаешь, что дерево пластиковое, тут и обмана никакого нет.

Супергерои появились на свет вот как. Супермен прибыл с планеты, где каждый обладает суперсилой. У Шторма, Циклопа и Айсмена есть икс-ген.

Алтаф:

— Он у них в крови с самого рождения. Они показали свой дар еще в пеленках.

Я:

— Класс!

Алтаф:

— Мне больше нравится, если супергерой рождается нормальным. Как Человек-паук, он ведь был самым обыкновенным, пока его не укусил паук. Даже не хотел ничем выделяться. Но когда сверхъестественная сила проявилась, он понял, что может пустить ее на пользу.

Я:

— Как?

Алтаф:

— Одно за другим пошли ужасные преступления. И его сила понадобилась. Бог всевидящ и всезнающ, он нарочно наслал на него паука. Жалко, что так бывает не всегда. А то бы я запросто спас папу.

Я:

— А что с ним случилось?

Алтаф:

— Он погиб на войне.

Я:

— Ты прямо видел? И на вертолетах были пушки?

Алтаф:

— Не, не видел. Мы убежали раньше, чем эфиопы пришли. А как танки ревут, я слышал. Очень громко, похоже на землетрясение. Папа должен был нас догнать, когда бои закончатся, но в него попала ракета. То есть стреляли-то не по нему, а попали в него. Столб дыма — и нет папы. Если бы у меня была сила, я бы поймал ракету. Но я тогда даже не слыхал про супергероев. Мне про них рассказали только здесь.

И Алтаф вернулся к неоконченному рисунку.

Наполовину человек, наполовину лев. Он его точно назовет Человек-лев. Из всех, кого знаю, Алтаф умеет рисовать лучше всех.

Я:

— Ты должен дать ему ночное зрение. Львы видят в темноте.

Алтаф:

— Я и так собирался.

Я:

— Знаешь что? Человек-змея на самом деле существует, я его видел.

Алтаф:

— Где?

Я:

— В Интернете на YouTube. Я видел, как он появился на свет. Набери «змея ест мальчика», тогда сам увидишь. Не бойся, она его потом выплевывает. Ты такого еще не видел. Чесслово, реально все.

Алтаф:

— Прикольно!

Мне тоже больше по душе, когда они рождаются нормальными. Получается, супергероем может стать каждый. И я тоже.

Надо всего-навсего раздобыть радиоактивного паука или слопать нужную отраву Я бы хотел

стать невидимым, уметь летать, читать мысли и обладать суперсилой. С таким набором выиграешь войну и поймаешь убийцу. А особый костюм мне ни к чему, зачем привлекать к себе внимание. У костюмов и вид педешный.

* * *

Надеюсь, нам на большие каникулы ничего не зададут. Вот была бы жопа! Все вокруг того же мнения.

Коннор Грин:

— Вот подляк будет, туши свет.

Кайл Барнс:

— В десятку.

Я:

— Конкретно. Это… как его… попухалово.

«Попухалово», — значит, жутко не повезло. Мы сотворили заклинание. Я, Дин, Коннор Грин и Кайл Барнс.

Дин:

— Если никто из нас не будет в оставшиеся дни наступать на трещины, тогда на каникулах каждый день будет светить солнце и ничего не зададут на дом. Согласны?

Мы все:

— Согласны!

Кто первый наступит на трещину, того башкой засунут в унитаз. Если делать мелкие шажки, словно пингвин, сможешь вовремя остановиться и не поставить ногу куда не надо. Так оно безопаснее. Каникулы ожидаются классные. Первым делом мы отправимся в зоопарк. Папа, Агнес и бабушка Ама к тому времени прибудут сюда. Бывает, пингвинов даже разрешают кормить. Агнес помрет со смеху, она в жизни ни одного пингвина не видела. Агнес так мило обнимается, даже если засунет палец тебе в нос.

Потом мы отправимся в настоящее велосипедное путешествие, только я и Дин. Велосипеды купим на полученное от полиции вознаграждение. Выедем рано утром и вернемся глубокой ночью. Весь Лондон объедем, и Глаз Лондона[22] посетим, и дворец, и музей динозавров.

Дин:

— Спрячемся в ребро тираннозавра, а когда музей закроют на ночь, вылезем и будем делать, что захотим! Вот будет прикольно!

---

[22] Примечания: 22

Одно из крупнейших колес обозрения в мире, расположенное в лондонском районе Ламбет на южном берегу Темзы. С высоты 135 м открывается вид практически на весь город. Колесо обозрения — проект архитекторов Дэвида Маркса и Джулии Барфилд, победивший на конкурсе проектов построек в честь наступления нового тысячелетия. Воплощение проекта в жизнь заняло шесть лет.

Я:

— Круто будет, особенно если экспонаты ночью оживут.

Дин:

— Тираннозавр пусть уж лучше не оживает. Он нас с какашками съест.

Я:

— В десятку!

Мы позаимствовали телефон у Лидии, но ей самой про это ни гугу. К чему ей знать, что мы взялись за дело полиции? Я снимал: наставил камеру прямо на Дина и положил палец на кнопку, чтобы успеть щелкнуть, если дух мертвого пацана вдруг появится. Мы обошли вокруг баскетбольную площадку, ведь мертвец тут дневал и ночевал. Мысль попробовать снять его призрак на камеру пришла мне. Какая-то частичка духа умершего обязательно остается там, где он любил бывать, даже если душа уже отправилась на небеса. Пусть эта частичка совсем крошечная, если хорошенько постараться, ее можно почувствовать.

Я:

— Это типа наступил в лужу и потом оставляешь мокрые следы. След высохнет не сразу, точно так же и дух не исчезнет моментально, а оста-

нется довольно-таки надолго, ведь его сотворили твое тело и твои чувства. А они поважнее будут, чем какой-то след.

Дин:

— Ух ты! Пошевеливайся давай!

Я взял с собой фотку мертвого пацана, все-таки источник дополнительной энергии, и помолился про себя, чтобы он нас нашел. Если мы сумеем вызвать его дух и он успеет рассказать нам, что случилось, и назвать имя того, кто его зарезал, больше никаких вещдоков не понадобится и пусть покоится с миром во веки веков.

Я:

— Чувствуешь что-нибудь?

Дин:

— Ага. Чувствую себя последним дураком. Ни фига у нас не выйдет. Пошли отсюда.

Я:

— А ты старайся. Вообрази, что ты — мертвый пацан и чувствуешь и видишь то же, что он. Если сосредоточишься, получится.

Мертвец круто играл в баскет. Как-то забросил мяч в корзину с другого конца площадки. Один бросок на миллион, больше никогда не увидишь. Все вокруг сказали, мол, просто повезло, но пацан только улыбался, будто все заранее спланировал.

Он даже не стал выпендриваться, играл себе дальше. З-Омби обозвал его понтогоном, но парень пропустил его слова мимо ушей. Когда З-Омби с Убейцей стали его пихать, он им ответил. Молодец, ничего не боялся.

З-Омби:

— Понтогон затраханный. Любой дурак так сможет.

Мертвый пацан:

— Давай-ка попробуй. Посмотрим.

З-Омби:

— Иди нах, сопля, не путайся под ногами.

Убейца:

— В рог дать?

Мертвый пацан:

— Потише, парни. Ведите себя хорошо.

Я стоял за забором и все видел. Сперва З-Омби толкнул пацана, потом Убейца. Потом пацан толкнул Убейцу. Глаза у всех налились кровью. Шло по нарастающей: то они его пихнут, то он кого-нибудь из них. Наконец пацан так толкнул Убейцу, что тот упал, футболка задралась и стала видна ручка отвертки, заткнутой сзади за пояс. Даже звуки ударов были хорошо слышны. Никто не собирался останавливаться, словно кто-то нажал не на ту кнопку и махач будет продолжать-

ся, пока батарейки не сядут. Участники игры, в основном ребята помладше вроде меня, стояли и смотрели. Драка закончилась, только когда кто-то попытался спереть у пацана велик. Тут уж, ясное дело, бросай все и лови вора.

Убейца:

— Перебздел! Очко заиграло!

З-Омби:

— Беги, беги!

Я думал, представлению конец, но пацан сел на свой велосипед и вернулся назад. Набрал полный рот воды из бутылки и как фыркнет на Убейцу. И майку ему залил, и вообще.

Мертвый пацан:

— Это у тебя очко играет, ссыкун!

И укатил. Убейца был злой как черт. Вода с него так и капала. Мальчишка из тех, что помладше, кинул в него мячом.

Мальчишка из тех, что помладше:

— Ссыкун!

Вот тут-то я понял: кого-нибудь обязательно убьют, и быстренько побежал домой, чтобы только не меня. Дело было давным-давно, я только приехал в Англию. Сейчас баскетбольная площадка почти все время пустая. Кто-то порвал сетки и попытался поджечь столбы. А корзина

без сетки вроде как и не корзина.

Дин лежит на земле под баскетбольной корзиной, глаза закрыты, руки разбросаны в стороны, будто у ангела.

Дин:

— Да не чувствую я ничего, говорю же тебе!

Я:

— Это все потому, что он не был с тобой знаком, дух тебе не доверяет, не знает, друг ты или враг. Все путем, дух, он со мной. Мы хотим помочь.

З-Омби:

— Эй, и что тут парочка недоумков вытворяет? Наркоты на завтрак объелись?

З-Омби и Шиззи блокировали калитку. За оградой маячит Убейца, на нем висит Микита. Я быстро перебрасываю через забор телефон Лидии, авось в траве не заметят.

Шиззи:

— Знаете, что границу нарушили? Платите теперь налог. Сколько у вас с собой?

Дин:

— Нисколько.

Шиззи:

— Не зли меня.

Заставляет Дина вывернуть карманы. У Дина при себе 63 пенса. Шиззи отбирает. Ничего не

могу поделать. Бежать тоже некуда.

Шиззи:

— А кроссовки?

Дин:

— Что кроссовки?

Шиззи:

— Скидывай, пока в бубен не заработал. Повторять не буду.

Дин снимает кроссовки. На носках у него теннисист. Это и есть его самые любимые носки? Вопрос не ко времени.

В кроссовках ничего не спрятано.

З-Омби:

— А как насчет тебя, Гана? Колись, что заныкал?

Я:

— Ничего.

В животе у меня делается холодно. Сжимаю в кармане кошелек мертвого пацана с фоткой.

Шиззи:

— Что это там у тебя?

Хватает меня за руку и тянет. Стараюсь затолкать ее поглубже в карман. Напрягаюсь изо всех сил, сжимаю пальцы. Передо мной возникает лицо мертвого пацана, живое и смеющееся. Никто нас не разлучит. Тут Шиззи наступает мне на

ногу залезает в карман и вытаскивает кошелек. Фотка падает на землю.

Шиззи:

— Что это? А денег нет? Где бабло?

Обыскивает кошелек (там пусто) и отбрасывает в сторону словно никому не нужный мусор, никчемную ничью вещь. Убейца подбирает фотку. Делается тихо. Лицо у Убейцы застывает. Он не отрываясь смотрит на фотку, будто хочет сжечь ее взглядом.

Убейца:

— Откуда это у вас?

Дин:

— Нашли.

Микита:

— Да это ерунда. Всего-навсего фото, оно ничего не значит.

Убейца:

— Тебе-то почем знать? Тоже мне эксперт. «Значит — не значит».

Микита:

— Я просто сказала свое мнение, мальчики.

Убейца:

— Отлипни от меня.

Стряхивает Микиту. Та отлетает в сторону. Сама виновата, нечего было вешаться на шею. Дин

надевает кроссовки. Воздух сгустился от преступных мыслей, я будто тону в море черноты. Убейца ест глазами фотку.

Не удивлюсь, если она загорится прямо у него в руках.

З-Омби:

— Реши вопрос. Раз и навсегда. Ну?

Убейца:

— А если мне не хочется? Это дерьмо зашло слишком далеко. Все, конец.

З-Омби:

— Это я скажу, когда конец. Вали отсюда, без тебя разберемся. Давай сюда фотку и вали!

Он забирает у Убейцы фотку и пинает его в зад, чтобы пошевеливался. Микита снова вешается на шею Убейце, он ее отталкивает и, чуть не плача, срывается с места. Перебегает через дорогу, локти нарастопырку, как у девчонки. Мне его даже делается жалко, откуда-то появляется симпатия. Все они симпатичные, когда уходят прочь.

З-Омби поджигает фотку мертвого пацана зажигалкой, дух рассыпается на мелкие искорки, дым расходится в воздухе. Бежать некуда.

З-Омби:

— Шиззи, прикрой ворота. Чтобы эта парочка никуда не свалила.

Шиззи перекрывает нам дорогу. Ищу глазами, не раздвинуты ли где прутья забора, но щели, чтобы можно было пролезть, что-то не видно. Мы с Дином жмемся друг к другу. З-Омби направляется к нам, и глаза у него даже не бешеные. Спокойные у него глаза. Он решился. Тянет руку к заднему карману штанов. Знаю, там у него боевой нож. В окнах домов ни души, спасать нас некому. З-Омби поднимает капюшон.

Ты приближаешься со стороны солнца. Сюда, голубь, помоги нам!

Лидия:

— А ну отойдите от него! Я звоню в полицию!

У меня чуть сердце из груди не выпрыгивает. Оборачиваюсь: Лидия с той стороны забора снимает на свой мобильник. Значит, нашла, куда я его зашвырнул. Значит, почувствовала, что я попал в беду.

З-Омби:

— Хватай ее!

Я:

— Беги!

Шиззи бросается к моей сестре. Мне остается только молиться. Вижу, как ты гадишь на лету, дерьмо пролетает у самого носа З-Омби. Он отпрыгивает в сторону, и мы с Дином используем

момент и проскальзываем в ворота, где уже нет Шиззи.

З-Омби:

— Убью, нах!

Проверять правдивость его слов нет времени. Впереди несется Лидия, бегу за ней. Ни в коем случае не терять ее из виду! Во рту появляется привкус дождя. Беги, не останавливайся, шевели копытами, а то все рухнет! Быстро оглядываюсь. З-Омби не видать, да и Шиззи куда-то делся. Все равно бегу во весь дух. Мы тормозим только возле магазинов.

Лидия:

— Библиотека! Быстрее!

Врываемся в большую библиотеку здесь мы в безопасности. Взлетаем по лестнице к компьютерам. Переводим дух. Лидия показывает нам отснятые кадры. Она все зафиксировала: и Убейцу, впавшего в печаль, и как З-Омби сжигает фотку мертвого пацана. Вовремя же она появилась.

Дин:

— Не вздумай стереть.

Лидия:

— Еще чего! Что у вас за разборка?

Я:

— Мы просто выполняли свой долг.

Лидия:

— Ой, попадет тебе от мамы.

Отправляет видео по электронной почте Абене: так оно сохраннее будет. Это отнимает кучу времени, так что мы вроде переждали опасность.

Дома я запираю все запоры и с открытыми глазами выпиваю целый стакан воды. Писаю, а облака словно и нет. Одни пузырьки в средстве для унитазов.

Я бы сделал больше, но после драки с сороками не могу быстро двигаться, я бы спас тебя, но это место не мое. Босс любит повторять: они только куски мяса, облекающие ярко пылающую звезду. Мы не оплакиваем прохудившуюся оболочку мы приветствуем высвободившуюся звезду. На сплетенных боссом веревках мы тянем ее на нужное место, пусть светит сквозь осыпающуюся краску прошлой жизни, озаряет скорбящей матери дорогу, ведущую обратно к ее богу.

Дождь льет, море поднимается, а ты идешь, всем назло, никого не слушая, идешь, влекомый стальным инстинктом или мягким компромиссом, идешь, потому что таким появился на свет. Ты идешь, и мы любим тебя за это.

Мы будем скучать, когда ты пройдешь свой

путь до конца.

* * *

Коннор Грин наступил на трещину нарочно топнул прямо по ней. Заклятие разрушено, и летние каникулы теперь коту под хвост. И все из-за Коннора Грина. Каждый из нас треснул его. Он сам разрешил. Сказал, ему без разницы.

Кайл Барнс:

— Ну ты, жопа! Зачем?!

Коннор Грин:

— Такое было настроение. И что с того? Не заклятие, а дерьмо какое-то.

Кайл Барнс:

— Сам ты дерьмо.

Коннор Грин:

— Зато я знаю кое-что, а вы — нет. Мне известно, кто пришил пацана.

Натан Бойд:

— Какого пацана?

Коннор Грин:

— Которого зарезали возле «Цыплят Джо». Я все видел.

В животе у меня похолодело. Все во мне замерло, даже кровь в жилах перестала течь.

Коннор Грин:

— Серьезно. Я проезжал мимо и видел, как в пацана воткнули нож и как Жермен Брент рвал оттуда когти. Все своими глазами видел.

Кайл Барнс:

— А почему копам ничего не сказал?

Коннор Грин:

— Съехал, что ли? Чтоб меня порезали? Пусть сами распутывают.

Натан Бойд:

— Я тебе не верю. На чем это ты проезжал мимо?

Коннор Грин:

— На машине брата.

Кайл Барнс:

— А какая у него машина?

Коннор Грин:

— «Бумер». Пятерка.

Все врет, поняли мы. У брата Коннора не может быть БМВ, не такой он богач. У самого Коннора и кроссовки-то всего-навсего «Рибок Трейл Берет». Натан Бойд стал принюхиваться. Все приготовились смеяться.

Натан Бойд:

— Что за дух я чую? А вы чуете? Собачье дерьмо? Нет. Коровий навоз? Нет. Погодите. Конский навоз, пожалуй.

Коннор Грин:

— Пошел на хрен.

Натан Бойд:

— Точно, лошадь. Бред сивой кобылы.

Я не хотел верить Коннору, уж очень страшно было. Я надеялся, что есть какой-то другой Жермен Брент, не Убейца, и тогда все не так жутко, и моя жизнь снова станет нормальной. Я очень этого хотел, а то ведь все разлетится на крошечные осколки, и ничего уже будет не исправить. Наверное, нет у меня таланта детектива. Да и опасно это слишком.

Играл когда-нибудь в английскую лапту? Чесслово, достает она. Попробуй попади по мячу. Бита маленькая и не той формы. У меня не выходит. Мне бы Мастера Уговоров, у него хоть размер подходящий. Ждешь, ждешь своей очереди, а встанешь на отбой, даже по мячу не попасть. Жесть просто! Все вокруг болели за меня.

Все вокруг:

— Ну же, Гарри, давай!

Мне хотелось забабахать мяч подальше, типа как Бретт Шоукросс. На него посмотреть, все проще простого. А мне ни разу по мячику попасть не удалось. От злости даже зубы свело. В конце концов я плюнул и подался в полевые игроки.

Стой и жди, а когда мячик к тебе прилетит, постарайся поймать. Скучища. Он не прилетает, хоть тресни. У меня прямо руки опустились, и я сел. Сидел, пока мистер Кенни не велел пробежаться вокруг поля.

Мистер Кенни:

— Опоку, на старт! Один круг!

Никто не знает про мой план. Это тайна для всего мира. Подождал, отбежал подальше и юркнул в дыру в заборе. Если съем лесное яблоко, получу все сверхспособности, которые мне нужны. И они защитят меня. Мне Алтаф подал эту идею. Мне надоело ждать, когда меня укусит радиоактивный паук, пора самому попробовать волшебные ядовитые плоды. Съем — и тогда плохие парни не смогут мне сделать ничего дурного, и я переживу лето в целости и сохранности.

Перво-наперво я проверил, не прячется ли где на дереве асасанбонсам. Берег был чист. Деревья тут не такие высокие, а ветки чересчур тонкие. Я был с ними один на один. Воздух пах дождем. Птиц не было видно, слышалась только их болтовня.

Я:

— Привет, голубь, это ты? Посторожи меня, ладно?

Голубь:

— Сделаю.

Роща оказалась меньше, чем я думал. Просматривалась насквозь, за деревьями виднелись дома и улицы. Жалко, что я тут не первый, до меня перебывала целая куча народу, всюду битые бутылки и грязные обертки от конфет. Это плохо. Я углубился между деревьев и подобрал из-под самой красивой яблони два самых красивых яблока. Маленькие только. Для всех остальных — яд, для меня — метеориты. Они помогут обрести сверхсилы.

Я присел на поваленное дерево. Как тихо! В голову полезли мысли о том, что мне предстоит совершить и какие дарования для этого понадобятся. Я глубоко вдохнул и надкусил первое яблоко.

Чесслово, такой гадости мне есть еще не доводилось! Выплюнуть нельзя, а то колдовство не сработает. Я прижал ко рту руку, закрыл глаза и принялся жевать. В животе забурлило. Я напряг силы и проглотил все разом, только семечки выплюнул. Открыл глаза. Все вокруг стало каким-то серым. Тошнило. Я снова глубоко вдохнул и надкусил второе яблоко, стараясь забыть про тошноту и мерзкий вкус. Жевал и глотал, жевал

и глотал, целая вечность прошла. Только когда все съел, сплюнул, чтобы избавиться от мерзкого привкуса.

С животом у меня сделалось совсем нехорошо, я еле поднялся. Захотелось по-большому, но я сдерживался, а то высрешь все обретенные способности. Подождал. Меня бросало то в жар, то в холод, это, видать, мой новый дар располагался во мне поудобнее. А он мне ужасно нужен. Он защитит меня и накажет злодеев. Я мелко пукнул, запустил дятлову дробь. За дробью следовало кое-что важное-влажное, но я удержался. Я вам не Дристун-Мен, я — Напролом-Мен.

Из рощи я вышел пошатываясь. Мистер Кенни меня поджидал.

Мистер Кенни:

— Где ты был?

— Мне стало нехорошо, сэр.

Натан Бойд:

— Курил небось в роще.

Коннор Грин:

— Балду гонял.

Я:

— Конечно, нет.

Мистер Кенни:

— Довольно.

Мистер Кенни до конца игры разрешил мне сидеть. Английская лапта все равно занудство. Бита дурацкая, фиг попадешь по мячу. Ее бы сплющить немного. Не понимаю, почему это никому еще не пришло в голову.

* * *

Война пришла в наши края. Реальная война, какую только можно представить. Черный жирный дым, совсем как в Африке, закрыл все небо. Его можно было увидеть за сто миль. Толпа смотрела, как умирает детская площадка.

Дин:

— Я сперва подумал, самолет упал. А жалко, круто было бы.

Кто-то поджег качели. От них дыму больше всего. Запах горелой резины лез в нос, и больше я ничего не мог учуять. Знаешь, когда такая вонь стоит, даже смех разбирает. Только смеяться нельзя, взрослые ведь смотрят. Пожар — большое несчастье, и нужно быть серьезным.

Мама Дина:

— Все эти проклятые дети. Возвращаюсь из аптеки, гляжу — поджигают.

Леди с большими руками:

— Когда это было?

Мама Дина:

— Да только что. Я из аптеки шла. Так и знала: что-то затеяли.

Папа Маника:

— Маленькие ублюдки.

Замок с лестницами тоже пылал. Металлические части почернели, а сетка сгорела. Огонь был очень жарким. От него даже лицо зудело. И глаза закрывались, будто сон сморил. Такого шикарного пожара я еще не видел.

Детишки поменьше устроили игру: кто подбежит к огню ближе. Выстроятся в ряд и бегут прямо на пламя, а потом обратно. Зверски круто. Мне тоже захотелось сыграть, только надо было проявлять солидность. Все-таки седьмой класс, пример надо показывать. Все остальные молча глазели на пожар. А что говорить? Поделать-то уже ничего нельзя. Игровая площадка на глазах умирала, и никто не спешил спасать имущество. Любовались пламенем, и все. Огонь всегда выходит победителем. Зрелище и роскошное, и жоханое одновременно.

Вновь прибывшим немедленно рассказывали про детей, устроивших пожар. Каждый новый человек выдавал что-то похожее:

Новый человек:

— Вот ведь засранцы!

И сливался с толпой зрителей. Получалось, типа у каждого имелась тайна, которой можно было делиться с окружающими, секрет общего пользования. Складывалось впечатление, словно все заодно, все друг друга знают, хотя ты, может, никогда раньше с этими людьми не говорил и даже не в курсе, как их зовут. Один за всех, все за одного. Это лучшее, что несет с собой война.

Лидия сфоткала пожар. На снимке получился сплошной черный дым.

Я:

— Хо, даже огня не видно! Щелкни еще раз!

Лидия:

— Не приставай! Еще телефон расплавится!

Я:

— Ничего с ним не сделается! Сними пиратский корабль, пока не затонул!

Лидия:

— Нет, я ухожу, дым очень глаза ест. Ты со мной?

Я:

— Остаюсь. Пойду домой вместе с Дином.

Лидия:

— Ты поосторожнее. Смотри, чтобы кто из них за тобой не увязался.

Я:

— Прослежу!

Всего-то хотелось щелкнуть пиратский корабль, пока не исчез с лица земли. Хотелось поприсутствовать при последних минутах детской площадки, чтобы она знала: я любил ее и оставался с ней до последнего.

Терри Шушера:

— Все путем, малыш? Что произошло?

Я:

— Небольшой пожар. Эшафотка! Привет, собака! Привет, малышка!

Эшафотка облизала мне все лицо. Очень мило, даже если собакин язык попадал мне по губам. На больших каникулах научу ее охотиться на духов.

Терри Шушера:

— Диски с кино не нужны? Есть хорошие, про зомби.

Я:

— Нет, спасибо. Деньги за пиратские диски идут прямым ходом Усаме бен Ладену. Нам в школе говорили.

Терри Шушера:

— Ну как скажешь.

Прибыла пожарная машина. Сирену я издалека услышал. Пожарные въехали прямо на лужайку.

Все огорчились, когда сирену выключили, каждому хотелось послушать ее вблизи.

Пожарный:

— Все назад!

Но люди только теснее сплотились — ничего с собой не могли поделать. Ребятишки поменьше оказались самые смелые — не послушались пожарных, чуть ли не прямо в огонь полезли. Это ведь так здорово, помогать тушить пламя.

Кто-то из детишек попробовал поднять шланг, но даже с места сдвинуть не получилось, такой тяжелый. Мальчишка заплакал. Прикольно вышло.

Пожарный:

— Спасибо, приятель, я сам его возьму. В следующий раз поможешь, ладно?

Струи воды вонзились в огонь как пули. Пожарные знали свое дело, пламя потушили за минуту. Площадка для игр сразу приобрела мерзкий вид. Сплошная грязь, черная и мертвая. Я себя тоже мертвым почувствовал. Даже захотелось, чтобы огонь разгорелся снова и прикрыл грязь.

Все радостно махали пожарным на прощание. Мне было грустно. Когда еще доведется их увидеть.

Дин:

— Если бы знать, что они так быстро управятся, я бы еще что-нибудь поджег, пусть гасят подольше!

Мама Дина:

— Не вздумай!

Дин:

— Да шутка это!

Пожар потушили, и я вдруг увидел много всяких вещей, которых не видел прежде, печальных и психанутых вещей, которым тут не место. Вот мертвый канат, черный и обуглившийся. Вылитая змея — сейчас начнет извиваться и уползет под кучу обгорелых досок. Вот мертвая монетка, валяется на земле у покореженной божьей коровки. Я представил, что это коровкина какашка, — насекомое так перепугалось во время пожара, что обделалось. Мне стало жалко коровку, хоть я и знал, что она из железа и пластмассы. Голова у нее оплавилась и вся скособочилась.

Детишки поменьше затеяли новую игру: на спор хватали с земли еще горячие головешки. Больше двух секунд никто не мог удержать. Сквозь дым я увидел Убейцу. Он был один, без своих корешей, пришел поглазеть на пожар типа как все остальные. Убейца поднял с земли головешку, зажал в кулаке и застыл, будто нарочно

ждал, когда она сожжет ему кожу. По-моему, ему даже нравилось. Я успел досчитать до 28, и то не сразу начал, пока он ее бросил. А потом засунул руки в карманы и ушел, ни на кого не глядя. Со стороны казалось, ему так же грустно, как и мне. Хотя если Убейца и пользовался лестничным замком, то только чтобы выпендриваться.

Посветлело. Дым начал рассеиваться, и я вспомнил, что ведь еще день. Спать мне больше не хотелось. Люди стали расходиться по домам. Мы с Дином остались, неважно, что детская площадка накрылась. Ничего уже не изменишь, но вдруг что-то важное и неведомое покажется из-под пепла, наделит нас даром, и тогда мы сможем видеть то, что скрыто.

Маленький мальчишка продолжал плакать.

Мальчишка:

— Теперь уже с горки не скатишься.

Мама мальчишки:

— Не расстраивайся, новую построят. Лучше старой будет.

Надеюсь, новая горка будет самая длинная на свете, и, чтобы съехать вниз, понадобится целая вечность. Раз, и готово — это разве удовольствие? Досада одна. Хотя горки я уже давно перерос. Стать бы маленьким на минуточку, только чтобы

съехать один раз.

Я прошелся по пепелищу детской площадки, испачкал копотью свои оранжевые лапки — в надежде, что пламя повлечет за собой некие уступки, изменение плана в последний момент, что тлеющие угольки подпалят мои крылья… Не сработало. Я по-прежнему здесь со всеми вытекающими последствиями, передо мной по-прежнему задача, которую предстоит выполнить. Нет покоя грешникам, и все такое.

Мы предпочитаем, чтобы вы шли сторонкой, а не перли прямо на нас. Нам по душе, если нас не беспокоят, когда мы едим или поглощены ритуалом ухаживания. Мы требуем равноправия с вами: права на жизнь, права на жилище, чтобы было где погадить, где поспать, где воспитывать потомство. Не травите нас ядом за то, что мы устраиваем беспорядок. Вы тоже устраиваете беспорядок. Из того, что полагалось, нам много чего недодали, если уж на то пошло.

Оставьте нас в покое, и все будет чинно-благородно. Будьте к нам добры, и мы ответим вам тем же, когда придет время. А до поры да пребудете с миром.

* * *

Я, Дин и Лидия отправились в школу все вместе — так оно безопаснее. Не верилось, что сегодня началась война, ведь это последний школьный день. Все казалось таким радостным. Все улыбались от уха до уха. Все весело кричали. И мы тоже. Просто сдержаться не могли.

Я и Дин:

— Последний день! Свобода!

Лидия:

— Ой! Не ори мне в ухо!

Я:

— А-а-а-а-р-р-р! (Это я громко кричу Лидии в ухо.)

На географии мистер Кэррол включил вентилятор. Точнее, когда мы зашли в класс, пропеллер уже крутился. Приятная неожиданность. Все прямо с ума сошли от радости, засуетились, подставляя лицо ветерку.

И не только лица. Потаенные места тоже. Ну, не совсем. Задирали рубашки, оголяли животы. Сквозняк на животе — это так здорово!

Кайл Барнс:

— Смотрите, у Дэниэла соски набухли! Во извращенец!

Дэниэл Бивен:

— Не гони!

Брейден Кэмпбелл:

— Да у него тут деревяшка! Слышь, Шармен? Постучи Дэниэлу по деревяшке.

Шармен Де Фрейтас:

— Отвали!

Все повязали головы галстуками типа как ниндзя. Одиннадцатиклассники написали на рубашках свои имена и пожелания счастья. Эти рубашки на них в последний раз. Школа закончена, они уже сюда не вернутся, и надо перед тем, как отправиться в большую жизнь, пожелать приятелю счастливого пути. Это традиция такая. По-моему, здорово. Жду не дождусь, когда сам поучаствую.

УДАЧИ держи хвост пистолетом Кент
НОРТВЕЛЛ МЭНОР ПОКА НЕ СДОХНУ Тайрон
БУДЬ ПРОЩЕ РАЗБОГАТЕЙ или сдохни наоми
ТРАХАНАЯ ШКОЛА в «льюси-хилл»
ВСЕ ПИДОРЫ
ИМЕЛ Я КОПОВ ЛЕОН
БОЖЕ ХРАНИ НАРКОТУ Деймон
МИСТЕР ПЕРРИ СОСЕТ У ПСА
ЗАВЯЗАЛ С ОБРАЗОВАНИЕМ Чериз
КРУТЫЕ СИСЬКИ РУФУС

повторяй за мной: А ТЫ ХОЧЕШЬ СОГРЕТЬСЯ?

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ

НИКАКИХ НАЛОГОВ, ДИЛЕРЫ РУЛЯТ

УВИДИМСЯ В ЦЕНТРЕ ЗАНЯТОСТИ

ФАСАР — КОЗЕЛ Донован

прическа от Тони-энд-Гай, личность от Рональда Макдоналда

МАЛАКИ — УРОД И МУДИЛА

джинджер Зайда

МОЯ ТВОЯ ЛЮБИТЬ ДАВНО-ДАВНО

ЗАВТРА ПЕРВЫЙ ДЕНЬ КОНЦА ЖИЗНИ — ВОТ ХРЕНЬ!

Не дергайся и будь счастлив МУУМБЕ

Я единственный гей в деревне ДЕВСТВЕННИК

Высоко подняться просто, влезь на дерево

Все мудаки кроме меня

ЛЮБИ СВОЮ МЕЧТУ

МАРВИН П — ВЗЛОМЩИК ВОЛОСАТЫХ СЕЙФОВ

БУДЬ ДОБРЫМ ТОЛЬКО НЕ СО ВСЕМИ ПОДРЯД

Предупреждаю: будущего нет!

МОТАХИР трахни шлюху на разминке

НАТАША ИНДИЯ

КУРИМ ВСЕ

Бог был моим штурманом, но мы разбились в горах, и я его съел

ВСЕМ НА ВСЕ НАСРАТЬ Джек

ЧУРКА АЗИАТСКАЯ

Говорю тебе: ты ослепнешь

МЮНТЕР КУПИ ЕЩЕ ДРЯНИ Лестер

мы все сделаны из звезд симона Коринна

ДЖЕЙСОН Б ТРАХАЛ МОЮ МАМОЧКУ

НИНДЗЯ ПРОТИВ ЭМО

укуси меня за блестящую металлическую жопу! Майкл Д

УМНЫЕ СЛОВА

Наш отброс школу перерос!

ВСЕ БУДЕТ КЛЕВО!

Каждый раз, когда я не говорил, что люблю тебя, я лгал Нахид

ЛЮБЛЮ ПОГЛУБЖЕ В ЗАД

Все смотрели в окно. Одиннадцатый класс выпустили перед нами. Кое-кто из них забросил свои джемперы на деревья, кое-кто захватил с собой суперполивалки и водяные бомбы и устроил баталию. Все вмиг сделались мокрые. Зверски круто. Там и тут завязались драки, так что стало еще прикольнее. Мы дождаться не могли, когда нас выпустят, всем хотелось побегать, высунув язык, как собачки. За пять минут до конца мы запели.

Все вокруг:

— *Мы хотим свободы! Мы хотим свободы!*

Первый начал Кайл Барнс, за ним подключились все остальные, даже тихони. Круто было. Мы барабанили по партам и орали.

Все вокруг:

— *На волю! На волю! На волю!*

В конце концов мистер Кэррол сдался и прервал урок. А то целое восстание бы поднялось.

Мистер Кэррол:

— Ваша взяла. Всем замечательных каникул. Ведите себя хорошо!

Все вокруг:

— Обязательно!

Правило «По лестнице не бегать» вылетело из головы, ноги сами несли тебя вперед. Получился типа забег во имя будущего. Типа лето принадлежит тому, кто первый выбежал во двор.

Все обвязали галстуки вокруг головы и ловили ртами струи дождя. Мы с Поппи шли к воротам вместе, держась за руки. Классно было. Сердце у меня колотилось. Поппи была еще красивее, чем всегда. Даже страшновато стало. Дико, конечно, но это так. Мне вспомнилось, какая она красавица, и воспоминание меня напугало. В животе все перевернулось, словно я в самолете.

Я:

— Хороших каникул тебе.

Поппи:

— И тебе тоже. Ты поедешь в Гану?

Я:

— Нет. Я в зоопарк собираюсь выбраться. Пойдешь со мной?

Поппи:

— Не могу. Я еду в Испанию.

Я:

— Насовсем?

Поппи:

— Нет. Всего на две недели.

— А в эту школу ты вернешься?

Поппи:

— Конечно. А ты?

Я:

— Думаю, да.

Поппи:

— Это хорошо.

Сказать бы, что я ее люблю, да не выходит както. Очень уж возвышенно получается. И глупо. Пришлось эти слова проглотить. Пусть до поры до времени посидят у меня в животе.

Поппи:

— Будешь отправлять мне эсэмэски?

Я:

— Ладно.

Поппи написала свой номер у меня на руке. Щекотно. Цифры вышли лиловые. Я пришел в восторг, будто получил сообщение с наилучшими пожеланиями. Не стал ей говорить, что у меня нет телефона. Ничего, одолжу у Лидии, думаю, не откажет. Попрошу себе телефон на день рождения, всего-то месяц остался. Пусть будет без камеры, неважно. Главное, чтобы с Поппи можно было поговорить…

И тут Поппи меня поцеловала. Ни с того ни с сего. Несколько раз, прямо в губы. Восхитительно. На этот раз я не испугался. Поцелуй был теплый и совсем не мокрый. И никакого языка. Дыхание ее пахло апельсиновым «Тик-таком». Микита моментально вылетела у меня из головы, забыть и затоптать.

Я закрыл глаза, продолжая идти вслед за Поппи. Какие мягкие у нее губы. Само умиротворение. Так бы и заснул навсегда.

Коннор Грин:

— Эй, глядите, у Гарри деревяшка! Что случилось, сегодня что, Праздник Деревяшек?

Коннор Грин принялся кидаться в нас ватными шариками. Я словно пробудился от сладкого сна, когда и просыпаться-то не хочется.

Поппи:

— Отсохни, Коннор.

Мы подошли к воротам, где Поппи ждала мама. Хорошо бы их машина сломалась и я проводил Поппи до дома пешком!

Поппи:

— Ну, пока.

Я:

— Пока.

Поппи помахала мне рукой из машины, и я помахал ей в ответ. И вовсе не педики это придумали. Я понял, почему люди машут друг другу. Показать, что они вместе. Я облизал губы. На них остался вкус дыхания Поппи. Это единственный супердар, который мне нужен.

Дин говорит: подождем до понедельника и пойдем в полицию. Нам надо собрать все вещдоки и подготовить речь. Дин должен решить, какие игры он желает получить вместе с «Плейстейшн». Еще надо все рассказать нашим мамам и в участок отправиться вместе с ними, а то вдруг копы нам не поверят. Дин говорит, нам могут устроить экскурсию, надеюсь, покажут камеру пыток. Вот бы запихать Убейцу головой в ведро с водой и держать, пока не признается. В Англии в тюрьмах стоят телевизоры и даже проходят состязания по бильярду. Никакой смертной казни. Нам бы

дожить до понедельника, и все будет отлично.

Льет дождь. Я набрал в грудь побольше воздуха и изготовился. Посмотрим, за сколько я добегу до дома.

Если уложусь в семь минут, Поппи меня не забудет. К тому же и с полицией все пройдет гладко.

Чтобы разогреться, я стал размахивать руками, постепенно наращивая темп. Кровь потекла бойчее. После разминки я побежал.

Бежал я быстро. По склону холма, по подземному переходу. Из груди у меня вырвался крик:

Я:

— Поппи, я люблю тебя!

Эхо так и загремело. Никто не слышал.

Пробежал мимо настоящей церкви, мимо креста.

Пробежал мимо центра «Юбилей».

Мимо камер наружного наблюдения, пусть снимут меня на счастье.

Мимо чужих голубей. Вообразил, что они приветствуют меня.

— Голуби, я люблю вас!

Глупо? Вовсе нет. Просто замечательно. Пробежал мимо лужайки и мертвого лестничного замка. Супербыстро, никогда еще так не бегал,

даже ног своих не видел. Никому меня не догнать, я побью мировой рекорд.

Мимо леди в инвалидном кресле. Она меня даже не заметила. Мимо домов и начальной школы. Ноги начали уставать, но я не снижал темп. Даже прибавил. Губы все еще пощипывало, где поцеловала Поппи. Дар рос внутри меня.

Мимо дерева в клетке.

Я:

— Дерево, я люблю тебя!

Пнул на бегу банку из-под кока-колы. Чуть не грохнулся, но устоял. Вот и наша башня. Я почти дома. Добегу до лестницы — и все тогда сбудется.

Подземный переход. Начинаю задыхаться. Слова уже не выговариваются. Могу только кричать на одной ноте.

Я:

— А-а-а-а-а-а!

Какое эхо! Еще бы, никто не мешает.

За угол. Вот и лестница. Дыхания не хватает. Останавливаюсь. Пот щиплет лицо. Похоже, я уложился не то что в семь минут, а в пять. Я добился своего! На лестнице приятный сквознячок. Подняться по ступенькам — и я дома. Обсохну, одним большим глотком выпью стакан воды. Прямо из крана на кухне налью — здесь это можно.

Я его не видел. Он появился из ниоткуда. Поджидал меня. Как я его не заметил, не обратил внимания? Глаза на затылке очень бы пригодились.

Он не произнес ни слова. Глаза говорили за него: он собирается меня уничтожить, и мне его было не остановить. И в сторону не отскочить, слишком быстро все произошло. Ткнул меня и бросился прочь. Я и не понял ничего. Меня ведь раньше не пытались зарезать. Вот ведь фигня.

В ноздри ударил запах мочи. Я повалился на бетон. «Не хочу умирать». Ни о чем больше я не мог думать. И ничего не мог сказать, кроме:

— Мама.

Это слово я прошептал. Тихо-тихо. Мама была на работе. А папа слишком далеко, ему и подавно не услышать.

Держись, я скоро. Держись.

Я схватился на живот, скорчился, будто не в себе. Руки мокрые. Нога угодила в лужу мочи, жидкость пропитала брюки. Дождинки медленно падали на лицо, сталкивались друг с другом, я любил их все, ни одну не выделял.

Стало холодно, во рту металлический привкус. А ведь я и не почувствовал, острый был нож или нет. Все произошло так внезапно. Рукоятка на

секунду мелькнула перед глазами, даже не заметил, зеленая она была или коричневая. Может, я сплю? Нет, вот перед глазами огромная лужа. И это никакая не моча, это я. Я посмотрел выше: ты сидел на решетке и смотрел на меня, твои розовые глаза совсем не мертвые, они заряжены любовью будто аккумулятор. Я попробовал засмеяться, но слишком больно.

Я:

— Ты прилетел. Я знал, что прилетишь.

Голубь:

— Не волнуйся, скоро будешь дома. Когда настанет время, я покажу тебе дорогу.

Я:

— Разве я не могу остаться?

Голубь:

— Не я решаю. Тебя позвали домой.

Я:

— Больно. Ты работаешь на Господа?

Голубь:

— Прости, что больно. Долго не продлится.

Я:

— Мне нравятся твои лапки. Такие красивые, царапучие. Мне нравится твой цвет.

Голубь:

— Спасибо. Ты мне тоже нравишься, всегда

нравился. Тебе нечего бояться.

Я:

— Расскажи Агнес мою историю про пассажира самолета с искусственной ногой. Подожди, пока она подрастет и научится говорить.

Голубь:

— Мы расскажем ей, не волнуйся.

Я:

— Ей понравится. Пить хочется.

Голубь:

— Знаю. Расслабься. Все будет хорошо. Ты видишь вдруг кровь. Она темнее, чем ты думал. Чума просто. Глаза закрываются сами собой. Я изо всех сил старался вспомнить, вот вспомню, и все будет хорошо, крошечные пальчики Агнес, ее пухлые щечки, и ничего не получалось. Все младенцы такие одинаковые.